

ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

РАХМОНОВА НИЛУФАР РУЗИКУЛОВНА

**СААДИ ШИРАЗИ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА:
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И ПРОБЛЕМА
ПЕРЕВОДА**

ДИССЕРТАЦИЯ

**на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности: 5.9.2 Литературы народов мира**

**Научный руководитель:
академик АН РТ,
доктор филологических наук
Имомзода М.С.**

Душанбе – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава I. СААДИ ШИРАЗИ В КОНТЕКСТЕ РУССКО-ВОСТОЧНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ.....	14
1.1. Саади Ширази и его творчество в европейской ориенталистике.....	17
1.2. Саади Ширази в русском востоковедении XVII-XIX вв.	32
1.3. Саади и И.А. Крылов (к вопросу об освоении и влиянии)	43
1.4. Своеобразие переводов произведений Саади Н.М. Карамзиным	55
1.5. А.С. Грибоедов и Саади: к вопросу рецепции персидско-таджикской литературы русскими писателями	61
Глава II. СААДИ ШИРАЗИ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА	70
2.1. Проблемы перевода отдельных произведений и отрывков Саади	75
2.2. Специфика вольного перевода на примере произведений Саади	82
2.3. Своеобразие переводов «Гулистана» И. Холмогорова и С. Назарианца..	93
2.4. Проблемы вариативности перевода на примере газели Саади Ширази «Эй сорбон, охиста рон, к-ороми чонам меравад...».....	105
2.5. Особенности сохранения ритмизованной прозы и стихотворного размера персидско-таджикской литературы при переводах на русский язык (на примере «Бустана» и «Гулистана» Саади Ширази).....	122
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	135
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	141
ПРИМЕЧАНИЯ.....	159

ВВЕДЕНИЕ

Персидско-таджикская литература и фольклор стали неотъемлемой частью русского литературного процесса. Первому знакомству с произведениями персидско-таджикской литературы русские читатели обязаны западноевропейским ориенталистам. Затем освоение восточной литературы, благодаря политическому и культурному интересу – зарождению научного востоковедения и переводческих школ, усиливается: изучаются восточные культуры и литература, осуществляется прямой перевод (переложение творений классиков Востока на русский непосредственно с восточных языков). Ярким примером русско-таджикских литературных связей является рецепция произведений Саади Ширази русским литературным процессом.

Европейские ориенталисты еще в XVII веке обратили внимание на творчество Саади: французский ориенталист Адре де Рие переводит «Гулистан» (1634), немецкий ученый Адам Олеарий (Ойшлегер) – «Гулистан» (1652) и «Бустан» (1696), голландский ученый Герг Гентиус переводит на латынь «Гулистан» (1651). Нельзя обойти вниманием научные исследования по изучению персидско-таджикской литературы и, в частности, творчества Саади: Бартелеми д'Эрбело в «Восточной библиотеке» («Библиотек Ориенталь...», 1697), Амабля Луи Мария Мишель Журдена «Персия, или Описание управления, верований и литературы этой империи» (1814), И.В. Гете в «Западно-восточном диване» (1819) и Комментариях к лучшему пониманию дивана. Эти труды были известны русским читателям и любителям восточной словесности.

В России одно из первых упоминаний произведений Саади датируется концом XVII века, на это указал А. Пыпин в «Очерках литературной истории старинных повестей и сказок русских» (1857) рассмотрев рукописи «Гулистан» (Персидский крынный дол) и «Бустан» (Персидский деревной сад) [61, с. 5-6]. В 1735 году Иоанном Ильинским переведен на русский язык,

с латинской версии Георга Вентуса (1651), «Рожовник» («Розовник», т.е. «Гулистон»), в котором дана информация о Саади¹, год издания «Гулистана», перечислены названия восьми глав книги.

Труд Б. д'Эрбело был источником дидактического сборника «Отборные плоды великих как древних, так и новейших умов» (1795). «В этой книге было напечатано большое количество афоризмом из «Гулистана»» [61, с. 11].

Известен любителям ориенталистики отдельный перевод «Гулистана» – «Басни восточного господина Сент Ламберта»² – «без указания первоисточника в названии, хотя во вступлении и упомянуто имя подлинника – Заади (Саади)» [61, с. 12-13]. Этот перевод, как отмечает А.Р. Гейзер, имеет «некоторые неточности в передаче смысла текстов», но «содержание и дух «Гулистана» переданы довольно точно».

В журналах XVIII века произведения Саади публикуются часто: «Трудолюбивый муравей» (№ 21, 1771), «Утренний свет»³ (1778), «Покоящийся трудолюбец»⁴ (1-ая часть, 1784), «Приятное и полезное препровождение времени» (1794⁵-1795⁶). В периодике XIX веке восточная тема будет продолжена. Творчество Саади не обошли вниманием и русские

¹ Муслан Саади, родом Ширазца

² Французский перевод «Гулистана» Сен-Ламбера опубликован в 1769 году.

³ Упоминается «Персидская розовая долина (Гулистан) Шейх-Садия, книга комментариев к «Гулистану» – «Билбилистон» (Бюльбюлистон)

⁴ Раздел «Искусство править государством, или наставления престарелого Монарха сыну его...», «явно навеянный чтением «Гулистана» и «Бустана» Саади, в пользу чего может свидетельствовать помещенная рядом «восточная» притча, героем которой является «добродушный король Саади»» [61, с. 13].

⁵ Раздел «Восточный моралист» представлял собой восточные афоризмы и пословицы и был переведен с французской книги «Избранные сказки, басни и афоризмы», почерпнутые у Саади из «Гулистана».

⁶ Опубликованы два текста: знаменитая притча о капле воды, превратившуюся в жемчужину, и «история из пятой главы «Гулистана» о двух влюбленных, попавших в кораблекрушение» [61, с. 16-17].

писатели XVIII века: А.Н. Радищев⁷, Н.М. Карамзин⁸, И.А. Крылов⁹ (приложение 1).

Нравоучение и дидактизм произведений Саади отразились в русской «восточной» повести XVIII-XIX веков.

В литературе XIX века Саади обогатил творческую мастерскую А.С. Пушкина¹⁰, А.А. Бестужева-Марлинского¹¹, Д.П. Ознобишина¹², А.С. Грибоедова¹³, Ф.В. Булгарина¹⁴, А.А. Фета¹⁵, Л.Н. Толстого¹⁶; а в XX веке к

⁷ «Личное свидетельство о знакомстве с «Гюлистане Саадиевым» («Гулистан») оставил А.Н. Радищев в своем философском трактате «О человеке, его смертности и бессмертии» написанном в период ссылки» [61, с. 19].

⁸ О сборнике Карамзина «Пантеон иностранной словесности» (1798) А.Р. Гейзером сказано: «Есть тут и переводы образцов восточной литературы с европейских «посредников» (Карамзин не был знатоком восточных языков), в частности, из произведений Саади» [61, с. 20].

⁹ Перевод притчи Саади «Соловей и Муравей» встречаем у Лафонтена и Крылова. Еще в 1815 г. эта притча была опубликована в «Вестнике Европы» (№11, с. 178-179) в переводе с французского. Текст притчи на фарси - в «Персидской хрестоматии» А. В. Болдырева (- М., 1826, с. 117). В 1826 г. она появилась в переводе петербургского ориенталиста И.В. Ботьянова в «Азиатском вестнике» (кн. 11-12, № 9 и 10, с. 217-219) под заглавием «Разговор соловья с трудолюбивым муравьем» [140].

¹⁰ В монографии Ходжибаевой Б. и М. Мирзоюнус о связи творчества Саади и поэмы А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» написано: «Толчком для рождения ассоциации между словами Саади об источнике – фонтане и Бахчисарайском фонтане могло послужить созерцание Пушкиным самого фонтана» [124, с. 71].

¹¹ А.А. Бестужев рассмотрел пути проникновения восточной культуры и литературы в Европу и Россию и дает оценку классикам персидско-таджикской литературы. Использовал Саади в своих повестях.

¹² Д.П. Ознобишин в критических работах знакомил русского читателя с творчеством Саади и сам перевел некоторые произведения персидско-таджикского классика с оригинала на русский язык.

¹³ А.С. Грибоедов в комедии «Горе от ума» интерпретирует строки из «Гулистана» Саади.

¹⁴ Ф.В. Булгарин мотивы произведений Саади использует при написании восточной повести «Милость и правосудие».

¹⁵ Вслед за Пушкиным мотив «соловья и розы» продолжил А.А. Фет.

¹⁶ Обращение Л.Н. Толстого при работе над «Азбукой» и «Русских книг для чтения» к восточной литературе и творчеству Саади.

творчеству классика персидско-таджикской поэзии обратились литературное общество поэтов-модернистов «Северный Хафиз», И.А. Бунин, С. Есенин.

Таджикским литературоведением должным образом не изучена и не рассмотрены особенности восприятия произведений Саади в контексте русско-таджикских литературных связей и проблема перевода.

Выше изложеное определило **актуальность** нового научного исследования по изучению *идейно-художественной сущности рецепции творчества Саади русским литературным процессом.*

Выбор темы исследования связан с изучением и осмыслением творчества Саади в контексте русско-восточных литературных связей.

Степень разработанности темы связана с вкладом таджикского литературоведения в исследование таджикско-русских литературных связей. Русско-восточные, а конкретно русско-таджикские, литературные связи являются предметом пристального внимания исследователей.

Исследователи ориенталисты изучали процессы взаимовлияния: использование образов и мотивов персидско-таджикской классики, и в частности творчества Саади, русским литературным процессом.

Примером таких исследований являются коллективные сборники статей¹⁷. Проблемам литературных связей посвящены диссертационные¹⁸ и научные исследования¹⁹.

¹⁷ Вопросы таджикской филологии: сборник статей АН Тадж. ССР (1985); Закономерности развития русско-восточных литературных связей: сборник статей ТПИРЯЛ (1992); Проблемы литературных связей: монография (РТСУ, 2018);

¹⁸Алимова Д.Х. «Восприятие и осмысление персидско-таджикской литературы русской критикой первой половины XIX в.» (1995); Гольц Т.М.«К проблеме влияния таджикско - персидской литературы на русскую литературу 20-30-х г. XIX в.» (1980); Маленький И.М. «Персидско-таджикская литература в украинских переводах» (1990); Мухтаров Ш. Персидско-таджикская классическая поэзия во Франции (1989); Раджабова К.Х. Таджикско-туркменские литературные связи (на примере произведений Махтумкули Фраги) (2017); Рахманов Б.Р. Персидско-таджикская литература в контексте русско-восточных литературных связей первой трети XIX века (2018); Рустамова Г.Х. Русско-таджикские литературные связи в XX веке (в контексте творчества Льва Толстого) (2016);

Значимыми для нашей темы являются работы по ориентализму в творчестве А.С. Пушкина²⁰.

Большое количество работ о литературных связях ограничено охватом материала, например, творчеством отдельного писателя²¹.

Научные работы по истории персидско-таджикской литературы и изучению творчества Саади²².

Самад В. Основные вопросы таджикско-азербайджанских литературных связей в XIX веке (1975); Ходжамуродова Ш.А. Особенности изучения переводов «Гулистана» Саади в Китае (2019);

¹⁹ Гадоева Н.С. Восточные образы в произведениях французских просветителей (2013); Гейзер А.Р. Первые встречи. Русская литература XVIII века. Источники. Посредники. Новые факты (1999); Давронов А. Равобити адабии халкҳои тоҷику арман (Литературные связи таджикского и армянского народов) (2008); Каганович С.Л. Русский романтизм и Восток (1994); Махмудов Д. Робитохои мутақобилаи адабии Шарку Фарби асрҳои XVII-XVIII (Литературные взаимосвязи Востока и Запада в XVII-XVIII веках) (2016); Мотамедниязи М. Персия в произведениях устного народного творчества и древнерусской литературы (2014); Муродӣ Н. Вуруди адаби форсу тоҷик ба сарзамини уйғур (Распространение персидско-таджикской литературы на уйгурской земле) (2012); Муродӣ Н. Таҳқиқи адабиети форсидабон дар Фарби Чин (Исследование персоязычной литературы в Западном Китае) (2013); Мухтор Ш. Фирдоуси во Франции (1999); Халед Ховзи Абдул Амир. Персидские темы и мотивы в русской литературе первой половины XIX века (2010); Шодикулов Х. «Издrevле сладостный союз...» (краткие очерки истории таджикско-русских литературных связей) (2006); Абрамов С.Р. Персидские мотивы в русской поэзии (о влиянии и рецепции Персии в русской культуре с Древних времен до Серебряного века) [Электронный ресурс] (2016); Алексеев П.В. Ислам в русской литературе: рождение гипертекста [Электронный ресурс] (2007);

²⁰ Атаханов Д.Т. Восточные мотивы в творчестве А.С. Пушкина (2000); Пушкин в странах зарубежного Востока: сборник статей (1979); Пушкин А.С. и Восток: сборник статей РТСУ (1999); Русский язык и двуязычие в моей жизни: сборник статей ТГНУ (1999); Б. Ходжибаева, М. Мирзоюнус Пушкин и Восток: монография (1999);

²¹ Абдулазизова З.С. С. Есенин и загадочный Восток («Персидские мотивы») (2016); Бариева М.Х. Роль и место Сергея Есенина в западно-восточном литературном синтезе («Персидские мотивы») (2007); Гольц Т.М. Сердце брата: очерк (1991); Рахманов Б.Р. А.А. Бестужев-Марлинский и персидско-таджикская литература (проблема перевода и влияния) (2006);

²² Махдиев С. Из истории прозы таджикско-персидской литературы: монография (2000); Тоджибоев Ш. «Бӯстон»-и Саъдӣ ва маснависароии форсу тоҷик дар асрҳои XIV ва нимаи аввалии XV («Бустон» Саади и персидско-таджикское поэмосложение в XIV и

Отметим, что проблема освоения произведений Саади в отечественном литературоведении не игнорировалась.²³

Рассматриваются учеными-ориенталистами и проблемы перевода.²⁴

Проведенный нами анализ научной литературы, связанной с темой «Саади Ширази и русская литература: литературные связи и проблема перевода», показывает, что в отечественном литературоведении отсутствуют монографические исследования, посвященные освоению произведений персидско-таджикского классика русскими писателями. Исходя из этого, в диссертации заявлена тема исследования, которая является попыткой восполнить пробел и внести свой вклад в решение проблем русско-восточных литературных связей.

Цель научного исследования. Сильное влияние Саади на русскую и европейскую литературу является бесспорным фактом. Саади Ширази будучи блистательным поэтом и прозаиком, автором всемирно известных книг «Гулистан» и «Бустан», переведенных на русский и многие языки мира стал своеобразным мостом для литературных связей Запада и Европы с персидско-таджикской литературой и культурой. Его вышеназванные произведения служили источником многих западных легенд и аллегорий. Например, исследователи обнаружили многочисленные следы влияния Саади

первой половине XIV веков) (2015); Хусайнӣ, С.А. Маохизи «Бӯстон»-и Саъдӣ (Источники «Бустана» Саади) (2015);

²³ Ваххобова М. Место и значение Саади в мировой литературе (2016); Гуломова С.Н. Влияние таджикско-персидской литературы на русскую литературу (Саади и Бунин) (2015); Насире Нафисе. Сюжет из «Гулистана» Саади в «Азбуке» Л.Н. Толстого (2015); Рахманов Б.Р. Мотивы поэзии Саади Ширази в лирике Д.П. Ознобишина (2015); Рахманов Б.Р. «Гулистан» Саади как первоисточник «восточной» повести Ф.В. Булгарина «Милость и правосудие» (2016); Самадова З.С. Назидания Саади в «Русских книгах для чтения» Льва Толстого (1999); Холов Х.Р. Пушкин и Саади (2017); Мустафа Байэшанов. Солнце восходит с Востока (2015);

²⁴ Давронов А. Зеленая книга времен (вопросы поэтики художественного перевода) (2012); Мамадиев Ж.Ў. Тарчумаҳои «Гулистон»-и Саъдӣ ба забони ўзбекӣ (Переводы «Гулистана» Саади на узбекском языке) (2012); Ходжимуродова Ш.Р. К истории перевода «Гулистан»-а Саади на китайский язык (2015);

в русской и немецкой литератур. Переводы его работ впервые появились в Европе в XVII веке.

Этим можно объяснить огромный интерес русских востоковедов к творчеству Саади в контексте русско-восточных литературных связей. В русле этой проблемы до сегодняшнего дня написано огромное количество научных работ.

Цель исследования заключается в том, что связь творчества Саади с русской литературой рассматривается не общем русле русской компаративистики, а период начала знакомства с творчеством и произведениями персидско-таджикского классика и освоением мотивов Саади Ширази русской литературой, на примере творчества отдельно взятых русских писателей (Крылова, Карамзина, Грибоедова), по существу являющихся представителями литературы одной эпохи.

Задачи исследования:

- рассмотреть вхождение Саади Ширази в русский литературный процесс, восприятие и осмысление произведений персидско-таджикского классика русскими писателями;
- проанализировать рецепцию образов и мотивов Саади в русской литературе;
- выявить проблемы переводов персидско-таджикской классики, в частности произведений Саади, русским литературным процессом.

Объектом исследования являются оригинальные произведения Саади Ширази, произведения русских писателей (Н.М. Карамзина, И.А. Крылова, А.С. Грибоедова), переводы А. Нарцева, И. Холмогорова и С. Назарианца; научные работы европейских, русских и отечественных литературоведов о творчестве Саади.

Предмет исследования прозаические и стихотворные произведения Саади Ширази и его переводы на русский язык.

Новизной диссертационной работы является выявление и анализ источников реминисценций из произведений Саади, конкретно переводов Крылова, Карамзина, Грибоедова, что является совершенно новым подходом в русском и таджикском литературоведении.

Теоретическая значимость диссертации обоснована тем, что достигнутые в диссертации научные результаты и практические рекомендации могут быть применены в дальнейших исследованиях русско-таджикских литературных связей, в дальнейшей практике переводов персидско-таджикской литературы в более широком масштабе.

Практическая ценность работы заключается в нацеленности ее результатов на преподавание в высших учебных заведениях дисциплин «История русской литературы», «Переводоведение», разработку спецкурсов и спецсеминаров по проблемам ориентализма в русской литературе XIX века, научно-исследовательскую работу студентов.

Метод исследования: Диссертационная работа основывается на сравнительно-историческом и текстологическом методе.

Русско-восточные, а конкретно русско-таджикские, литературные связи являются предметом пристального внимания исследователей.

Исследователи ориенталисты изучали процессы взаимовлияния: использование образов и мотивов персидско-таджикской классики, и в частности творчества Саади, русским литературным процессом.

Методологической основой изучения русско-таджикских литературных связей являются исследования В.В. Бартольда, Е.Э. Бертельса, Н.И. Конрада, Г.И. Ломидзе, А. Дима, Д. Дюришина; И.С. Брагинского, М. Шукурова, С. Табарова, Р. Мусулмонкулова, А. Сайфуллаева, Х. Шодикулова, А. Давронова, А. Нуралиева, М.С. Имомова, А. Абдусатторова.

Положения, выносимые на защиту:

1. В своих исследованиях европейские ориенталисты (Б. д'Эрбело, А. Журден, И.В. Гете), а вслед за ними и русские востоковеды (А.А. Бестужев-Марлинский,

Д.П. Ознобишин), обратили внимание на персидско-таджикскую классику и, конкретно на произведения Саади Ширази и постарались ознакомить современников с наследием персидского поэта.

2. Жанр басни прочно опирается на традиции. Сюжеты, образы и мотивы повторяются в произведениях авторов разных народов и времен. Это относится к И.А. Крылову. Сюжеты басен Крылова часто восходят к античным и восточным авторам: Эзопу, Феду, к сюжетам Лафонтена. Влияние Саади на Лафонтена очевидно: обращаясь к творчеству персидско-таджикского классика, баснописец черпал сюжеты и темы. И стал своеобразным проводником для других писателей, в том числе И.А. Крылову, в сокровищницу персидско-таджикской литературы.

3. Причина обращения к персидско-таджикской литературе и творчеству Саади Ширази (отрывку из «Бустана») была связана с взглядами Н.М. Карамзина – писатель выражает идеологию просветителей. Практическая философия должна помочь читателю разобраться в жизни, принятию правильного (мудрого и взвешенного) решения вопросов повседневного быта.

4. А.С. Грибоедов в своих произведениях (в путевых записях, комедии «Горе от ума» и поэме «Кальянчи») использовал мотивы творчества Саади.

5. Ориентальная литература и переводы из восточных литератур способствовали сближению культур. Переводчики знакомят читателей с новыми темами и идеями, образами и мотивами, при этом избирательно отходит от оригинала. Одной из причин этого является особенности языка. Другой особенностью является индивидуальность переводчика: его взгляды и причины обращения к произведению.

6. При художественном переводе персидско-таджикской поэзии на русский язык наблюдаются вариации одного и того же произведения. Это обусловлено подготовленностью переводчика и его субъективный выбор аналогий на русском языке; связано с уровнем соответствия подстрочного перевода оригиналу, на основе которого делался художественный перевод.

7. Существует ряд проблем при переводе благозвучной (рифмованной) прозы персидско-таджикской классики на русский язык. При переводе на русский язык не всегда можно подобрать и применить одинаковые по форме и звучанию слова.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии и примечания.

Во **Введении** определены цели и задачи исследования, теоретическая и практическая значимость, новизна научной работы.

В первой главе **«Саади Ширази в контексте русско-восточных литературных связей»** рассматриваются вопросы: творчество Саади Ширази в западно-европейской ориенталистике и в русском востоковедении XVII-XIX вв., Саади и басни И.А. Крылова (к вопросу об освоении и влиянии), своеобразие переводов произведений Саади Н.М. Карамзиным, А.С. Грибоедов и Саади: к вопросу рецепции персидско-таджикской литературы русскими писателями.

Вторая глава **«Саади Ширази и русская литература: проблема перевода»** посвящена проблеме перевода отдельных произведений и отрывков Саади, специфике вольного перевода на примере произведений Саади, своеобразие переводов «Гулистана» И. Холмогорова и С. Назарианца, проблеме вариативности перевода на примере газели Саади Ширази «Эй сорбон, охиста рон, к-ороми чонам меравад...», особенности сохранения ритмизованной прозы и стихотворного размера персидско-таджикской литературы при переводах на русский язык (на примере «Бустана» и «Гулистана» Саади Ширази).

В **Заключении** подведены итоги исследования.

Список использованной литературы включает в себя 152 источника. Диссертационное исследование снабжено примечаниями.

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы отразились в 4 статьях опубликованных в журналах, входящих в перечень ВАК.

Диссертант участвовала с докладами на конференциях (Международная научно-практическая конференция «Русский и иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания в ВУЗах Таджикистана». – Душанбе: филиал Национального исследовательского университета МЭИ, 2020; Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы теории и практики перевода». – Душанбе: ТНУ, 2020; Международная научно-практическая конференция «Русский и иностранные языки: перспективы преподавания в ВУЗах Таджикистана с использованием современных образовательных технологий». – Душанбе, филиал Национального исследовательского университета МЭИ, 2021»; Международная научно-практическая конференция «Русский язык и литература в современных реалиях». – Душанбе: ТНУ, 5 февраля 2022; Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы филологии и журналистики». – Душанбе, РТСУ, 27 октября 2022).

По материалам научного исследования опубликована монография «Вхождение Саади в русскую литературу: литературные связи и проблема перевода» (2021).

ГЛАВА I. СААДИ ШИРАЗИ В КОНТЕКСТЕ РУССКО-ВОСТОЧНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Русского читателя привлекут внимание в произведениях А. Бестужева-Марлинского, Д.П. Ознобишина, А.С. Пушкина восточные мотивы: образ розы и соловья, пророка, девы Востока. Благодаря Саади станет известен образ фонтана, который будет связан в русской литературе с горечью разлуки с друзьями, болью и утратой. Этот мотив войдет в русскую литературу благодаря Томасу Муру, через перевод «восточной поэмы» «Лала-Рук».

«Many like me have viewed this fountain,
but they are gone and their eyes are closed for ever!» [152]

Вода и источник в восточной культуре связан с символом благополучия и земной радости. Паралельно рассматривается как тема бренности земного, мотиву одиночества и печали. «Фонтан, как известно, – ...непреложная примета Востока султанов, гаремов, нежных чувств и любовной тоски – образ, широко представленный в творчестве поэтов и прозаиков различного диапазона» [118, с. 77]. Эти строки из «Бўстона» Саади говорят о бренности бытия:

«Бар ин чашма чун мо базе дам заданд,
Бирифтанд, чун чашм бар хам заданд.
Гирифтем олам ба мардию зўр,
Валекин набурдем бо худ ба гўр!» [29, с. 35]

В художественном переводе В. Державина:

«Здесь сотни сотен жажду утоляли,
И, не успев моргнуть, как сон пропали.
Мы покорили царства всей земли,
Но взять с собой в могилу не могли!» [26, с. 73]

Или, например, строки о скоротечности бытия:

«Чаро дил бар ин корвонгах ниҳем?
 Ки ёрон бирафтанду мо бар раҳем.
 Пас аз мо ҳамин гул диҳад бўстон,
 Нишинанд бо якдигар дӯстон» [29, с. 271].

Художественный перевод В. Державина:

«Ты спишь в рабате этом, в неге тонешь?
 Друзья ушли, ты скоро их догонишь.
 Умрем, сады весною расцветут,
 И новые влюбленные придут» [26, с. 407].

А.С. Пушкин обратился к Саади в романе в стихах «Евгения Онегина» (51 строфа 8 глава):

«Иных уж нет, а те далече,
 Как Саади некогда сказал..» [20, с. 124].

Это обращение русского классика для современников будут связаны с декабристским восстанием. Подтверждают верность Пушкина идеям свободолюбия. Духовную связь с друзьями и единомышленниками. Память в обществе о сосланных декабристах в Сибирь и на Кавказ.

Это двестишие Саади встречается и в поэме «Бахчисарайский фонтан», где есть ссылка на первоисточник. А.С. Пушкин, посетив развалины Бахчисарайского дворца, услышал легенду о трагической любви хана Гирея к пленной полячке Марии Потоцкой и сказание о фонтане слез из легенды, Надпись на фонтане приписаны Саади Ширази и стали эпиграфом к произведению:

Многие, также как и я
 посещали сей фонтан, но
 иных уже нет, другие
 странствуют далече...

Этот мотив Саади Ширази встречается в произведении «Фрегат «Надежда»» А. Бестужева-Марлинского. И связан с размышлениями о

разлуке и о жизни главного героя: «И потом, где те, которые любовались им так недавно? «Одних уж нет, другие странствуют далече!» – со вздохом думал Правдин» [2, с. 231].

Эти примеры переводов русскими писателями строк Саади говорят о необходимости научного исследования восприятия и осмысления произведений персидско-таджикского классика русскими писателями, анализ рецепции образов и мотивов Саади в русской литературе.

Взгляд русского востоковедения на литературные взаимоотношения Запада и Востока имеет специфические моменты, подтверждением чему является работа А.И. Рейтблата «Ориентализм» и русский ориентализм (Обзор книг по ориентализму в русском востоковедении и литературе)». Исследователь указал, что в книге Э.В. Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока» говорится: Запад выработал и навязал Востоку зависимое положение. Книга Э.В. Саида вызвала полемику в востоковедении. Это было связано с особым отношением России к Востоку.

А.И. Рейтблат рассматривает и анализирует в статье труды Давида Схиммельпэннинка ван дер Ойе²⁵ «Русский ориентализм: Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции», Елены Чач²⁶ «Ориентализм Серебряного века: факты и наблюдения», П.В. Алексеева²⁷ «Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины XIX века». Исследователи, рассматривая проблему – Русский ориентализм и Восток, выделяют два момента.

²⁵ Давид Схиммельпэннинк ван дер Ойе «Русский ориентализм: Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции» / пер. с англ. П.С. Бавина. – М.: РОССПЭН, 2019. – 285 с.

²⁶ Чач, Е.А. «Ориентализм Серебряного века: факты и наблюдения». – СПб: СПбГУПТД, 2016. – 287 с.

²⁷ П.В. Алексеева²⁷ «Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины XIX века: от А.С. Пушкина к Ф.М. Достоевскому». – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2015. – 348 с.

Во-первых, Россия по географическим, национальным и историческим обстоятельствам теснее связана с Востоком, более того она для Европы является Востоком.

Во-вторых, если для европейца была характерна позиция «тяжелого бремени белого человека» принести к «дикарям» цивилизацию; то отношение русских ориенталистов к восточному миру иное. Восток – это начало цивилизации или младость человечества, это истоки романтического мировосприятия, это идеал для подражания – не менее ценный, как и античность, это кладезь тем и образов, новых возможностей слововыражения и т.д. об этом свидетельствуют труды ряда современных литературоведов. Давид Схиммельпэннинк ван дер Ойе указывает – «большинство уважали изучаемые народы и даже находили их привлекательными», Елена Чач размышляет – русские в конце XIX- начале XX в. искали на Востоке свои духовные корни, у А.И. Рейтблат – «русские исследователи и деятели искусства хотя и нередко воспризывали западные стереотипы, но в значительной части относились к нему (Востоку) позитивно» [142].

1.1. Саади Ширази и его творчество в европейской ориенталистике

Русская литература с зарождения письменности и до современности развивается во взаимодействии с соседними культурами и литературами народов Востока. Это взаимосвязи, и особенно литературные, были весьма полезными для взаимообогащения.

Изучение русской литературы будет полным и глубоким, если рассмотреть место и роль духовного наследия Востока в художественном мире О.И. Сенковского, А.С. Грибоедова, И.А. Крылова, Н.М. Карамзина, Д.П. Ознобишина, Ф.Б. Булгарина, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.А. Фета, Л.Н. Толстого, И. Бунина, и др.

Литературные связи России и Востока в X-XVII вв. занимают довольно незначительное место. Но с развитием востоковедения к XVIII-XIX вв.

Россия обращает внимание на персидско-таджикскую классику её из общевосточной.

В мировом востоковедении общеприняты семь звезд персидско-таджикской поэзии: А. Фирдоуси, Низами, Анвари, Руми, Саади Ширази, Хафиз Ширази и Джами. Жизни и художественному творчеству персидско-таджикских поэтов посвящены труды и исследования европейских ученых-ориенталистов: Анре де Рие (1580-1660 - 1672), Б. д'Эрбело (1625 - 1655), А. Олеария (1599 -1671), А. Журдена, (1751 - 1817), Й.Х. Пургшталя (1774 - 1856), Ф. Рюккерта (1788 - 1866), И.В. Гете (1749 - 1832).

Одними из первых указали на лучших поэтов Востока немецкие востоковеды Г. фон Диц, Й.Х. Хаммер-Пургшталь и И.В. Гете, знакомя европейских читателей с биографией и произведениями Фирдоуси, Анвари, Низами, Руми, Саади, Хафиза и Джами.

В исследованиях европейских востоковедов и русских ориенталистов рассматривается персидско-таджикская классическая литература. Обращено внимание на жизнь и творчество Саади Ширази. И духовное наследие классика становится известным широкому кругу читателей. «Интерес первых европейских и русских переводчиков к поэзии Саади основывался главным образом на ее мудрой дидактике и глубоком философизме» [61, с. 9]. Биография Саади Ширази и его произведения даны в трудах Б. д'Эрбело «Библиотек Ориенталь...» (1697), А. Журден «Персия, или Описание управления, верований и литературы этой империи» («La Perse ou Tableau de gouvernement, de la religion et de la littérature de cet empire», 1814), И.В. Гете «Западно-восточный диван» (1819) и Комментария к лучшему пониманию дивана.

Один из хрестоматийных трудов XVIII века о Востоке, который вобрал в себя европейские знания, «Восточная библиотека» Бартелеми д'Эрбело де Моленвиль. Представлен как некий универсальный словарь и состоит из 8600 статей [129, с. 26]. В содержание входят сведения о восточных народах, дана

история государств и политика, традиции, нравы и обычаи, религия и законы, достижения науки и медицины, искусства и ремесел, т.д. В названии книги говорится о сведениях: знаменитости (поэты и ученые), художественные и научные труды (трактаты, переводы, сборники – на арабском, персидском и тюркском языках).

Труд имел фундаментальное значение: дается видение и развитие ориентализма. Восток явился перед европейцами не «слаборазвитым» миром. Исследователи-востоковеды, показывая культурные достижения, ставили в один ряд с античностью. Дается другой образец для подражания, не менее древний и ценный, способный обогатить европейскую литературу новыми мотивами и образам, идеями и темами. «Восток рассматривается и исследуется как новая Античность, и этот взгляд оставил свои следы, которые возможно не исчезли и в наши дни» [129, с. 12].

Б. д'Эрбело, собравший все доступные европейские сведения, в своей книге пишет о Саади Ширази. Этого прославленного персидского автора именуют Шейхом Мослехидином Саади Аль-Ширази. Французский исследователь уточняет «Ширази» связано с городом Шираз, столицей провинции Фарс, где поэт родился в 571 году от Хиджры. Даны сведения о жизни: отшельник и дервиш. Третью жизнь прошло в путешествиях.

Читатель по автобиографическому повествованию классика знакомится с моментами жизни классика: Саади был рабом на Святой земле. Как раба заставили трудиться в Триполи. Некий торговец, узнав его, выкупил из плена. Позже женил на своей дочери, но брак был неудачен. Эти печальные воспоминания подтолкнули поэта изложить мысли о семье и женской добродетели в произведениях, особенно в «Гулистане».

Б. д'Эрбело дает информация об известных произведениях Саади Ширази. Завершил в 636 году по Хиджре книгу, названную «Гулистан», написанную частью в прозаической форме, частью в стихах. Спустя некоторое время позже завершил написание «Бустана», который создан в стихотворной

форме. Следующее известное любителям персидского стиха произведение названо «Муламмаот».

Б. д'Эрбело поясняет особое название книг. Исследователь указывает на смысл названий. Слово «гулистан» собственно переводится с персидского языка «сад» или «цветник». А значение слово «бустан» ученый поясняет «плодовый сад». С арабским значением связан «Муламмаот» - «искры», «лучи» и «образцы».

Обширный труд «Персия, или Описание управления, верований и литературы этой империи» («La Perse ou Tableau de gouvernement, de la religion et de la littérature de cet empire», 1814) А. Журдена связан с изучением Персии (Ирана): даны географические сведения, рассмотрена религия, собраны лучшие примеры из словесного наследия. Читатель знакомится с жизнью и творчеством персидско-таджикских поэтов Фирдоуси, Анвари, Аттаром, Саади, Руми, Дихлави, Хафизом, Джами.

Весь литературоведческий материал был выбран из книги А. Журдена, опубликован на русском языке в журнале «Вестнике Европы» в статье «О языке Персидском и словесности».

А. Журден рассмотрел особенностям языка – персидский язык наполнен прелести и нежности. Звучность персидского языка является фонетической особенностью. Ученый поэтичность языка объясняет мягкостью звучания, указывает на словообразование и порядок слов в предложении.

Саади для европейского ученого явился как «глава персидских нравоучителей, красноречивейший и благоразумнейший стихотворец на целом Востоке» [8, № 12, с. 44]. Журден пишет о биографии поэта, указывает на причину имени, обучением и получением образования. Поэт путешествовал по Малой Азии, Египту и Индии. Саади является ученым с обширными лингвистическими и философскими знаниями, но известен по произведениям как поэт-нравоучитель. «Его сведения были глубоки и разнообразны; ...Сади знал все Восточные языки и сверх того даже

Латинский, и читал с разборчивым вниманием сочинения философа Сенеки: впрочем такая ученость, ежели она несомнительна, ничего не прибавила бы к его славе» [8, № 12, с. 47]. Ученый-ориенталист говорит о том, что уединенное жилище поэта посещали известные ученые и правители. Беседы с Саади поражали слушателей красноречием и нравоучением.

Известность Саади принесли его произведения: собрание сочинений (Куллиет), Гюлистан (страна роз) и Бустан (вертоград). Нравственные рассуждения поэта были приняты и Востоком и Западом.

Журден повествует о содержании сочинений. «Гюлистан разделяется на восемь глав, в которых Сади говорит о нравах государей и людей благочестивых, об умеренности желаний, о выгодах уединения, о любви и молодости, о старости, о признаках хорошего воспитания, о обращении» [8, № 12, с. 48]. «Гулистан» написан частично прозой, частично в стихотворной форме. Дидактический материал предстает перед читателем в восхвалении добродетели, даются примеры из истории. Повествование частей заключено каким-либо суждением или мудрым правилом. Содержание Гулистана дается понятным и доступным языком, по восточному цветущими мыслями, правильными и справедливыми суждениями, прелестными примерами.

Бустан в свою очередь представлен в стихотворной форме. Произведение делится десять глав. «Сади говорит в нем о правосудии, о правлении, о страхе и любви к Богу, о благодеянии, великодушии, человеколюбии и проч.» [8, № 12, с. 49]. Исследователь считает, что в Бустане у Саади продемонстрировал дар стихотворца. Произведение характеризуется многозначностью и таинственностью. Мы принимаем эту тоску зрения, потому что восточный классик излагает суфийскую философию, чередуя мудрые изречения занимательностью. Неслучайно в исследованиях европейский ученый говорится о Саади, как практикующем мудреце, дервище и встречается слово «софи» (суфий).

Все сведения о творчестве Саади А. Журден завершает цитатой: «Каждый листок зеленого дерева для мудреца служит листом книги, в которой он научается бытию Создателя» [8, № 12, с. 50]. Это изречение связано с бытием и сознанием великого персидско-таджикского поэта.

«Западно-Восточный диван» (1819) немецкого поэта-ориенталиста И.В. Гете является значимым произведением, подводящем итог сведений немецкой ориенталистики. Написание дивана сопровождалось изучением восточной словесности, консультациями с известными европейскими учеными и исследователями. Комментарии к лучшему разумению дивана дают европейскому читателю сведения о истории и культуре восточных народов. Гете повествует о звездах персидско-таджикской классики.

Немецкий поэт-ориенталист рассказал о жизни Саади Ширази: о несчастной любви, жизнь странствующего дервиша (тридцать лет скитаний по Индии, Малой Азии и стран Запада). Саади совершил пятнадцать раз паломничество в Мекку. Участь пленника, тяжесть жизни способствовали обширному познанию и философским размышлениям: «Ему пришлось пережить не одно занимательное приключение, в итоге же он обретает замечательное знание людей и стран» [4, с. 185].

Удененная жизнь в последнюю треть жизни позволяют подвести итог, что вылилось в создание произведений. Саади изложил современникам и потомкам познания, мысли и жизненный опыт: «Исключительная его цель – наставления читателей, слушателей» [4, с. 185]. Произведения Саади «Гулистан» и «Бустан» наполнены нравоучениями, много дается примеров о добродетели и праведной жизни. Свои мысли поэт изложил в прозаической и стихотворной формах: «Он живет в широчайшем мире опыта, он – неисчерпаемый источник анекдотов, которые разукрашивает стихами и речениями» [4, 185].

Рассматривая жизнь и творчество классиков персидско-таджикской литературы – Фирдоуси, Энвери, Низами, Руми, Саади, Хафиза, Джами –

выделяя особенность художественного наследия, немецкий поэт-исследователь сделал вывод. Каждый поэт сказал новое слово, каждый был востребован в свое время. Каждому характерно открытие неизвестных страниц жизни людей. Саади, с точки зрения И.В. Гете, сконцентрирован в познании бытия. Персидско-таджикский поэт считает нужным наставлять и поучать.

Сведения о произведениях Саади содержит и сам текст «Западно-восточного дивана» И.Ф. Гете и Примечания немецкого поэта к нему. Если обратимся к названиям двенадцати книг (глав) дивана Гете, то очевидно несомненное влияние мудрости и морали Саади – «Тэфкир-наме» (Книга Размышлений), «Хикмет-наме» (Книга Изречений), «Масаль-наме» (Книга Притч). В Примечаниях к дивану И.В. Гете говорит: «Книга Размышлений» посвящена практической морали и житейской мудрости, согласно нравам восточных людей и их манере выражаться» [4, 457]. Книга Изречений представлена произведениями аллегорического содержания. Притчи представлены образными рассказами и посвящены разным обстоятельствам жизни. «Притчи, как иные поэтические виды Востока, соотносящиеся с нравственным смыслом, весьма ладно разделяются между тремя различными рубриками – притчи этические, моральные и аскетические» [4, 255].

В «Саки-наме» (Книга Кравчего) прямое обращение к творчеству Саади Ширази. В Примечании говорится о взаимоотношениях людей раннего и преклонного возраста. «Их отношения по-настоящему развивают ум и смекалку детей; дети замечают какой властью пользуется старик, каким достоинством наделен, каким опытом обладает; души, чистые по природе, испытывают при этом потребность в том, чтобы благоговейно склониться перед старостью; старик, волнуемый этим, крепко привязывается к ребенку» [4, 251-252]. Эти отношения подталкивают отрока к развитию своих

дарований. И немецкий поэт приводит два примера из Саади²⁸. Источником примеров является Глава пятая «О любви и молодости» «Гулистана». Это рассказ 17 о встрече в Кашгаре с отроком, дружбе возникшей между ними из-за общности интереса к наукам и искусствам и печальном расставании. Второй пример – это рассказ 18, о привязанности и дружбе между молодыми людьми, печали и скорби одного после смерти друга.

В примечаниях И.В. Гете поместил образец наиновейшего стиля восточной словесности. Посол Мирза-Абул-Хасан-хан персидского шаха Фах-Али Катжара в России начертал несколько строк²⁹ в 1816 году: «Как же верно говорил купец, захваченный в плен разбойниками, что направили стрелы свои в его грудь. Царь, угнетающий торговлю, закрывает врата Благодати перед лицом своих воинств. Кто разумный поедет в его страну, если идет о нем молва, что не праведен он? Стремись к доброй славе, так чти же купцов и посланников. Великие мира сего покровительствуют странствующим, дабы шла молва добрая. Где не пекутся о чужестранцах, та страна скоро погибнет. Будь другом чужестранцам, будь другом путешествующим, смотри на них как на средство укрепить добрую славу; принимай иноземцев радушно, цени тех, кто едет мимо тебя, остерегайся быть к ним несправедливым. Кто исполнит такой совет посланника, тот несомненно извлечет из него пользу» [4, 199].

Этот совет персидского посла связана с Первой главой «О справедливости, мудрости и рассудительности» из «Бустана» Саади Ширази. Отметим, что посол, пересказывая Саади, добавил к чужестранцам (путешественникам и купцам) и посланника. И призывает завуалированно русского императора прислушаться к словам персидского посла об экономическом и политическом союзе России и Персии. Несомненно, будучи

²⁸ «Гете почти без изменений воспроизводит рассказ из «Сада Роз» в переводе Адама Олеария по изданию 1696 года» [4, 796].

²⁹ «Как позднее указывал Й. Хаммер, все написанное послом было составлено из текстов Саади...» [4, 787].

человеком просвещенным, посол напоминает монарху искусство правления и говорит о премудрости, о соблюдении законов, о пользе торговли.

Эта попытка Саади Ширази наставить государя мудрости правления привлечет впоследствии внимание многих переводчиков. Разные по форме и отличающиеся по содержанию, но основывающиеся на произведениях Саади, наставления, поучения и советы наследникам трона будут частыми в европейской и русской периодике эпохи Просветительства XVII-XVIII вв. Но в большей степени интереснее выявить особенности восприятия произведений Саади Ширази И.В. Гете в «Западно-Восточном диване».

В «Масаль-наме» (Книге притчей) И.В. Гете интерпретирует «Гулистан» Саади. Адам Олеарий говорит в «Саду Роз»: «У прекрасного больше прав, чем у безобразного, направлять стопы, куда пожелаешь, и ничьей руке не вытащить его назад» [4, 758].

В переложении И.В. Гете:

«Я был изумлен, друзья-мусульмане,
Увидев перо павлина в Коране:
Добро пожаловать в книге святой,
Созданье, блистающее красотой!
В тебе, точно в звездах, является нам зренье
Величие божье в малом творенье.
Он, мир вместивший в свой кругозор,
Остановил на тебе свой взор
И перьям дал небывалый узор.
Напрасно даже цари и царицы
Пытались заимствовать роскошь у птицы.
Не чванься славой, – следи за собой
И будешь достоин святыни любой» [4, 112-113].

В Главе третьей «О преимуществах довольства малым» рассказ первый посвящен молодому человеку, желающему путешествовать. И отец

наставляет: выгода путешествия доступны ряду людей, к числу которых относятся красивые люди. Красота, считает умудренный жизнью человек, является лучшим богатством. В прозаической форме: «Уверяют, что красота лица – бальзам, исцеляющий утомленные сердца, и ключ, отпирающий замкнутые двери. Естественно, общество его всюду считает желанным, а услужение ему воспринимается как приятная обязанность» [31, 168].

Завершается мысль в стихотворной форме:

«Куда б красавец ни пошел, везде он встретит уваженье,
Хотя бы выгнали его из дома и отец и мать.

Перо павлинье видел я однажды среди страниц корана,
И я сказал ему: «Перо! Зачем же ты полезло в знать?»

«Молчи, – оно сказала мне, – куда бы ни поставил ногу

Красавец – ты ведь знаешь сам, его уже не задержать»» [31, 169].

Перевод Р. Алиева и А. Старостина позволяет узнать смысл оригинала: перо павлина считает себя достойным среди общества в силу своей красоты. Гете сохраняет это звучание: «Созданье, блистающее красотой..., зренья Величие божье в малом творенье..., перьям дал небывалый узор». Гете указывает правители и цари для создания благолепия и роскоши использовали арабески, узоры и цвета.

И.В. Гете говорит о скромности и смирении, что характеризует человека воспитанного, в котором больше чести и достоинства: «не чванься славой, будешь достоин святыни любой».

Первое, что показывает сравнение – это несоблюдение формы повествования в Западно-Восточном диване. У Саади идет прозаическое повествование, каждая мысль или эпизод завершается стихотворением, который и подводит итог. Гете мысли персидского классика передал в лирической форме.

У Адама Олеария, который ознакомил Гете с «Садом Роз» (Гулистаном) эти мысли в прозе.

Второе – наблюдаем сохранение основной мысли. Вводятся иные образы: немецкий поэт приравнивает мораль и красоту, мысль о мироздании как о божьем творенье, стремление царственных особ к роскоши и призыв к смирению.

Мотив смирения отразился и в «Масаль-наме» (Книге притч), в которой И.В. Гете поместил притчу о капле, ставшей жемчужиной.

«В пучину капля с вышины упала, –
 Ходили волны, ветер выл,
 Но бог, узрев смиренной веры пыл,
 Дал капле твердость высшего закала.
 Ее в себя ракушка приняла,
 И вот в венце властителя державы,
 Признаньем доблестей и славы,
 Блестит жемчужина, прекрасна и светла» [4, 111].

Первоисточником этого стихотворения И.Ф. Гете явилась газель о покорной и смиренной дождевой капле (из четвертой книги «О смирении» – «Дар тавозуъ») из поэмы Саади Ширази «Бӯстон». Это повествование о дождевой капле. Капля в море задумалась о своей сущности:

«Яке катраборон зи абре чакид,
 Хичил шуд, чу пахнои дарё бидид,
 Ки чое, ки дарёст, ман кистам?
 Гар ӯ хаст, ҳаққо, ки ман нестам» [29, с. 147]

Подстрочный перевод³⁰:

«Капля дождевая упала на землю, покинув лоно тучи,
 Пришла в смущение, когда увидела простор море,
 Кто же я иль что, там, где море?
 Когда оно существует, воистину, не существую я».

³⁰ Перевод выполнен А.С. Аминовым.

Капля, попавшая в море, осознает свою ничтожность. Подобно капле человеку следует воспринять свое положение: он крупинка в мироздании. Покорная судьбе и смиренная капля впоследствии вознаграждена. Раковина превращает каплю жемчужину невиданной красоты:

«Чу худро ба чашми ҳақорат бидид,
Садаф дар канораш ба чон парварид.
Сипехраш ба чое расонид кор,
Ки шуд номвар луълуи шоҳвор» [29, с. 147]

В подстрочном переводе А. Аминова:

«Когда взглянула на себя глазами презренья,
Раковина жемчужная взрастила ее всей своей душой.
Судьба, ниспосланная сверху, сделала так,
Что прославилась она блеском жемчужины царской».

Судьба оценила смиренность и покорность дождевой капли и вознаградила ее:

«Баландӣ аз он ёфт, к-ӯ паст шуд,
Дари нестӣ кӯфт, то ҳаст шуд» [29, с. 147]

Так история дождевой капли может стать примером для подражания:

«Вершину обрела оттого, что избрала скромность,
Постучала в дверь небытия и обрела Бытие».

Анализ содержания оригинала и перевода показывает, что оба поэта передают одну мысль: покорность судьбе, принятие жизни таковой, какая она есть, смиренность и умение довольствоваться достигнутым.

Но И.В. Гете вводит свою интерпретацию истории о капле дождевой. Капля попала в морскую пучину; покорность и смирение капли оценила не судьба, а бог; вознаграждение последовало за твердостью закала.

И для более полного сравнения приведем еще один перевод этой газели Саади, выполненного М.Л. Михайловым.

«Капля дождевая пала с тучи в море,

Где буграми волны ходят на просторе.
 «Что же я-то в этой страшной бездне значу? -
 Капля горевала, - здесь и жизнь утрачу!»
 Но от темной доли в лоне вод суровом
 Раковина каплю осенила кровом...
 Сберегла от смерти, от беды и страха,
 И теперь та капля - лучший перл у шаха» [141]

С переводом Адама Олеария «Сад Роз» связано и другое переложение И.В. Гете:

«Будь наш господь плохим соседом,
 Как мы, как все, кого не счесть,
 Почет нам был бы и неведом,
 Любой бы жил, каков он есть» [4, 59].

Оригинальные строки Саади в прозе: «Бог всеславный и всевышний видит все, но все скрывает, а сосед ничего не видит ясно, но орет громогласно» [31, 293].

Саади завершает эту мысль строками:

«Если бы все ясновидцами были –
 Зло не дай бог нам увидеть такое, –
 Все бы боялись злословия ближних,
 Больше никто жить не мог бы в покое» [31, 293].

У Саади противопоставлены бог (скрывающий чужие тайны) и человек (склочный и громогласный), и стихотворная мысль о предостережение от злословия.

И.В. Гете, традиционно не соблюдая форму (проза и стихотворная часть), в лирической форме интерпретирует по-своему мысль и меняет основную мысль оригинала. Бог требует от людей соблюдения морали, норм общения, уважения друг к другу. Если бы он уподобился плохим людям, в

обществе исчезло бы почет и честь. Как видим, Саади говорит о человеческом покое, И.В. Гете апеллирует почетом (честью).

Книга Изречений «Западно-Восточного дивана» И.В. Гете содержит и строки из Саади об пышном украшении левой руки:

«Но правая смысл придает и ей
Лишь тем, что ее украшает» [4, 64].

Источником является Глава 8 «О правилах общения» «Гулистана»: «Первый человек, который стал носить знаки царского достоинства на одежде и перстень на пальце, был Джамшид. Его спросили:

– Почему ты отдал левой руке все украшения, ведь превосходство принадлежит правой, без сомнения!

– Правая рука достаточно украшена тем, что она правая, отвечал он»

[31, 294].

Саади продолжает свою мысль строками:

«Велел художникам китайский Фаридун,
Чтоб вышили они на пологе владыки:
«Ты добрым будь к дурным, благоразумный муж,
Ведь добрые и так счастливы и велики» [31, 295].

Созвучна этой мысли и другая притча Саади:

«Некоего мудреца спросили:

– Правая рука обладает столькими достоинствами, почему же перстень носят на пальце левой руки?

– Разве ты не знаешь, – отвечал он, – что люди достойные всегда бывают обездолены.

Тот, кто придумал счастье и создал хлеб насущный,
Одним дарует доблесть, другим дарит удачу» [31, 295].

Не сохранена форма оригинала Саади, но немецким ориенталистом суть строк персидско-таджикского классика передается.

В заключение укажем, что труды ученых-ориенталистов Европы и первые опыты переводов поэтов восточной классики сыграли большую «посредническую» роль в ознакомлении русской литературы с духовным богатством Востоком, его культурой и литературой. Считаем нужным отметить, что переводам Саади Ширази с оригинала на русский язык предшествовали прозаические переложения и художественные переводы европейских писателей.

Объемные характеристики, обусловленные достижениями европейской ориенталистики, дают представления русских ориенталистов о художественных произведениях персидско-таджикской классики: «Каковым является Фирдуси в исторической Эпопеи, таков, и не менее славен Низами в роде романтическом, Энвери как Панегирик, Желаледин как Писатель мистический, Саади как нравоучитель, и наконец Гафиц, как поэт эротический, коего газели (оды), без всякого пристрастия назвать можно неоцененными перлами Востока» [9, № 4, часть 105, с. 401].

Интерес к восточной культуре и литературе, и ее изучение в Европе и России было связано с новым периодом общественного и культурного развития общества. В науке это связано со становлением и развитием востоковедения. В культуре – формированием новых эстетических идей. В литературе – поиски новых мотивов и тем, форм и способов выражения.

В начале XIX века западными писателями романтиками Восток был объявлен родиной романтизма. Духовное наследие восточной литературы, которая была не менее древняя, чем античная, и в частности персидско-таджикская классика, не менее ценная, явилось образцом для подражания. К восточной литературе, и в частности к Саади Шерози, обратились в поисках образов и сюжетов столь необходимых европейскому и русскому литературному процессу.

Мотивы и изречения Саади Ширази входят в художественную мастерскую слова А.С. Пушкина и Д.П. Ознобишина, в произведения А.С.

Грибоедова и А.А. Бестужева-Марлинского, осмысляются в творчестве Ф.В. Булгарина, Л.Н. Толстого и И. Бунина.

1.2. Саади Ширази в русском востоковедении XVII-XIX вв.

Творчество Саади Ширази привлекало внимание европейских и русских переводчиков мудростью и дидактизмом. В российских журналах XVIII века «Трудолюбивый муравей» (1771), «Утренний свет» (1778), «Покоящийся трудолюбец» (1784), «Приятное и полезное препровождение времени» (1794-1795) произведения Саади публикуются часто.

А.Р. Гейзер указывает на один из первых переводов Саади в 21 номере 1771 года «Трудолюбивого муравья»: «Это переложение 8-го рассказа главы шестой «Гулистана», повествующего об овдовевшем старике, не пожелавшем жениться во второй раз ни на старухе, ни на молодой, ибо, «если мне, старику, не нравятся старухи, то как же может молодая полюбить старика»» [61, с. 12].

При этом исследователь не обратил внимания на другой перевод³¹ из восточной литературы: «Наставление, данное от отца детям, как обходиться в свете». Эти советы умудрённого жизнью человека детям: «Я намерен вам, любезные мои дети, показать несколько примеров и общих правил могущих, между тем, как вы сами собою жить на свете научитесь, избавит вас от насмешек, которые всегда надлежит претерпевать, вступив в светское обхождение; а наипаче, ежели добрым и искусным приятелем руководимы не будете» [38, с. 137]. Почитать Всевышнего, не совершать греховных поступков и опираться на божьи заповеди в делах и мыслях: «Как не все дела удаются, какая б осторожность к тому не употребляема инде ежели Бог того не благословит; то надобно прежде всего угождать Ему страхом, почитанием и любовию сердечною, моля Его о помощи во всех делах ваших»

³¹ Информацией о переводчике не располагаем, так как он скрыт под инициалами «А.К.» [38, с. 142].

[38, с. 137]. Надлежит придерживаться правил общения – быть честным и приветливым. «Так же должно вам наблюдать тихость, ласковость, учтивость и честность в обхождении с людьми, дабы всем вы были угодны и любезны» [38, с. 137]. Не следует без нужды разглагольствовать – «принять себя за правило говорить мало» [38, с. 140]. Люди судят по делам – «...своими поступками и своим поведением, а не словами надобно себя в достоинство производить» [38, с. 140]. Быть бережливым в расходах и не расточать имуществом, не находиться в иждивении других – «Не теряйте денег на блестящие мелочи, ни на безделки» [38, с. 141]. Трудолюбие и разумный образ жизни основа успеха и счастья: «не страшитесь трудов: для приобретения щастия надобно быть проворну, много осторожно и разуму;...» [38, с. 141]. Отец наставляет детей, что благородное честолюбие поощряется при исполнении военной и штатской должности.

Эти наставления необходимы и принуждают задуматься о смысле жизни, о добре и зле: «Не довольно того, чтоб только прочесть сие наставление; но просматривайте оное чрез несколько времени, и знайте что честные люди становятся лучшими силою разсуждения, и что не может вам ничего благополучнее приключиться, как иметь нужду в частых и долговременных разсуждениях» [38, с. 141]. Необходимо отметить, что подобные наставления являются общепринятыми в восточном фольклоре и литературе. К примеру, обратимся к сборникам сказок.

Ярким примером народного творчества народов Востока является «Книга тысячи и одной ночи», имевшая развлекательный и нравоучительный характер. И.М. Фильштинский³² писал, что в создании сборника сказок внесли свой вклад многие народы Востока, но окончательный вариант

³² «В статье И.М. Фильштинского к исследованию М. Герхардт «Искусство повествования» говорится, что ученые Герхардт, Зотенберг, Макдоналд и Экструп выделяют три этапа в истории создания собрания «1001 ночи»: индо-иранская, багдадская, египетская» [105, с. 216].

оформлен на арабском языке. «В качестве древнейшей части в основу «Тысяча и одной ночи» лег арабский перевод с персидского индо-иранских сказок, входивших в иранский сборник «Хезар-эфсане» («Тысяча сказок»), о существовании которого сообщает арабский историк и географ X века аль-Масуди и арабский библиограф Ибн ан-Надим в справочнике, составленном в 987 году» [132, с. 5]. Арабский перевод, выполненный в VIII веке, обогатился материалами в X-XVI веках, и общеизвестный вид получил к началу XVII века. Европейский и российский читатель ознакомился с ними благодаря переводам сказок «Тысячи и одной ночи» Антуана Галлана (1704-1717), Тома Симона Геллета, Пети де ла Круа (1710-1712).

В «Рассказе о везире Нур-ад-дине и его брате» читатель узнает о наставлении отца сыну: «Я дам тебе пять наставлений. Первое из них: не знайся ни с кем – спасешься от зла, ибо спасение в уединении» [12, I, с. 161]. Читатель должен осознать, что уединение подразумевает размышления. Следующее наставление говорит о добрых делах и поступках: «Второе: о дитя моё, не обижай никого, не то судьба тебя обидит» [12, I, с. 161]. Отец предостерегает сына от многословия: «Третье наставление: блюди молчание, и пусть твои пороки заставят тебя забыть о пороках других» [12, I, с. 161]. Предупреждает об опасности спиртного – вино губит умы, является началом смуты. Последнее наставление говорит об отношении к деньгам: «Пятое наставление: о сын мой, береги деньги, и они сберегут тебя; храни деньги – они сохранят тебя. Не трать без нужды – будешь нуждаться в ничтожнейшем из людей» [12, I, с. 162]. Подобные примеры, знакомящие читателя с нормами общения и правилами поведения мы встречаем в «Повести о царе Омаре Ибн Ан-нумане: «Сказано: нет богатства лучше разума; нет разума лучше предвидения и рассудительности; нет пользы, равной поддержке свыше; нет торговли, равной добрым делам; нет прибыли, равной награде Аллаха; нет благочестия выше соблюдения предела закона ...» [12, II, с. 106]. Отмечено значение знания и размышления, скромности и смирения, чести и

достоинства. С наставлений начинается «Рассказ об Али-Шаре и Зумурруд» [12, IV, с. 96]. «Рассказ о Таваддуд³³» предстает в форме вопросника, дающий ответы на вопросы религиозного и нравственного воспитания.

Частым в восточной сказке является элемент поучения падишахом наследника или советы визиря владыке государства об обязанности правителя и качествах справедливого царя. В «Сказке о Джиллиаде и Шимасе» на смертном одре царь Джиллиад наставлял принца Шимаса: «... когда разгневаешься, – сдерживай гнев, когда будешь испытан, – терпи, когда говоришь, – говори правду, когда обещаешь, – исполняй, когда судишь, – будь справедлив, когда обладаешь властью, – прощай» [12, VIII, с. 63-64]. Завещал ценить придворных, миловать кающихся врагов, делить по справедливости, наказывать заслуженных, верности договору, уметь принимать советы, придерживаться обычаев и нравов.

Другой восточный сборник сказок «Панчатантра» также имеет нравоучительное содержание. В прологе указана история появления сборника: индийский правитель Амарашакти повелел брахману Вишнушарману обучить сыновей. Брахман исполнил приказ и письменно изложил наставления. Все книги (или тантры) в «Панчатантре или пяти книгах житейской мудрости» содержат нравоучительное и воспитательное содержание. «Книга была задумана как наглядное руководство для правителей, излагающее основы жизненной мудрости в притчах, стихотворных изречениях и прозаических повествованиях» [18, с. 307]. Развлекательное и нравоучительное содержание сборника сказок привлекает внимание литературоведов и переводу на 60 языков мира: в VI веке сделан

³³«Повесть о Таваддуд принадлежит к числу «книг-вопросников», весьма популярных в восточной и европейской средневековой литературе, и представляет собою краткую энциклопедию сведений, обладать которыми было необходимо образованному мусульманину» [12, V, с. 9].

пехлевийский³⁴ (среднеперсидский) перевод, арабский перевод «Калилы и Димны» VI века, греческий (XI в.), персидский (XII в.), древнееврейский (XII в.), на латинский³⁵ язык. «В 1762 г. «Академии наук переводчик» Борис Волков перевел с латинского «Политические и нравоучительные басни Пильпая, философа индейского», не подозревая, что читатели Московской Руси уже знакомы с этой книгой под другим названием» [10, с. 9].

Эти наставления в полном объеме отразятся и в творчестве Саади. Ярким примером стала глава седьмая «О воспитании» «Бустана», в которой поэт делится с читателями со своими мыслями о воспитании детей:

Чтоб память оставить ты мог меж людей,
 Добру, благонравью учи сыновей [24, с. 272].
 Ты сына воздержным, разумным взрасти,
 Знай: нега и холя сбивают с пути.
 К нему будь взыскателен в детских годах,
 К добру приохоть, к злу внуши ему страх [24, с. 273].

Безразличие родителей к воспитанию детей приведет к плохому результату:

Отца невниманье приводит всегда
 К чужим, злым влияньям, а это – беда [24, с. 274].

Отметим, что передачу мудрости старшего поколения мы встречаем и в современной таджикской литературе. Зебунисо Расулзаде в «Сборнике назиданий и мудрости» использует этот художественный приём. «Автор на примере сказок, притч, преданий и сказаний в интересной форме,

³⁴ Мудрец Бейдеба по желанию царя Дабшалама составил книгу «как править народом, и воспитывать его, говорила бы о нравах царя и как управлять ему подданными в повиновении царю и служении ему» [10, с. 32].

³⁵ «Древнееврейский перевод был между 1263-1278 гг. н.э. переведен Иоанном Капуанским на латинский язык под названием «Directorium vitae humanae» (Наставление человеческой жизни)» [10, с. 9].

ненавязчиво призывает читателя к соблюдению морально-этических ценностей в повседневной жизни» [22, с. 2].

Сам сборник З. Расулзаде представлен 18 сказами, посвященными вопросам морали и воспитания. Начинается с введения, повествующем о некоем справедливом восточном повелителе.

Детей у падишаха много, сын один,
 Наследник трона, народа господин,
 Отец старался вырастить из сына,
 Воспитанного, сильного мужчину,
 Учёные, ариффы³⁶, мудрецы,
 Корана и Аятов³⁷ лучшие чтцы,
 Учителями были сыну падишаха,
 Воспитывали юного монарха.... [22, с. 6].

Притчи и сказания мудрецов и ученых собраны в книге для поучения будущего правителя:

Мой сын, услышь ты назидания
 Рассказов, притч повествования,
 Как мудро жизнь свою прожить,
 Обид не знать и не тужить,
 И как под тяжестью проблем,
 В отчаянья безумный плен, его капкан как не попасть,
 И силу духа не терять,
 Найдешь ты в книге сей, ответы,
 Ученых-мудрецов советы [22, с. 8].

Возвращаясь к теме исследования, отметим, что подобные вариации назиданий и поучений восточной литературы связывались с персидско-

³⁶ Ариф – в суфизме: обладатель мистического знания, мистик, владелец вразумительных познаний.

³⁷ Аят – мельчайшая структурная единица Корана.

таджикской словесностью, и чаще всего с «Гулистаном» и «Бустаном» Саади Ширази. Произведения и творчество классика, как указывает А.Р. Гейзер [61, с. 6], стали известны европейским любителям ориентальной литературы в XVII веке, благодаря трудам востоковедов Бертелеми Д'Эрбело (на французском языке), Андре де Рие (на французском языке), Адама Олеария (на немецком языке), Георга Гентиуса (на латинской языке).

Наше внимание привлекает «Искусство править государством или наставление престарелого Персидского монарха сыну его» опубликованное в журнале «Покоящийся трудолюбец». А.Р. Гейзер пишет: «В самом наставлении целый ряд суждений и высказываний имеет параллели с суждениями Саади» [61, с. 13]. Персидский монарх наставляет наследника искусству правления и говорит о премудрости, о соблюдении законов, о любви к наукам, о пользе торговли и вреде войн. Мы сопоставили произведения Саади и «Искусство...» (приложение 2).

Определенного места в поучении занимает проблема государственного аппарата, чиновники и приближенные двора. Из наставления монарха об отношении к подчиненным и слугами: «Не подавай ни одному из служителей своих случая надеяться, что может тебя обмануть, или поступить несправедливо не быв узнан. Надзирай над ними; нападай на них врасплох, не опускай каждого способного случая, в котором можешь испытать их верность» [19, I, с. 121].

В произведениях Саади мы находим эти рассуждения: «Поэт требует от правителей не только доброты и великодушия, гуманности и милосердия, но и рассудительности и мудрости, праведности и благочестия, требует следить за тем, чтобы приближенные, наместники, чиновники и военачальники обладали теми же качествами, ибо в противном случае доброта самого правителя принесет лишь вред народу» [27, с. 20-21]. Монарх ответственен при назначении лиц, наделенных властью. Их деятельность может быть и в пользу и во вред государству, и поэтому должна быть под надзором.

Из главы первой «О справедливости, мудрости и рассудительности»
«Бустана»:

Правителей правдивых назначай,
Умеющих благоустроить край...[27, с. 58]
На должность мужа чести назначай,
Кормило власти нищим не вручай...
Коль на своем посту вазир не бдит,
Пусть наблюдатель твой за ним следит.
Но честного едва ль найдёшь из ста;
Сам проверяй все книги и счета [27, с. 61].

В назиданиях правитель рекомендует о содействии торговли, что приносит доход казне. Наследнику следует быть благосклонным к купцам, заботиться о безопасности дорог и соблюдении закона. «Пекись о том, чтоб дороги были в хорошем состоянии и безопасны. Покровительствуй купцам, и не ограничивай вольности торговли излишними законами. Они суть подпора твоего государства. Почитай их, престол твой заимствует свой блеск от их трудов» [19, I, с. 123].

Это созвучно повествованию из «Бустана» Саади:

Купец какой-то хорошо сказал,
Когда он в плен к разбойникам попал:
«Голпе старух подобно войско шаха,
Когда грабители не знают страха!
Беда стране, где властвует разбой,
Не будет прибыли стране такой...
Чтоб славу добрую завоевать,
Шах чужеземцев должен охранять.
Уважь пришельцев, что приюта просят,
Они ведь славу добрую разносят.
А если гостелюбья нет в стране –

Ущерб и государству будет и казне [27, с. 59].

Саади, познавшему самому гибельность военных противостояний государств, разрушения и смерти завоевательных походов, в произведениях предостерегает правителей. «Мудрому царю прежде всего полагается быть скромным, говорит поэт, довольствоваться малым; он не должен ради пополнения своей казны, побуждаемый алчностью, идти войной на соседние страны, ибо войны и походы разоряют не только вражескую страну, но и собственный народ» [27, с. 21].

В наставлении указывается на вред войн, это несет страдания мирному населению: «Не старайся распространить своего владения. ...Завоевания никогда не равняется тому несчастью, которое завоеватель причиняет своему народу» [19, I, с. 121].

Мысль о подданных должна беспокоить правителя, поучает Саади в «Бустане»:

Ты войском обладаешь, сам ты смел,
Но не вводи войска в чужой предел:
Султан в надежном замке отсидится,
А подданный несчастный разорится... [27, с. 78].

Саади говорит о ценности человеческой жизни:

О смерти помни, мощь и славу множа,
Ведь капля крови царств земных дороже [27, с. 80].

Избегая войны, справедливый государь заботится о защите мирного труда подданных, говорится в «Бустане»:

Будь, как у льва, крепки твои запястья,
Мир все же – благо, а война несчастье.
Коль видишь: разума бесплодна речь,
Тогда лишь можно обнажить свой меч.
Коль просит мира враг – не уклоняйся,
А ищет брани – то иди сражайся.

А если первым враг войну начнет –
 Давай отпор. Всевышний все зачтет [27, с. 133].
 Будь щедр и добр, не рвись к войне, к насилью,
 И мир у ног твоих поляжет пылью,
 Зачем война, и смута, и раздор,
 Где можно мягкостью уладить спор? [27, с. 143].

Тема войн затрагивает и другой перевод. Журнал «Покоящийся трудолюбец» во 2 части опубликовал отрывок «Артабан или Истинный государев советник» (приложение 3). Дарий I, персидский монарх пожелал объявить войну скифам. Но его брат и советник Артабан предостерегает царя от безрассудного поступка: «Великий государь! Те, которые помышляют о великих предприятиях, должны прежде всего рассуждать, полезны ли они или вредны будут для государства?» [19, II, с. 121-122]. Ставится вопрос: выгодна ли эта война, не ведет ли тщеславие государя к бедствию персов. Государь, заботящийся о своем государстве, стремится к миру, война – это человеческие смерти и разрушения сел и городов.

И мудрый советник указывает на главную причину, которая должна остановить войну – правосудие: «истинный ли будет тот герой, который из одного тщеславия пленит целые провинции?» [19, II, с. 124]. Но слова советника царь проигнорировал, что принесло тяжелые последствия государству.

В «Искусстве править государством или наставлении престарелого Персидского монарха сыну его» сказано и о науках: «Люби науки. Они весьма нужны и полезны...» [19, I, с. 121]. У Саади учёные и воины равноценны по значимости в государстве:

О шах, чтоб твердо свой корабль вести,
 Ты мудрецов и воинов расти.
 Без воинов и без мужей познания
 Не возведешь ты царского зданья.

Перо и меч – надежный твой оплот,
 Которого и время не сотрет.
 Забудь пиры, веселья, чанга звуки
 И укрепляй войска, лелей науки [27, с. 138].

Подведя итог сопоставлению, скажем, что не идет речь о дословном или подстрочном переводе стихотворных строк «Бустана» Саади. Переводчики не имели дело с оригиналом текста и не знали персидского языка, а переводили с европейского посредника. В «наставлениях» суммируются мысли и высказывания персидского классика по определенным вопросам.

Следует обратить внимание на причины обращения в Европе и России к творчеству Саади в XVII-XVIII вв. Интерес к Востоку связан со становлением буржуазных отношений Европы XVII-XVIII веков, развитие и усиление экономических отношений стран приводит к культурному обогащению народов: «Это в равной степени относится как к материальному, так и духовному производству» [61, с. 7].

А если вспомнить главенствующее литературное направление эпохи – классицизм, то популярность ориентальной литературы была связана с борьбой против нормативности. Фантастический мир, калейдоскоп чувств, экзотика и новые образы, свобода воображения привлекает внимание европейского читателя в противовес набившего оскомину классической литературе.

В тоже время чуждый мир и иные культуры находили отклик в сердцах и чувствах европейских читателей, что говорило об общности человечества – общих правилах и нормах сосуществования. Об этом таджикский ориенталист А.Р. Гейзер пишет: «Центральный тезис эстетики эпохи Просвещения – «Развлекая поучать» - нашёл здесь совершенно неожиданную поддержку в лице персидско-таджикского классика далёкого XVII века, что для писателей и мыслителей Просвещения послужило еще одним

доказательством схожести моральных принципов и эстетических чувств различных народов мира» [61, с. 16].

И это следующая причина привлекательности произведений Саади у европейских ориенталистов – общекультурный аспект восточной литературы. Первые переводы имели недостатки, были неполными, но они выполнили свою задачу – ознакомили европейцев с жизнью и бытом чужеземцев, были источниками информации о нравах и религии других народов, «...их характере и страстях, одним словом о философии, управляющей их умами».

1.3. Саади и И.А. Крылов (к вопросу об освоении и влиянии)

Басня древнейший жанр, тесно связанный с рассказами и народными сказками о животных и растениях, возник задолго до н.э. у народов древнего Востока. И имеет отнюдь не древнеегипетское или древнеиндийское происхождение. К этому выводу пришел в своём исследовании «Из истории прозы таджикско-персидской литературы» таджикский литературовед Саъди Махдиев. «Сопоставление состава басни, притчи и рассказов Библии, нравоучительной книге об Ахикаре с прозаическими баснями Шумера³⁸, Аккада, Вавилона показывает, что первые басни, побасенки, и нравоучительные рассказы появились 5000 лет назад в шумерской, вавилонской и других литературах Ближнего Востока» [78, с. 360]. Басня как жанр сатирический и нравоучительный известна в русской литературе еще в XI веке, что зафиксировали летописи и церковные книги, были известны переводы басен с древнегреческого и болгарских языков; а Эзоп упоминается в XVI веке [95, с. 13]. Басня в России связана с именем И.А. Крылова, а во Франции с Лафонтеном, которые «довели басню до высшего художественного совершенства» [95, с. 9].

³⁸ Древние державы востока: Шумеры - между IV и III тысячелетием до н.э.; Вавилон – II-I тыс. до н. э.

Жанр басни прочно опирается на традиции. Сюжеты и образы повторяются в произведениях авторов разных народов и времен. Но сюжет может приобретать национальный смысл и колорит [115, с. 31]. Это относится к И.А. Крылову, который заимствуя сюжеты, переделывает по-своему. «Сюжеты басен Крылова часто восходят к античным и восточным авторам: Эзопу³⁹, Федру⁴⁰, к книге «Нравоучительные и политические басни Пильпая, философа Индийского» (переводу «Калилы и Димны»), к сюжетам французских баснописцев Лафонтена, де ла-Мотт и др.» [40, с. 88]. Национальный литературный процесс в своем развитии не может быть изолированным, он находится в тесной связи с другими, осваивая достижения других культур и делясь своим опытом. «Наукой установлено, что мировая литература, представляющая множество национальных литератур, переплетающихся друг с другом, находится в постоянной взаимосвязи в своём развитии» [93, с. 280]. Заимствуя и осваивая сюжеты, темы и идеи чужих культур, каждый автор делает этот процесс национальным, так как у каждой нации свой менталитет, своя манера понимания, т.е. своя индивидуальность.

Интересно с точки зрения литературных связей (освоения и влияния) басенное творчество Жана де Лафонтена⁴¹, который в своей творческой лаборатории знал и опирался на басни античности и восточных народов. Об этом М. Шукуров писал: «Взаимное тяготение литератур и глубокое уважение писателей разных национальностей друг к другу являются неисчерпаемым источником взаимообогащения их творчества» [128, с. 237]. Нами проанализированы «Комментарии» к Басням Ж. Лафонтена [13, с.

³⁹ Эзоп – полулегендарный раб с острова Самос, живший в XI веке до н.э., автор множества басен, ставших достоянием мало сказать европейской – земной культуры. Его сюжетами пользовались такие мастера басни, как Лафонтен и Крылов, его афоризмы вошли в поговорки многих народов, в том числе русского [150].

⁴⁰ Федр (Phaedrus, ок. 20 до н.э. - ок. 50 н.э.) – римский баснописец. Переводчик басен Эзопа, в своих произведениях подражал ему.

⁴¹ Жан де Лафонтен (Jean de La Fontaine, 1621 -1695) – французский баснописец.

639-649]. Результат представляет для нас интерес: для I книги - источниками послужили 9 басен Эзопа, 4 басни Федра, 1 басня Локмана⁴²(из 21 произведения Лафонтен опирался на 14 басен предшественников); во второй книге использованы 9 басен Эзопа и 5 басен Федра (из 20 басен 14 заимствованы); из 17 басен третьей книги автор переработал 10 басен Эзопа и одну басню Федра; в четвертой книге из 22 басен – 12 басен из творчества Эзопа и три Федра, пятая книга 21 – соответственно 13 и 1, шестая книга из 20 басен – 12 и 2. В остальных книгах – XII (18 басен), XIII (27 басен), IX (19 басен), X (16 басен), XI (10 басен), XII (27 басен) – Лафонтен заимствовал 20 сюжетов Эзопа, 3 у Федра, 2 у Локмана, 16 Бидпая⁴³ и 1 у Саади Ширази.

Итог анализа соответствует нормам классицизма: примерно 60 заимствований из творчества древнегреческого баснописца Эзопа, 16 произведений освоено из басен Федра. Это была установка на подражание античной литературе. Но в то же время мы имеем дело с 20 сюжетами из восточной литературы (Локман, Бидпай, Саади Ширази). На эту особенность указывал Шокир Мухтаров в своем диссертационном исследовании: «А факты показывают, что французские классицисты следовали не только античным, т.е. древнегреческим и римским образцам, но и образцам Востока» [88, с. 63].

Рассматривая вопрос влияния литературы Востока на творчество Лафонтена, Ш. Мухтаров уделяет внимание произведениям Саади. Ссылаясь на исследования лафонтоведа Вальконара, говорит о знакомстве французского баснописца с творчеством Саади в переводе Анри Рие.

⁴² Басня заимствована из сборника басен на арабском языке XII-XIII веков, известного под названием «Локман». Локман – мудрец, живший до Магомета [16, с. 640].

⁴³ Бидпай (Бильпай, Пильпай) – индийский мудрец, которому приписывают собрание басен и рассказов, более 1500 лет распространенных на Востоке и Западе в переводах и переделках. Известны два сборника: «Книга света, или Поведение царей, индийского мудреца Бидпая» и «Индийские сказания и индийские басни Бидпая и Локмана» [16, с. 645].

Влияние Саади на Лафонтена очевидно, считает Ш. Мухторов и указывает на «явное и художественное сходство». Во-первых, герои из низов: бедняки и нищие, сапожники и крестьяне, гончары и пастухи. «Творчество Саади замечательно в том отношении, что он первым из писателей Востока и Запада ввёл в свои рассказы – огромный мир социальных низов, новый демократический типаж» [78, с. 372]. Простые труженики Саади носители человеческих ценностей, добродетельны и жизнерадостны. То же самое у Лафонтена (в нарушение норм классицизма), положительный герой из низкого сословия – деревенский житель, возчик, пастух, дровосек. Во-вторых, общие принципы изображения действительности. «В основе их стилей лежит четкость, трезвость и точность наблюдения реальной действительности в соответствии с принципами «философия здравого смысла» [88, с. 65]. В-третьих, писателей сближает дидактичность произведений, «что делает их великими моралистами своих эпох и народов». В своём творчестве они старались советовать и наставлять. «Эти основные типологические сходства творчества двух представителей литератур Востока и Запада послужили предпосылками для восприятия Саади французским классицистом» [88, с. 65].

В диссертации «История изучения и переводы «Гулистана» Саади во Франции» Ш. Мухтарова рассматриваются басни Ж. Лафонтена «Пастух и море», «Сон некоего жителя Моголии», «Орел и сова», «Постаревший лев», которые основываются на строках Саади.

Строки Лафонтена из басни «Пастух и море»:

Lea mer promet monts et merveilles

Fies-vous-y, les vents et les voleurs viendront [88, с. 69].

В передаче Ш. Мухторова:

Море сулит горы и чудеса,

(Однако) остерегайтесь, ветры и воры придут.

Строки Саади из 16 рассказа первой главы «Гулистана»:

На море много прибылей добудешь,
 На берегу же безопасней будешь [31, с. 69].

Поэтому и говорит: «...путешествие по глади морей – оно и прибыльно, но и опасно...»

Бывает, жемчуга гребет
 Хаджа обеими руками,
 А иногда на берегу
 Гниет он, выброшенный волнами... [31, с. 71].

Лафонтен не обошёл вниманием и изречения Саади. К примеру, у Саади в восьмой главе «О правилах общения»: «Дела делаются при помощи терпения, а кто поступает торопливо, ничего не добьется – и не диво!

Я в пустыне видал: тот, кто шел не спеша, без усилия
 Обгонял торопыг, хоть у тех на ногах были крылья...
 Ветроногий гнедой понесется – потом отстает,
 А погонщик верблюдов идет понемножку вперед [31, с. 271-272].

Или в рассказе 16 из главы второй «О нравах дервишей»:

Бывает так, что быстроногий конь
 Отстанет, а осел дойдет до цели [31, с. 111].

Лафонтен был в передаче мысли краток: «Rien ne sert de courir:il faut partir à point», что переводится – «Бежать ни к чему, надо вовремя уходить» [88, с. 67]. Или сопоставляются изречения: Ж. Лафонтена «В каждом деле надо учитывать конец» («En toute chose il faut considerer la fin» [88, с. 70] и Саади «Прежде чем входить, подумай о том, как ты выйдешь» [31, с. 42].

Сюжет следующего произведения не вызывает сомнений – басня Лафонтена «Сон Монгола» – он заимствован из «Гулистана» Саади. Из 15 рассказа второй главы «О нравах дервишей»: «Некий благочестивый муж видел во сне царя в раю, а праведника в аду. Он спросил: – В чем причина возвышения царя и за что унижен дервиш?» [31, с. 110]. Причина

объясняется: «Этот царь принят в рай за свою привязанность к дервишам, а дервиш низвергнут в ад за свою близость к царям.

Зачем тебе рубище и четки?

Ты о пути заботился бы правом;

Не нужно шапки из козлиной шкуры –

В монгольской шапке будь подвижник нравом» [31, с. 110].

И «монгольская шапка» сказала у Лафонтена басней «Сон некоего жителя Моголии» (Le Songe d'un habitant du Mogol):

Ja dis certain Mogol vit en songe un vizir

Aux Champs Elysiens possesseurs d'un plaisir.

Aussi pur qu'infini, tant en prix qu'en duree.

Le meme songeur vit an ume autre contree

Un einite entoure de feux,

Qui touchait de pitie meme les malheureux.

Le cas parut étrange et contre l'ordinaire.

Minos en ces deux morts semblait s'être mépria

Le dormeur a'éveilla, tent il fut surprise

Dans ce songe pourtant soupconnant du mystère,

Il se fit expliquer l'affaire.

L'interpéte lui dit: «Ne vous étonnes point;

Votre songe a du sense:et si j'ai sur ca hoint.

Acquis tant soit peu d'habitude,

C'est un avis des dieux. Pendant l'homme séjour,

Ce vizir quelquefois cherchait la solitude;

Cet érmite aux vizirs allait faire sa cour» [88, с. 68].

Произведение Лафонтена в переводе Ш. Мухтарова:

Когда-то некий Могол увидел во сне визиря,

На Елисейских полях, вкушающего радость.

Так же ясно по значению и по длительности

Тот же ясновидец увидел в другой стране
 Окруженного пламенем отшельника,
 Который скорбел о судьбе несчастных.
 Случай показался странным и противоречивым обычному.
 Минос казалось спутал двух этих мертвецов.
 Спавший проснулся, насколько он был удивлен.
 В этом сне тем не менее, подозревая таинство,
 Захотел уяснить происшедшее.
 Толкователь ему сказал: «Нисколько не удивляйтесь,
 Ваш сон имеет смысл, если в своем искусстве я достиг
 определенного опыта,
 То это предупреждение богов.
 Во время своего бытия этот визир искал иногда одиночества,
 А этот отшельник – как лучше угождать визирам» [88, с. 68].

Лафонтен, обращаясь к творчеству персидско-таджикского классика, заимствовал сюжет о звездочете, упавшему в колодец. Приводя в пример этот сюжет Саади, Ш. Мухторов ссылается на французского ориенталиста Шарля Дефремери. Хотя мы считаем нужным сказать, что легко можно заметить несколько тем, которые проходят сквозь пространство и время и наблюдаются в творчестве писателей разных эпох. Сюжет о звездочете рассматривался Эзопом, Саади и Лафонтеном, и каждый писатель вносил свое видение и представление.

Басня Эзопа «Звездочет»: некий звездочет по обыкновению с наступлением сумерек выходил из дому и смотрел на звезды. И засмотревшись на светила «и всеми мыслями устремившись в небеса, он нечаянно провалился в колодец». Он громко просит помощи; «какой-то человек, слыша эти вопли, подошел, догадался, что случилось, и сказал ему: «Эх, ты! Хочешь рассмотреть, что делается в небе, а что на земле, того не видишь?» [150]. Эту басню Эзоп посвятил тем людям, «которые

хвастаются чудесами, а сами не в силах сделать и того, что может всякий» [150].

У Саади рассказ 11 главы Четвертой «О преимущества молчания»: «Некий звездочет, вернувшийся домой, увидел незнакомого мужчину, сидевшего с его женой. Звездочет стал ругаться и поносить незнакомца, завязалась драка, поднялся шум. Один умный человек, бывший свидетелем этого события, воскликнул:

Откуда знать тебе движение светил,
Когда не знаешь ты, кто твой дом посетил?» [31, с. 187].

Басня Ж. Лафонтена:

Un astrologue un jour, se laisse choir
Au fond d'un puits. On lui dit: «Pauvre bête,
Tandis qu'à peine à tes pieds tu peux voir,
Penses-tu lire au-dessus de ta tête? [88, с. 66]

Перевод Ш. Мухтарова:

Однажды звездочёт свалился
На глубину колодца. Ему сказали:
«Бедняга, если ты едва видишь, что у тебя под ногами,
Как же ты рассчитываешь прочесть то, что у тебя над головой?»
[88, с. 66].

В осмыслении Лафонтена (как же ты рассчитываешь прочесть) меняется заключительная мысль рассказа Саади (откуда тебе знать движение светил). «Таким образом, Лафонтен не механически воспроизводит сюжеты Саади, а творчески осмысливает, поскольку заимствование предполагает взаимодействие литератур, когда сохраняется основа сюжетной линии, обстоятельства и герои, при этом вводится свой национальный колорит, меняются художественные акценты и ритм произведения, дается иная трактовка» [88, с. 67].

И, проведя сопоставление басен Лафонтена и произведений Саади Ширази, Ш. Мухтаров приходит к выводу: «Таким образом, Саади оказал значительное влияние на творчество Лафонтена и в этом отношении его имя с полным правом может быть поставлено в один ряд с именами великих древнегреческих и римских авторов, которым подражал великий баснописец-классицист Жан Лафонтен» [88, с. 67].

И другие сюжеты, встречающиеся в творчестве западных и восточных писателей, также являются свидетельством литературных связей разных народов и культур. Басня И.А. Крылова «Стрекоза и муравей» является переводом произведения Лафонтена «Цикада и Муравей», восходит к Эзопу и порицает лень, воспекает трудолюбие. Сюжет этот рассматривался в персидско-таджикской литературе и представлен как «Соловей и муравей». Саади Ширази в своем произведении (приложение 1) говорит о бренности и смертности, о скоротечности бытия.

Другая басня Лафонтена «Петух и жемчужное зерно», в основе которого басня Федре, известна русскому читателю по переводу И.А. Крылова:

Навозну кучу разрывая,
 Петух нашел Жемчужное Зерно,
 И говорит: «Куда оно?
 Какая вещь пустая!
 Не глупо ль, что его высоко так ценят?
 А я бы, право, был гораздо боле рад
 Зерну ячменному: оно не столь видно,
 Да сытно».

Невежи судят точно так:

В чем толку не поймут, то всё у них пустяк [14, с. 63].

Как видим из рассуждения Крылова, ценность человека или вещи может знать знающий человек. По итогам нашего сопоставления мы пришли к

выводу, что Саади в своих произведениях, рассматривая этот сюжет, дал две точки зрения. Первая близка к взгляду Федра: «Жемчуг останется драгоценным, хотя бы он упал в грязь, а пыль – презренна, хотя бы она вознеслась до небес» [31, с. 277]. И иная трактовка при сохранении значимости события – рассказ араба из Басры (рассказ 16 главы Третьей «О преимуществе довольствоваться малым» «Гулистана»): случилось, что во время поездки я потерял дорогу в пустыне, и был встревожен своим положением. Отсутствие воды и съестных припасов могло привести к гибели. «...Вдруг я нашёл мешок, оказавшийся полным жемчуга... никогда мне не забыть того восторга и радости, когда я еще думал, что он полон жареных пшеничных зерен, и той горечи и отчаяния, когда я увидел, что это жемчуг!

Когда в сухой пустыне ты среди песков сыпучих жаждешь,
 Возьмешь ли раковину в рот, иль жемчуг – пропадешь с тоски.
 Когда с дороги сбился ты, забыв дорожные припасы,
 То деньги в поясе твоём – что глиняные черепки» [31, с. 157].

Нуждающемуся в воде и хлебе путнику ценность денег и драгоценностей не имеет значения, и он будет рад съестному. И уточним: во всех произведениях речь идет о найденном жемчуге.

И поэтому отпадает вопрос, о том знал ли Саади Ширази произведения античности (басни Эзопа и Федра), и мы можем рассуждать о культурных связях народов Европы и Востока.

Надо вспомнить некоторые моменты биографии персидско-таджикского поэта, вернее страны, которые посетил поэт. Примерно тридцать лет своей жизни (с 1226 года по 1257 гг.) Саади странствовал. Он посетил Анатолию (Турцию), Сирию, Египет, Ирак, Синд (Пакистан), Индию. 14 раз совершал паломничество в Мекку и Медину (Аравийский полуостров). Указывая, что Саади посетил Иерусалим, напомним, что город был захвачен европейцами-крестоносцами в 1099-1187 и 1229-1244 гг. «Естественно, в каждой из

указанных стран он интересовался художественными творениями в поэзии и прозе, изучал научные труды ученых, встречался и беседовал со многими представителями литературы и искусства и религии» [113, 10].

В диссертации Сайида Абдаллаха Хусайни «Идейно-художественные особенности «Бустана» Саади Ширази» прослеживается влияние на творчество Саади предшествующих персидских и арабских поэтов и писателей. И было бы необходимо, на наш взгляд, указать и влияние предшественников – европейских поэтов и писателей. Ведь многие творения Древнего Востока и Античности были достоянием персидско-таджикской литературы.

И для подтверждения этой мысли обратимся к историческим исследованиям Древнего Пенджикента. Материалы характеризуют духовную культуру населения Мавераннахра: на согдийском языке имелись переводы сочинений различных вероисповеданий – буддийских, манихейских, христианских. Пенджикент, являвшийся одним из пунктов Великого шёлкового пути, стал примером экономических и культурных связей Востока и Запада в XI-XIII вв. «Особо следует отметить находки Восточном Туркестане отрывков из местных сказаний на согдийском языке, в которых упоминается прославленный позже Фирдоуси герой Шахнаме – Рустам, а также притча из индийского сборника «Панчатантра», басни Эзопа» [66, 45].

Возвращаясь к теме исследования, укажем произведение Саади, которое с нашей точки зрения переложил Крылов. При сопоставлении басен Крылова и бейтов Саади, наше внимание привлекла басня «Листы и корни». В басне Крылова листья хвалились перед зефирами густотой и зеленью (красивы, пышны, дают тень и прохладу, пристанище соловья и зефир). Корни напомнили смиренно о себе: спасибо молвить надо нам, мы, роясь в темноте, питаем вас.

Мы Корни дерева, на коем вы цветёте.

Красуйтесь в добрый час!

Да только помните ту разницу меж нас:
 Что с новой весной лист новый народится;
 А если корень иссушится, –
 Не станет дерева, ни вас [14, с. 95-96].

Этот сюжет о корнях и листьях, безусловно, связан с социально-политической тематикой, подразумевает отношения власти имущих и народа – упорным и кропотливым трудом народным оплачивается красочная и беззаботная жизнь правящего класса. И потому мы считаем, что мысли Крылова навеяны строками Саади в переложении французских ориенталистов. В главе Первой «О справедливости, мудрости и рассудительности» «Бустана» Саади нам встречается эта мысль:

Царь – дерево, подданные – корни.
 Чем крепче корни, тем ветвям просторней.
 Не утесняй ни в чем народ простой.
 Народ обидев, вырвешь корень свой [17, с. 184].

Как видим, Саади наставляет правителей быть справедливым и мудрым; заботиться о простом народе, так как труженики являются основой государства. Чем лучше жизнь крестьян, пастухов, ремесленников и торговцев, тем богаче будет государство и благополучно правление царя.

Необходимо отметить, что персидско-таджикская литература привлекала внимание Европы гуманизмом, общечеловеческими и моральными ценностями, дидактической направленностью. Таджикский ученый М. Шукуров писал: «Персидско-таджикскую классическую литературу с древнейших времен интересовали большие общечеловеческие проблемы» [128, с. 7]. Она неразрывно связана с достижениями античного мира, с крупнейшими литературами Востока – арабской, индийской и др. «Вбирая в себя эстетические достижения, результаты духовных исканий различных народов, она в свою очередь способствовала обогащению многих близких и далеких литератур» [128, с. 7].

И ярким примером этих связей является творчество Саади Ширази. В его «Бустане» и «Гулистане» осмысляются сюжеты предшественников (Эзопа, Федра, Локмана, Бидпая). В свою очередь творческий опыт Саади повлияет на его последователей. Так Жан де Лафонтен (который в свою очередь будет источником для других писателей), опосредственно привнес в творчество последователей крупинки достижений персидско-таджикской классики. И мы считаем, что так Саади, через переводы Андре де Рие, стал достоянием Европы, а осмысленный Ж. Лафонтеном, стал источником заимствований Крылова.

1.4. Своеобразие переводов произведений Саади Н.М. Карамзиным

Явное влечение и интерес к восточной литературе заметен в творчестве Н.М. Карамзина. Писатель в 1798 г. опубликовал в Москве сборник переводов «Пантеон иностранной словесности». Книга состоит из трех томов и задумывался как периодическое издание. «Писатель преследовал в своей работе благородную цель просвещения и предназначал ее тем, «которые не читают иностранных книг (имеется в виду на иностранных языках), но имеют вкус и любят чтение», как сказано в предисловии к первому выпуску «Пантеона» [61, с. 22].

Рассматривая творчество Карамзина в период работы над «Пантеоном», А.Ф. Смирнов обратил внимание, что переводились и древние писатели, и новые авторы, «оное для идей, иное для слога» [114, с. 77].

В «Пантеоне» присутствует перевод из «Бустана» Саади. Это прозаическое и вольное переложение начала первой главы, озаглавленной Н.М. Карамзиным «Последние слова Козроэса-Парвиса (Хосров Парвиз) сказанные им сыну своему» (приложение 4). Карамзин не был знатоком персидского языка и поэтому опирался на европейского посредника. Карамзин в приложении указал на источник пересказанного отрывка –

«Персидскую книгу «Бастон»⁴⁴, сочинённую поэтом Саади» [11, с. 92].
Таджикский литературовед А.Р. Гейзер считает, что перевод текстуально довольно далек от оригинала, «но суть и дух оригинала схвачены верно» [61, с. 22].

В этой главе «Бустана» Саади призывает правителей быть рассудительными, мудрыми и справедливыми.

«Покинь чертоги мира и покоя,
Взгляни, мой сын, на бедствие людское!
Как можешь ты довольным быть судьбой,
Несчастных сонмы видя пред собою?
...Иди пекись о нищих, бедняках,
Заботься о народе, мудрый шах!» [27, с. 55].

Любовь к окружающим, добродетель и страх перед злом, следование добру и правде, праведное правление, добрый нрав государя, забота о крестьянах и батраках, соблюдение закона – есть благополучие страны и народа, пишет Саади. Он призывает государей:

«Будь *справедлив*, чтоб не проклинали!
Чтоб век твой добрым словом поминали!» [27, с. 98]

В изложении Н.М. Карамзина строки Саади представлены в «Пантеоне» следующим образом: «Счастье твое (правитель, царь) должно состоять единственно в счастии твоих подданных. Первая добродетель для монарха - есть *справедливость*... Ты (царь) не будешь в изобилии, тогда подданные твои в недостатке» [11, с. 92].

В «Бустане» Саади говорится, что государю следует быть нетерпеливым к злу и несправедливости, готовым вынести строгий приговор, наказать грешника и нарушителя закона:

«Казни судей, в неправде закоснелых,

⁴⁴ Правописание Н.М. Карамзина.

Трави, как хищников заматерелых,
 Бесчинствам *волка* положи конец,
 От истребления огради *овец*» [27, с. 58].

В прозаическом переводе Н.М. Карамзина: «Не ищи любви злаго; для него только будь грозен. Избавляя общество от худых людей, способствуешь общему благу; излишнее к ним снисхождение может быть вредно. Надобно отрубить голову *волку*, чтобы он не умерщвил *агнцев...*» [11, с. 93].

В «Бустане» Саади Ширази:

«Шах справедливый, истинный мудрей,
 Глядит на слуг, как на детей отец.
 Коль будешь мягок – обнаглеет враг.
 Излишняя жестокость сеет страх» [27, с. 62].

О необходимости наказания для виноватого строки Саади:

«По шариату воду пить – не грех,
 Злодея по суду казнить – не грех.
 Кто по закону казни лишь достоин –
 Казни его, не бойся, будь спокоен» [27, с. 77].

Эти слова Саади Н.М. Карамзин преподнес читателям так: «Наказание злых есть конечно горестная должность Государей...» [11, с. 93].

Саади призывает заботиться о простом народе, тружениках-крестьянах, на труде которых зиждется благополучие государства:

«Не утесняй ни в чем народ простой.
 Народ обидев, вырвешь корень свой» [27, с. 57].
 «Когда народ, как яблоня, ухожен,
 Тогда лишь и расцвет его возможен» [27, с. 80].
 «Во всех заботах бедняков участвуй,
 Будь с ними, как пастух заботлив с паствой» [27, с. 98].

Эти слова персидско-таджикского классика Н.М. Карамзин передал в заключение своего произведения: «Трудные работы поселян имеют нужду в

одобрении; изобилие и мир на них основаны. Никакая награда не может сравниться с пользой, которую земледелец приносит государству» [11, с. 94].

Необходимо отметить, что Карамзин не опирается на оригинал текста Саади, был посредник (европейский перевод⁴⁵). Необходимо отметить, что европейские ориенталисты внесли большой вклад в ознакомлении русского читателя с ориентальной литературой. «Посреднику принадлежит огромная роль в распространении литературных ценностей» [93, с. 314].

Если вспомнить географическое положение России, то будет понятно, что русская литература имеет посредственные (прямые), и опосредственные (через посредника) литературные связи с литературами Востока. Напомним – не зря позже русские романтики (А.А. Бестужев, В.К. Кюхельбеккер) будут говорить о том, что Россия должна обогатиться достижениями Запада и Востока.

Карамзин вслед за европейским ориенталистом-переводчиком перевел в прозаической свободной форме бейты персидско-таджикского классика. Они (переводчики) суммировали мысли Саади и изложили в краткой форме как наставление будущему государю умение править государством.

Проблема, на которую следует обратить внимание – это проблема перевода. «Перевод художественных произведений – это искусство, требующее от переводчика творческого подхода к делу» [46, с. 81]. Переводчик при работе над художественным произведением должен суметь сохранить содержание и выразительность оригинального текста, смысловое значение и стилистические особенности. Для этого нужны знания в области филологии и литературный талант. «Кроме того, переводчик должен знать

⁴⁵Ш. Мухторов считал, что большую роль в становлении европейского востоковедения сыграла французская ориенталистика. «Ориенталистам Франции также принадлежит приоритет в изучении жизни и творчества одного из величайших представителей восточной литературы Саади Ширази» [88, с. 3]. Мы разделяем эту точку зрения таджикского литературоведа, учитывая ставшим модным увлечение России языком и культурой Франции.

все тонкости своего родного языка, уметь находить в нем средства и приёмы, которые по возможности наиболее точно отразят текст оригинала, смогут передать все его эмоциональное содержание, не забывая при этом, что перевод должен быть эквивалентен оригиналу, с точки зрения художественности» [46, с. 81]. Но в ряде случаев мысль и звучание может не сохраниться, так появляется интерпретация текста. Общеизвестно, что переводчики допускают интерпретацию художественного произведения.

Так в литературоведении появляются вариации переводов одного произведения, и в каждом случае перевод становится оригинальным. «Интерпретация в переводе – это переход от исходного текста к тексту перевода не через систему соответствий между исходным языком и языком перевода, а через обращение к ситуации в действительности» - пишет по этому поводу таджикский литературовед и переводчик А.С. Аминов [46, с. 81].

Объясняется это целесообразностью и типом оригинального произведения, когда учитывается «объективный смысл текста», и это приводит к отклонению от семантической и стилистической адекватности.

Для Карамзина первостепенное значение имело идеологическое значение строк Саади, возможность использовать восточный текст для пропаганды идей Просветительства.

Переводчики восточной литературы сталкиваются с определенными проблемами. На это обращает внимание таджикский литературовед, академик АН РТ М.С. Имомзода: «Особые трудности появляются, когда языки оригинала и перевода принадлежат к разным культурам» [72, с. 7]. Однако желание узнать иной мир и нравы, понять друг друга позволяют использовать достижения чуждых цивилизаций и культур, приводят к обогащению литератур тематикой и идеями.

И творческое наследие великого таджикско-персидского классика Саади Ширази является ярким примером культурных и литературных связей

народов. Европейские ориенталисты (а вслед за ними и русские писатели) первоначально обращались к «Бустану» и «Гулистану» для выражения своих политических и идеологических взглядов. Следующим этапом литературных связей будет освоение и репрезентация мотивов и образов восточных произведений, что обогатит литературный процесс.

Эти мысли об особенностях перевода связаны с целью, которую преследовал Н.М. Карамзин, обращаясь к назидательным мотивам восточной литературы. При переводе происходит изменение строения произведения, и как отметил А. Нуралиев – «приспособление его к отечественным литературным нормам и вкусам» [93, с.304]. По этой причине переводчик переводит не все произведение, а отбирает необходимое с его точки зрения.

Этот отрывок из «Бустана» персидско-таджикского классика был связан с взглядами Н.М. Карамзина – писатель выражает идеологию просветителей. «Саади, известный Европе уже с начала XVII века, в своих «увещеваниях» царям часто высказывал мысли, близкие к просветительской теории «просвещенной монархии» [91, с. 23].

С точки зрения европейских просветителей необходимо образование и просвещение государства от самых верхов. При просвещенном правителе, «философе на троне», будет в обществе благоденствия и порядок, уничтожены человеческие пороки.

Идеология просвещения рассматривает философию морали. Вводится понятие В задачу которой входит помощь в жизненных вопросах. Практическая философия дает читателю правильное (мудрое и взвешенное) решение.

Европейский читатель знакомится с произведениями восточной литературы, рассматривающие все стороны человеческой жизни. В этих произведениях большое место уделено вопросам морали и нравственности.

Это и будет, с нашей точки зрения, одной из причин популярности восточной литературы и произведений Саади в Европе.

1.5. А.С. Грибоедов и Саади: к вопросу рецепции персидско-таджикской литературы русскими писателями

А.С. Грибоедов рассматривается широким кругом читателей автором одного произведения. И упускается из виду его деятельность на посту представителя дипломатической миссии России в Персии (Иране), неизвестные широкому кругу его путевые заметки и незавершенные произведения. Желание принести пользу Отечеству и исполнение гражданского долга двигало Грибоедовым по жизни: добровольцем вступил в гусарский полк в период нашествия Наполеона, работал в дипломатической миссии на Кавказе и трагически погиб в Тегеране. Грибоедов владел европейскими и восточными языками (латинским, французским, английским, немецким, персидским и арабским) и писал: «Но для того, кто хочет быть полезен обществу, еще весьма недостаточно иметь несколько разных слов для одной идеи, как говорит Ривароль; чем больше имеешь знаний, тем лучше можешь служить отечеству» [5, с. 489]. В «Литературных листках» за 1824 г., в № 16 (с. 106) напечатана статья Ф.В. Булгарина «Литературные призраки», в которой представлены литературоведческие взгляды Грибоедова. На вопрос: «Что требуется от русского поэта?» А.С. Грибоедов рекомендует знать родной язык, культуру и его историю, знать труды античных и современных европейских историков, произведения современных писателей. Отдельно сказано об изучении трудов по восточной литературе⁴⁶. Желательно ознакомиться с впечатлениями путешественников-ориенталистов, что «освежит ваше воображение и породит новые идеи о природе и человеке» [5, с. 638]. Восток, имеет давнюю историю взаимоотношений с Россией, это кладезь знаний и человеческого

⁴⁶ «Но все не худо ознакомиться несколько с Восточными рудниками Гаммера (Fundgruben des Orients), или перевернуть несколько листов в Гербелоте, в христоматии Сильвестра де Саси, в Азиатических изысканиях Калькутского Ученого Общества (Asiatic Researches) и в Назидательных письмах о Китае (Lettres edifiantes etc.)» [5, с. 633].

опыта, и дает богатую пищу для размышлений писателю. «Восток, неисчерпаемый источник для освежения пиитического воображения, тем занимательнее для русских, что мы имели с древних времен сношения с жителями оногo» [5, с. 638]. Так, сам писатель, будучи в первый раз в Персии в 1819 году, изучал жизнь и нравы народа, интересовался природой, преданиями и поверьями, классической и современной персидской литературой, совершенствовал свои знания персидского языка и истории восточных народов.

Библиотека А.С. Грибоедова представляла широкий круг интересов (философия, государственное устройство, политика, культура), но даже беглый взгляд подтверждает интерес к литературе⁴⁷ и истории⁴⁸ Востока. Свои знания восточной литературы, и, безусловно, персидско-таджикской классики, пополнял у знатоков – поэтов А. Бакиханова⁴⁹ и М. Мадатова⁵⁰, ученых О.И. Сенковского⁵¹, Х.Д. Френа⁵².

Восточные сказки прельщали внимание русского читателя, и в путевых записях Грибоедова упоминается «Тысяча и одна ночь»: «Этим случаем наши татары пользуются, чтобы выказать свое искусство, – свернут набок,

⁴⁷Библиотека Востока или универсальный словарь: в 2-х т. Сост. д'Эрбело де Муленвиль, Бартелеми. Маастрихт, 1776-1780; «Гулистан» Саади; Т. Мур (Thomas Moore); «Зендавеста»; Д. Байрон «Чайльд-Гарольд»; Отрывки изящной поэзии, отобранные для совершенствования молодых людей, или Полезные и приятные поэтические фрагменты, собранные Висесимусом Ноксом. Лондон, 1781.

⁴⁸Джонас Хенвей. История: в 4-х т. Лондон, 1753; Дегинь. Всеобщая история гуннов и турков, монголов и других западных татар от Рождества Христова до настоящего времени. Грайфсвальд, 1768-1770; Майнерс. Обзорение важнейших стран в Азии. Любек, 1795-1796; Вааль. Старая и новая передняя Азия. Лейпциг, 1795.

⁴⁹Абас-Кули-ага Бакиханов – поэт и историк, азербайджанский просветитель.

⁵⁰Мирза-Джан Мадатов - переводчик при Ермолове, азербайджанский поэт.

⁵¹Осип Иванович Сенковский – ученый-ориенталист, писатель, журналист. Автор неосуществленного научного проекта о пополнении библиотечных фондов Академии наук восточными рукописями (за счет контрибуции).

⁵²Христиан Данилович Френ – академик, ученый-ориенталист. По его списку, насчитывающем более 500 трудов арабской и персидской литературы, Грибоедов собирал восточные рукописи для Академии наук.

по полям несутся во всю прыть, по рвам, кустам, доскакивают до горы, стреляют вверх и исчезают в тумане, как царевич в 1001-й ночи⁵³, когда он невесту кашмирского султана взмахнул на коня и так взвился к облакам...» [130, с. 349].

Знание Корана и персидской мифологии продемонстрирует письмо к В. Кюхельбекеру, где упоминаются падшие ангелы Харут и Марут, не вынесшие искушения и низвергнутые в ад (приложение 5). Это предание интересует Грибоедова с точки зрения перспективы вымысла, рассуждает Фомичев [130, с. 389]. Ангелы могут быть наказаны за то, что поддались соблазну; человек же может испытывать чувство отрады и покорности судьбе.

Ряд научных трудов, таких как «Библиотека Востока» д'Эрбло и «История Персии» Дж. Мальколма⁵⁴, обогатили писателя знаниями о персидской мифологии, и в частности с образом Пери. Пери станет героиней Т. Мура в «Лалла Рук», В.А. Жуковского в «Пери и ангеле», А.И. Подолинского в «Смерть Пери». Грибоедов посвятит балерине Е.А. Телешовой строки:

«О, кто она? – Любовь, Харита,
Иль Пери, для страны иной
Эдем покинула родной,
Тончайшим облаком обвита?» [5, с. 350].

К печатному тексту стихотворения «Телешовой. В балете «Руслан и Людмила», где она является обольщать витязя» (Сын Отечества, 1825, ч. 99, № 1, с. 106) было Примечание, авторство которого С. Фомичев приписывает перу писателя: «Эдем Зороастров, жилище Пери, воображаемых восточными

⁵³ «Сказка о коне из черного дерева», в которой царевич на коне, сделанном из дерева и способного летать, умыкнул невесту [10, ночи 37-371, с. 205 - 229].

⁵⁴ Malcolm, John. The History of Persia from the Most Early Period to the Present Time... Vol.1-2. London, 1815.

народами существ, которых Парси и даже Мусульмане представляют себе в цветах радуги и в бальзамических испарениях роз и ясминов» [130, с. 341].

В Путевых заметках «Эриванского похода» встречаются строки, навеянные восточной классикой. Назидательные мотивы персидско-таджикской литературы: «Судбище птиц: как отца и мать не почтет – сослать» [5, с. 410]. Мысли о философском восприятии бытия: «Лишение надежды есть тоже покой» [5, с. 462]. Мотив «соловья и розы» персидско-таджикской литературы привлекут внимание писателя: «Роза расцвела в роще, с её появлением все цветы получили новую жизнь» [5, с. 462].

Если обратить внимание на персидско-таджикскую классику, то в записях Грибоедова можно заметить имена Низами⁵⁵, указание на «Шахнаме» Фирдоуси⁵⁶, а в комедии «Горе от ума» интерпретацию строк Саади.

Для раскрытия образа Молчалина Грибоедов обратился к «Гулистану» Саади. Жизненная позиция Александра Степановича Молчалина раскрывается в строках:

«Мне завещал отец

Во-первых, угождать всем людям без изъятья:

Хозяину, где доведется жить,

Начальнику, с кем буду я служить,

Слуге его, который чистит платья,

Швейцару, дворнику, для избежанья зла,

Собаке дворника, чтоб ласкова была» [5, с. 126-127].

⁵⁵ Дневник «Эриванского похода»: «Рассказ Аббас-Кули, что Елизаветпольское сражение дано на могиле Низами» [5, с. 466].

⁵⁶ Дневник «Эриванского похода»: «На всех стенах в два ряда, один над другим, картины, – похождения Ростомы, персидского великана сумраков, которого Мальколм вклеил в свою историю» [5, с. 427].

Человек маленького чина вынужден угождать всем: хозяину, начальнику, его слугам, дворнику и даже дворовой собаке, чтобы избежать зла.

Обратимся к строкам персидско-таджикского классика в оригинале:

«Дари миру вазиру султонро
 Бе василат магард пироман.
 Сагу дарбон чу ёфтанд ғариб,
 Ин гиребон-ш гирад, он доман» [34, с. 37].

В переводе Р. Алиева и А. Старостина:

«Коль дела нет к султану, к эмиру и к визирю,
 Тогда держись подальше, о друг, от их ворот.
 Собака и привратник увидят чужого –
 Та – за полу ухватит, а за ворот тот» [33, с. 72].

Необходимо отметить, что существовало в русской литературе и более раннее обращение к этим строкам Саади. Интерпретировал Саади А.Н. Радищев в «Житии Федора Васильевича Ушакова»: «Большая часть просителей думают, и нередко справедливо, что для достижения своей цели нужна приязнь всех тех, кто хотя мизинцем до дела их касается; и для того употребляют ласки, лесть, ласкательство, дары, угождения и все, что вздумать можно, не только к самому тому, от кого исполнение просьбы их зависит, но и ко всем его приближенным, как-то: к секретарю его, к секретарю его секретаря, если у него оный есть, к писцам, сторожам, лакеям, любовницам, и если собака тут случится, и ту погладить не пропустят» [21, с. 196].

Обратим внимание и сопоставим со строками Саади Ширази: «ласки, лесть, дары, угождения»... при обращении к сильным мира сего и «всем его приближенным... к секретарю его, к секретарю его секретаря, ... к писцам, сторожам, лакеям, любовницам, ... собака тут случится, и ту погладить не пропустят» [21, с. 196].

Под несомненным влиянием строк Саади и интерпретации Грибоедова Ф.В. Булгарин напишет восточную повесть (вопрос влияния интерпретации строк Саади А.С. Грибоедовым на восточную повесть Булгарина «Милость и правосудие» подробно рассмотрена Б.Р. Рахмановым в докторской диссертации, с. 277-282).

Отдельного разговора заслуживает его незавершенная поэма «Кальянчи». Повествование об отроке, который путнику в Ширазе подает кальян и рассказывает о себе, своих злоключениях и своем пленении. Его образ связан с традиционным представлением о порождении Эдема:

«В каком раю ты, стройный, насажден?
 Какую влагу пил? Какой весной обвеян?
 Эйдемом ли ты светлым порожден, питомец Пери,
 или Джиннием⁵⁷ взлелеян?» [5, с. 368]

Будут вызывать ассоциации с Эдемом, жилищем Пери, повторяющиеся строки поэмы:

«Эдема ль влагу пил, дыханьем роз обвеян?
 Скажи: или от Пери ты рожден,
 Иль благодатным Джиннием взлелеян?» [5, с. 369].

В поэме Грибоедова молодость и красота вызывает любовь окружающих:

«Когда ж чарующей наружностью своей
 Собрание ты осветишь людей –
 Во всех любовь!...» [5, с. 369]

Эти строки связаны с мыслью Саади о скоротечности жизни, о встрече умудренной жизнью старости и прекрасной молодости:

«На красоту, что юностью богата,
 Любуюсь. Сам таким я был когда-то» [26, с. 67].

В «Бустане» Саади противопоставление молодости и старости:

⁵⁷ «Эйдем», «Джиннием» - правописание авторское.

«Я сед, как хлопок, стан согбен дугою.
 А эти плечи были так сильны,
 А кудри были, словно ночь, черны...
 И я с тоскою на молодость взираю,
 И жизнь утраченную вспоминаю» [26, с. 67].

Таджикский исследователь С.Н. Гуломова полагает, как и мы, что этот отрывок из «Бустана» Саади созвучен строкам поэмы Грибоедова. «Сравним следующие выражения из обоих фрагментов: у Грибоедова – «рай», «дыхание роз», «Пери», «благородный Джин», «чарующей», «осветишь людей»; у Саади – «красота», «юность», «как роза цвел», «телом как хрусталь» и т.п.» [63, с. 44].

В поэме Грибоедова дервиш⁵⁸, загляделся на походку отрока и позабылся, отбросил четки, и радость появилась на сумрачном лице, огонь загорелся в нем, и сгладились морщины на его лице: «И заиграла жизнь на бывшем мертвце» [5, с. 369]. И прекрасный юноша – невольник, стал хозяином жизни, поскольку красота и молодость не имеет властителя, не подчиняются мирским порядкам.

В описании отрока-кальянщика Грибоедов использует традиционные образы персидско-таджикской классики: стыдливый румянец и кудри кольцами, душа в плену локонов, невинные и миловидные уста, легкость джейрана и стан пальмовидный.

«Властитель твой – он стал лишь самозванцем,
 Он уловлен стыдливым румянцем,
 И кудрей кольцами, по высоте рамен

⁵⁸«Дервишество – это течение исламского мистицизма, созвучное учению суфиев, в котором актуализируется тематика мистического единения с Богом, любви к божественному, аскетизма, отказа от мирского богатства. Образ дервиша в мировой культуре связан с такими характерными особенностями, как странничество и бродяжничество, аскеза и бедность, сила чувства и специфические практики погружения в мистическое состояние» [119, с. 10].

Влекущихся, связавших душу в плен,
 И груди нежной белизною,
 И жилоч, шелком свитых, бирюзою,
 Твоими взглядами, под свесом темных вежд,
 Движеньем уст твоих невинным, милovidным,
 Твоей, нескрытою покровами одежд,
 Джейрана легкостью, и станом пальмовидным» [5, с. 369].

А.С. Грибоедов привлекает внимание, как при жизни, так и после смерти. С именем писателя связаны три легенды: Грибоедов – загадочная личность, фраза «100 прапорщиков хотят изменить Россию», неизученные моменты рождения и трагической гибели.

Еще при жизни Ф.В. Булгарин представил читателям его литературным героем. «Когда же в 1826 году просочились слухи о скором освобождении Грибоедова из-под ареста по делу декабристов, появился в «Северной пчеле» (20 марта) «восточный аполог» «Человек и мысль» где речь шла о мудреце Абале (нетрудно угадать в нем грибоедовские черты), по наветам недоброжелателей заключенном в тюрьму, но в скором времени освобожденном» [130, с. 150].

Общеизвестным является чудесный сон о сюжете комедии «Горе от ума». Научные исследования о зороастризме ознакомили с удивительной легендой о А.С. Грибоедове (приложение 5), в котором вплелись и вещий сон, и интерес зороастрийцев к личности писателя, и объяснение чудесного избавления от гибели во время трагедии с русским посольством. Не случайно в исследовании М.А. Русановой «А.С. Грибоедов и суфии» рассматривается связь комедии Грибоедова «Горе от ума» с суфизмом.

Все вышеизложенное свидетельствует о широком круге интересов А.С. Грибоедова, как писателя и государственного деятеля. И Восток, в том числе Персия (Иран), его культура и мифология, неотъемлемая часть его знаний. Классики персидской литературы (в чем убеждаемся, просмотрев его

творчество) – Фирдоуси, Саади привлекали внимание писателя. Просмотрев комедию «Горе от ума» видим обращение к «Гулистану» и «Бустану» Саади, духовному наследию Востока.

ГЛАВА II.

СААДИ ШИРАЗИ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА

Знакомству читателей с достижением чужеземной литературы способствует перевод, одновременно это первоначальный этап литературных связей. «Сегодня художественный перевод должен рассматриваться как одна из основных форм литературных взаимосвязей между народами» [60, с. 13-14]. Эти взаимосвязи способствуют поиску общекультурных черт, с другой стороны – осознанию национальной неповторимости и индивидуальности через сопоставления и сравнения. Основная задача перевода знакомство с культурными достижениями чужих народов, обогащение родной литературы и служение интересам своего государства.

Первые опыты знакомства с иностранной литературой явились вольными переводами: они пронизаны национальным духом и колоритом, действия переносились в известные читателю географические местности, используется знакомая терминология. «Исходя из собственных эстетических потребностей, переводчики сокращали либо расширяли текст, часто превращая работу над переводимыми произведениями в самостоятельное творчество» [60, с. 22]. Размышляя о проблемах художественного перевода, литературовед Гиви Гачечиладзе указывает, что если переводчик желает в полном объеме передать мысль подлинника, то вероятнее будет расширение текста, а не сокращение.

Что позволило выделить два типа перевода. Дословный перевод, который не изменяет оригинал, и вольный перевод, которому свойственны изменения соответственные местным условиям. Г.Р. Гачечиладзе видит различие между переводом и переделкой. При переводе чужая жизнь выражается через чужой характер, чужие нравы и обычаи, картины жизни даются правдиво и без изменений. В «переделанном» произведении чужие образы и чужая жизнь преобразуется в картину нашей жизни, в нем больше самостоятельного творчества.

Так Г.Р. Гачечеладзе приходит к осознанию проблемы перевода: противоречие дословной точности и художественной образности произведения. «Как показывает история, художественный перевод колеблется между двумя крайними принципами: дословно точный, но художественно неполноценный перевод и художественно полноценный, но далекий от оригинала, вольный перевод» [60, с. 81].

Возникает необходимость адекватного перевода: передать смысловое содержание оригинала, эмоции и выразительность, сохранить словесно-структурное оформление оригинального текста. И для этого переводчику необходимо изучить язык другого народа, мыслить как автор произведения, узнать и полюбить другой народ, разделять его нравы и обычаями. Но при этом не терять связи с родным языком и народом, и трудиться во благо своего народа.

В литературоведение противоречивые взгляды на полноценный перевод. Так А. Смирнов в статье «Методика литературного перевода» (Литературная энциклопедия, т. VIII, 1934 г., стр. 526-531) дает свое видение проблемы: «Адекватным мы должны признать такой перевод, в котором переданы все намерения автора (как продуманные им, так и бессознательные) в смысле определенного идейно-эмоционального художественного воздействия на читателя, с соблюдением по мере возможности [путем точных эквивалентных или удовлетворительных субститутов (подстановок)] всех применяемых автором ресурсов образности, колорита, ритма и т.п.; последние должны рассматриваться, однако, не как самоцель, а только как средство для достижения общего эффекта. Несомненно, что при этом приходится кое-чем жертвовать, выбирая менее существенные элементы текста» [60, с. 85-86]. Оспаривая эту точку зрения, А. Федоров⁵⁹ дает свое определение: «Полноценность

⁵⁹ Федоров А. Введение в теорию перевода. – Изд. 2. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958, стр. 132.

перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему»; что подразумевает передачу содержания и формы или создания функционального соответствия. Учитывая неполноценность или противоречивость этих определений, Г.Р. Гачечеладзе в своей монографии предлагает свое видение решения проблемы: «Если подлинник – художественная действительность, а перевод – отражение этой действительности и мы реалисты, то метод нашего отражения должен быть реалистическим, воссоздающим подлинник в единстве его содержания и формы» [60, с. 95]. И выделяется мысль об особенностях творческой индивидуальности переводчика.

Развитие переводоведения привело к осознанию решения проблемы: российские литературоведы Н. Пригарина, Н. Чалисова, М. Русанов и таджикские ориенталисты А.С. Аминов, Б.Р. Рахманов говорят о необходимости филологического перевода. Филологический перевод – нацелен на передачу фактической информации подлинника и сопровождается обширными комментариями (раскрывающими образ и символы, помогает узнать многозначность и символику оригинала).

Экономические (торговые) и военно-политические связи приводили к соприкосновению и знакомству Европы с культурными достижениями народов Востока, в частности европейского читателя с произведениями персидско-таджикских классиков. Большую роль в этом сыграло научное востоковедение и переводоведение (практическая сторона ориентализма). Говоря о проблемах перевода необходимо отметить ряд вопросов.

Интерес к чужим мирам и культурам сопровождает человечество на всем пути развития общества. Знакомство с достижениями иноземных народов способствовало развитию и обогащению в материальном и духовном плане. Экономическую причину интереса Европы к южным регионам Земли мы обойдем стороной. Отметим одно: Запад познает Восток. Сам

ориентализм проявление Западного интереса к Востоку. И как отмечает Саид Эдвард Вади, Восток помогает определиться Западу своим образом и личностью (самопознание через сопоставление), «... это исток европейских языков и цивилизаций, ее культурный соперник» [144, с. 7].

Говоря об изучении Западом восточных культур, выделим два направления науки: кабинетное востоковедение и практическое востоковедение. Ярким примером является жизнь и творчество русских ориенталистов О.И. Сенковского и Д.П. Ознобишина.

О.И. Сенковский в 1820-1821 гг. посетил Турцию, Египет, Нубию и Эфиопию, изучал персидскую и арабскую словесность. Впоследствии преподавал в должности ординарного профессора при Петербургском университете арабский язык, писал статьи по ориентализму, известен как переводчик восточных повестей (переводил из «1001 ночи», из «Тути-наме», из «Калилы и Димны» [103, с. 34].

Д.П. Ознобишин является примером иного пути познаний (кабинетное востоковедение) и изучал в Московском университете персидский язык под руководством А.В. Болдырева. Известен под литературным псевдонимом «Делибюрадер» (Сердце брата), автор восточных повестей и литературоведческих работ по литературным связям; зная персидский язык, переводил с оригинала Саади и Хафиза [102, с. 70-71].

Рассматривая проблему перевода, акцентируем внимание на пути изучения достижений восточной классики: непосредственное знакомство с оригиналом и изучение через посредника. В качестве яркого примера обращения к посреднику в познании восточных культурных достижений укажем В.А. Жуковского. «В большей степени это относится к его переводу из «Шахнаме» Фирдоуси – поэме «Рустем и Зораб», представляющей собой свободное переложение перевода Ф. Рюккерта, («Rostem und Suhrab, eine Heldengeschichte in zwölf Büchern», Erlangen, 1838 («Ростем и Зураб, героическое повествование в двенадцати книгах»), которую В.А. Жуковский

начинает в январе или феврале 1846 г. и 4 апреля 1847 года завершает» [102, с. 48]. В тоже время мы встречаем в литературном процессе обращение писателя к оригиналу: примером служит творчество Д.П. Ознобишина и О.И. Сенковского.

Обращение к восточной литературе имел ряд причин. Первоначальный интерес вызван новизной и экзотикой, который сменялся научным и реалистическим познанием материальных и культурных достижений чужих народов. Одни европейские писатели искали соответствие восточного произведения (темы, идеи, образы и сюжеты) своим идеологическим взглядам (обращение европейских просветителей к назидательным мотивам Саади Ширази). «Для многих романтиков Восток как комплекс философских, нравственных, художественных воззрений не просто был идеалом искусства и образец, которому нужно следовать» [105, с. 23]. Европейские романтики, а вслед за ними и российские, рассматривали восточное искусство как «прародину» европейского романтизма. Художественная система восточной литературы определили содержание и форму романтической поэзии.

Обращение к Востоку вызвано поиском писателями политических и нравственных идеалов или новых форм выражения творческой мысли; поисками новых тем и идей, образов и сюжетов. Связано с попытками обновления литературного процесса, поисками новой формы и содержания литературного произведения. Все перечисленное способствовало обогащению европейского литературного процесса.

Первоначальным этапом литературных связей является подстрочный перевод. Перевод чаще не соответствовал в полном объеме оригиналу, переводчики вносили изменения в соответствии со вкусами читателя или согласно своим эстетическим или политическим взглядам. С развитием востоковедения изменяются требования к переводу, и от «переделок»

(переложений) переводчики переходят к адекватному художественному переводу.

2.1. Проблемы перевода отдельных произведений и отрывков Саади

Ярким примером русско-таджикских литературных связей является переводы Саади Ширази. Интерес к творчеству персидско-таджикского классика в русской литературе замечен в XVII-XVIII веках, мы отмечаем интерес к Саади Ширази у Радищева, Карамзина, Крылова, Грибоедова, Ознобишина, Пушкина. Чаще всего переводятся отрывки из произведений или отдельные строки. Это связано с соответствием взглядов, назидательным мотивам Саади.

Мы обратились к сборнику «Баснописец переводчик, или Стихотворным слогом перевод избранных басней, сказок, повестей, советов и полезных анекдотов с иностранных диалектов на славяно-русский».

Сразу заметно, что перевод восточной классики осуществлялся через европейский посредник. К каждому произведению указывается автора или источник – Анвар Сухайли (Anvari Soheili), Саади Ширази (Saadi dans le Gulistan, Saadi dans le Boustan), Аттар (Ferid eddin Attar, dans le colloque des Oiseaux), Руми (Djelal eddin Roumi), или дается примечание европейского ориенталиста (к примеру – Сильвестра де Сасси).

Внимательно изучая переводы произведений Саади, мы выделили вторую особенность переводов. Отрывки произведений из «Бустана» и «Гулистана» представлены европейским читателям в разных жанрах. Эта особенность рассмотрена таджикскими ориенталистами М.В. Русаковой, А.С. Аминовым, Б.Р. Рахмановым в научных работах. Они указывали, что восточная повесть (чаще это переводы из сборников «1001 ночи», «Тутинаме», «Калила и Димна») была представлена русскому читателю как басня, аполог⁶⁰, повесть, притча, сказания, сказки.

⁶⁰Аполóg – это лирический или прозаический литературный жанр, дидактического или нравоучительного содержания, может быть построено на иносказательном изображении

Мы видим, что в сборнике «Баснописец переводчик, или Стихотворным слогом перевод избранных басней, сказок, повестей, советов и полезных анекдотов с иностранных диалектов на славяно-русский» строки из «Бустана» Саади озаглавлены – совет⁶¹, аполог⁶², басня⁶³, нравоучение⁶⁴. Строки из «Гулистана» представлены читателям как анекдот⁶⁵ и размышления⁶⁶. И это связано с нравоучительными и воспитательными мотивами творчества Саади Ширази.

Анекдот, как жанр предполагает юмор или сатиру (смех). В анекдоте высмеивали человеческие пороки и недостатки (глупость, необразованность, жадность). Переводчики в форме анекдота представили седьмой рассказ главы шестой «О старости и слабости» и двенадцатый рассказ главы третьей «О преимуществе довольства малым». Необходимо указать, что оба рассказа оригинала представлены прозаическим повествованием, который завершается нравоучением в стихотворной форме. Русский читатель же знакомится со стихотворным переводом.

«Анекдот: Сребролюбивый масульманин» сохраняет содержание оригинала, но имеет ряд отличий, что показывает сравнение оригинала и перевод. Оригинал (Саъдии Шерозӣ «Гулистон» боби шашум «Дар заъфу пирӣ»):

«Тавонгаре бахилро писаре ранчур буд, некҳоҳон гуфтандаш:

- Маслиҳат он аст, ки хатми Қуръонӣ кунӣ аз баҳри вай ё базли қурбонӣ!?

животных или растений. Основными формальными признаками аполог совпадает с басней.

⁶¹ «Совет: Доволен будь своей судьбою», «Совет: Будь благодетель сирым», «Совет: Благотвори другим при животе своем», «Совет: Пока ты жив, спеши на добрыя дела», «Совет: благотвори по силам».

⁶² «Аполог: Благодеейи сила»,

⁶³ «Басня: Отец сребролюбивый и сын его ленивый»,

⁶⁴ «Нравоучение: Что доброе в тебе, все к богу отнеси».

⁶⁵ «Анекдот: Сребролюбивый масульманин», «Анекдот: Благотвори с лицом веселым»,

⁶⁶ «Мысли: Все твари славят бога».

Лахте ба андеша фурӯ рафту гуфт:

- Мусҳафи маҳҷур авлитар аст, ки галаи дур.

Соҳибдиле бишунид ва гуфт:

- Хатмаш ба иллоти он ихтиёр омад, ки Қуръон бар сари забон асту зар дар миёни чон!

Дареғо, гардани тоат ниҳодан,

Гараш ҳамроҳ будӣ даст додан.

Ба диноре чу хар дар гил бимонанд,

В-ар «алҳамде» бихоҳӣ, сад бихонанд!» [35, с. 205].

Подстрочный перевод⁶⁷: «У богача-скряги был больной сын, доброжелатели сказали ему:

-Советуем, чтобы ты посвятил во имя его здоровья прочтение священного Корана или жертвоприношение.

Тот немного задумавшись, сказал:

-Лучше прочитать небесную книгу, чем уповать на далёкий табун.

Один остроумный человек, услышал это и сказал:

- Он выбирает чтение священной книги, потому что Коран на языке, а золото в самом сердце!

Досадно, склоняешься в молитвах,

Если в придачу должен отдать руку,

За один динар тебя примут за осла, погрязшего в грязи,

Когда же ты воспеваешь славу, тебя восславят сотни раз!»

Само название перевода – «Сребролюбивый мусульманин» – раскрывает тему: насмешка над человеком, который свою жадность прикрывает верой.

Это видно и во вступительной части анекдота:

Один богач Мугамеданин

По виду был благочестив,

⁶⁷ Подстрочный перевод выполнен Аминовым Азим Садыковичем.

Но по душе сребролюбив,
Конечно ложный Масульманин,
Как случай то открыл один [1, с. 254].

У богача болел сын, и отцу посоветовали: надо читать Коран над больным или принести жертву «для умоления небес».

«Раздал-бы нищим от имения,
Да Бог даст сыну облегченья» [1, с. 254].

Богач недолго думая изрек: стада далеки, Коран – «больных отрада» – близок, пусть его хоть весь прочтут. Некий мудрец изрек:

Скупому Алкорана чтение
Не стоит верно ничего.
Готова книга, кто не спросит,
Ее на языке он носит,
А злато в сердце у него» [1, с. 255].

И как видно, переводчик оригинала пропустил стихотворное заключение рассказа Саади Ширази. Оно и выражает суть идеологии суфизма.

В учении суфиев поклонение Богу и чтение священной книги еще не означает о его (Бога) познании, и слияния с ним (вахдат). Только принеся себя в жертву через истинную любовь к Творцу можно узреть его воображаемый образ. Скорее всего эта притча, в которой говорится о принесении жертвы, чтении Корана ничто в сравнении с восхвалением Всевышнего. Переводчик акцентировал внимание не на мистическое содержание, а на внешние атрибуты веры.

Высмеиваются человеческие недостатки и в другом анекдоте «Благотвори с лицом веселым» (приложение 6). В оригинале (Саъдии Шерозӣ «Гулистон» боби саввум «Дар фазилати каноат»):

«Дарвешро зарурате пеш оmod, касе гуфт:

- Фалон неъмате дорад бекиёс. Агар бар хочати ту вокиф гардад, хамоно ки дар казои он тавакуф раво надорад.

Гуфт:

- Ман ūро намеданам.

Гуфт:

- Манат раҳбарӣ кунам.

Дасташ гирифт, то ба манзили он шахс даровард. Якero дид лаб
фурӯҳишта, тунд нишаста. Баргашту сухан нагуфт.

Касе гуфташ:

- Чӣ кардӣ?

Гуфт:

- Атои ūро ба лиқои ū бахшадам.

Мабар ҳочат ба наздики туршрӯй

Ки аз хӯи бадаш фарсуда гардӣ.

Агар ғӯи ғами дил, ба касе ғӯй,

Ки аз рӯяш ба накд осуда гардӣ» [29, с. 130-131].

Подстрочный перевод демонстрирует отличия.

«У дервиша возникли затруднения, кто-то сказал:

– У того-то немереное количество богатства. Если он узнает о твоей нужде,
не будет никаких заминок в её удовлетворении.

Сказал дервиш:

– Я не знаю его.

В ответ услышал:

–Я отведу тебя.

Взял его (дервиша) за руку и отвёл к дому богача. Тот увидел человека с
опущенными губами и хмурым видом. Вернулся и не проронил ни слова.

Спутник спросил:

– Что случилось?

Ответил:

–Я посвящаю его дары выражению лица.

Не обращай к человеку с недовольным лицом,

Ибо будешь оскорблен его скверным нравом.
 Коль захочешь, боль души своей излей перед тем,
 От лица которого получишь покой в душе».

Переводчик расширил при переводе текст (примечание), что вполне объяснимо: постарался дать полную картину. Нуждающийся человек долго раздумывал идти ли за помощью (не хотелось просить). И вынужден все же прийти к богачу. И увиденное соответствовало его опасениям: «Гнусный вид, Взгляд пасмурный, суровый, грубый, Молчание, отвислые губы». Проситель скорее пытался покинуть это место, и на вопрос слуги поясняет: я часто без пищи и нет у меня дохода, но просить не хочу у господина и «Ту милость в жертву оставляю Я красоте лица его». И традиционный для восточной классики вывод: не обращай к людям, лишенным человеческих качеств, они обидят тебя. Общайся с людьми, способными радовать сердца людей своим обхождением.

Европейский переводчик сумел передать главную мысль притчи Саади Ширази. В исламе одно из пяти обязательных обязательств «закят» (налог в пользу нуждающихся). «Закят» связан с увеличением и очищением имущества. «Садака» добровольная форма пожертвования, которую жертвуют по-своему усмотрению. Пожертвование следует делать добровольно, с чистой душой и благими помыслами, желая помочь нуждающимся. Пожертвования способствуют установлению искренних отношений между людьми. Поэтому Саади Ширази высмеивает богача, который опечален материальной тратой; а переводчик в анекдоте напоминает, что благое дело делается радушно, без лицемерия.

Соответствует этой мысли и стихотворное заключение: обращай по нужде людям достойным, понимающим твою нужду и желающим оказать помощь.

Подведя итог отметим, что ориентальная литература и переводы из восточных литератур способствовали сближению культур. Эти правила

жизни мусульман, определенные нормы поведения обогатят знания европейцев о Восточных народах, будут понятны и близки читателю.

Исламские мотивы в творчестве Саади Ширази не обойдены вниманием переводчика сборника «Баснописец переводчик, или Стихотворным слогом перевод избранных басней, сказок, повестей, советов и полезных анекдотов с иностранных диалектов на славяно-русский» и привлекли идеей благодарности и признательности богу.

Текст перевода «Мысли. Все твари славят бога» сохранил смысл оригинала:

«Верховно существо

Поет все естество.

Тот истину сию на деле понимает,

Кто уши у себя во всей груди имеет.

Один-ли соловей

Поет Царя царей,

На розовом кусту? И каждый терн колючий

Есть нежности язык, Всещедраго поющий...» [1, с. 370].

Сопоставление показывает расхождение оригинала и текста. Оригинал 26 рассказа второй главы «О нравах дервишей» «Гулистана» предстает перед читателем размышлением о восхвалении божественной сущности вселенной, о покаянии и восхвалении бога – «Мысли. Все твари славят бога». В оригинале прозаическое повествование о путешествии паломников, о конфликте, история о песне мальчика и верблюде, арабский текст с персидским переводом. Это переводчик пропустил. Его внимание привлекло стихотворное заключение рассказа. В оригинале («Гулистон» боби дуюм «Дар ахлоки дарвешон»):

«Ба зикраш ҳарчи бинӣ, дар хурӯш аст,

Диле донад дар ин маънӣ, ки гӯш аст,

На булбул бар гулаш тасбеҳхонест,

Ки ҳар хоре ба тасбеҳаш забонест» [35, с. 101].

В подстрочном переводе (перевод А. Аминова):

Всё, что видишь, произнеся имя его, предстает в блеске,
Сердце во всем этом видит смысл, если способно слышать.
Ведь соловей своей розе в любви объясняется четками,
Потому каждый шип розы – это язык в ее четках.

Укажем, что опять же переводчику оказалось недоступен смысл суфизма.

Сохранение дидактизма произведений Саади Ширази проявилось и в ряде названий других переводов: «Совет: Доволен будь своей судьбою», «Совет: Будь благодетель сирым», «Совет: Благодвори другим при животе своем», «Совет: Пока ты жив, спеши на добрых дела», «Совет: благодвори по силам». Выяснить проблему перевода персидско-таджикской классики на русский язык поможет сравнение оригинала Саади («Бустон» бобби 2 «Дар эхсон») и перевода Алексея Нарцева «Совет: Будь благодетель сирым» (приложение 7).

Русскому писателю импонируют дидактизм и нравоучения восточного поэта, призывы персидско-таджикского классика довольствоваться малым, оказывать помощь ближнему, совершать добрые поступки, покровительствовать сиротам и обездоленным. Восточная классика становится ближе и доступнее, говоря об общечеловеческих ценностях, и способствует сближению народов.

2.2. Специфика вольного перевода на примере произведений Саади

Художественный перевод является основной формой литературных взаимосвязей. И выполняет несколько задач. Кроме ознакомления с бытом и нравами чужих народов и духовными достижениями других культур, в сравнении чего человечество узнает самого себя. Перевод способствует обогащению собственной литературы сюжетами и образами, темами и идеями, жанрами и языковыми средствами. Помогает становлению

самосознания и развитию национальной литературы. Переводоведение прошло долгий путь в процессе зарождения и развития.

Если мы обратим внимание на первые переводы Саади на русский язык, то сразу отметим расхождения от текста оригинала. В российских журналах XVIII века «Трудолюбивый муравей» (1771), «Утренний свет» (1778), «Покоящийся трудолюбец» (1784), «Приятное и полезное препровождение времени» (1794-1795) были опубликованы произведения Саади. Анализ произведений – «Наставление, данное от отца детям, как обходиться в свете» («Трудолюбивый муравей, 1771 г.) и «Искусство править государством или наставление престарелого Персидского монарха сыну его» и отрывок «Артабан или Истинный государев советник» (Покоящийся трудолюбец, 1784 г.), сопоставления переводов «наставлений» с текстами Саади Ширази определили особенности переводов. Это не дословный или подстрочный перевод. В данной публикации суммируются мысли и высказывания Саади Ширази по определенным вопросам.

Или в другом случае, у Н.М. Карамзина в сборник «Пантеон иностранной словесности» включен перевод из «Буста́на» Саади (прозаический пересказ первой главы) «Последние слова Козроэса-Парвиса (Хосров Парвиз) сказанные им сыну своему». Этот перевод текстуально довольно сильно расходится с оригиналом, но идейно-тематическое содержание оригинала передает в полном объеме.

Что позволяет сказать, что в начале развития переводческой деятельности переводчики, знакомя европейского читателя с произведениями восточных писателей, довольно часто прибегали к вольному переводу.

В монографической работе Г. Гачечиладзе «Художественный перевод и литературные взаимосвязи» рассматривается специфика вольного перевода. И хотя ученый говорит об истории грузинского перевода, его мысли можно соотнести и к другим литературам. Национальным литературам характерно зарождение вольного перевода. «Здесь весьма редко переводили дословно,

не изменяя оригинала: переводы проникнуты национальным духом, для них характерен национальный колорит, местные географические названия, терминология и т.д.» [60, с. 22].

Вольный перевод позволяет воспроизвести основное содержание произведения с возможными изменениями. Изменения могут быть связаны с разными причинами: несоответствие реалий, отсутствие определенного обозначения явления или соответствующего элемента быта, разные нравы или обычаи. Большую роль играют особенности языка, символика и обороты речи.

Объяснения и толкования могут повлиять на объем перевода. «Вообще необходимо отметить, что при всяком переводе (независимо от того, с какого языка он выполняется), если переводчик стремится к исчерпывающей передаче мысли подлинника, более вероятным является расширение текста подлинника, нежели сокращение его» [60, с. 24].

Объяснить пространственный перевод можно или желанием переводчика облегчить восприятие иноязычного произведения, или взаимоотношениями языков (особенности лексических оборотов, образности языка и т.д.).

В переводоведении встречаются случаи, не укладывающиеся в привычные представления о переводе. «Иной раз мы имеем, дело с явлением, выходящим за рамки вольного перевода, и должны говорить о переработке, пересказе либо о подражании, в зависимости от степени переведенного произведения» [60, с. 30].

Таким примером является стихотворение М. Деборд-Вальмор⁶⁸ «Розы Саади»⁶⁹.

⁶⁸ Марселина Фелисите Жозефина Деборд (Marceline Desbordes-Valmore) 1786-1786 – французская поэтесса.

⁶⁹ Les Roses de Saadi.

Сегодня поутру тебе я роз нарвала;
 Но я так много их в мой пояс увязала,
 Что тесные узлы их не могли стянуть.
 Порвался пояс мой.
 Развевшись в просторе,
 По ветру легкому цветы умчались в море.
 Вода их увлекла в невозвратимый путь;
 Огнисто-алыми от них казались волны.
 Их медом до сих пор мои одежды полны...
 Дышать их памятью приди ко мне на грудь [130, с. 73-74].

Необходимо отметить, что в «Гулистане» Саади мы при беглом просмотре нашли подобный текст (поиски ключевых слов, схожего сюжета), и в названии стихотворения имеем указание на цветник персидско-таджикского поэта («Розы Саади»). И очень близкое содержание, но иное толкование характерно предлагаемому отрывку.

Из «Гулистана» Саади «Во имя Бога милостливого и милосердного»:

«Некий благочестивый мудрец устремил свой взор в пучину размышлений и погрузился в море откровений. Когда он очнулся от этого состояния, один из друзей шутливо спросил его:

– Какой же чудесный подарок принес ты нам из сада, в котором ты ходил?

Мудрец промолвил в ответ:

– Я думал, как только подойду к розовым кустам, полу свою розами наполню, в подарок друзьям. Но, когда я туда добрался, так опьянил меня запах роз, что пола моей одежды выскользнул из рук.

Учись любви у мотылька, о утренняя птица,
 Погибнет ое, в огне сожжен, но уст не разомкнет...
 Все лжеискатели любви найти ее не могут,
 А кто нашел – безмолвен и уст не разомнет» [32, с. 31-32].

Такое же изложение из оригинала «Гулистана» Саади Ширази:

«Бомдодон, ки хотири бозомадан бар раъйи нишастан голиб омад,
дидамаш, домане гулу райҳон ва сунбулу займарон фароҳам оварда ва оҳанги
ручӯъ карда. Гуфтам:

– Гули бӯстонро, чунон ки донӣ, бақое ва аҳди гулистонро вафое
набошад ва ҳукамо гуфтаанд: «Хар чӣ напояд, дилбастагиро
нашояд»...

– Барои нузҳати нозирон ва фусҳати ҳозирон китоби гулистоне
тавонам тасниф кардан, ки боди хазонро бар варақи ӯ даст набошад
ва гардиши замон айши рабеъашро ба тайши хариф мубаддал
накунад:

Ба чӣ кор оядат зи гул табақе?

Аз гулистони ман бибар варақе.

Гул ҳамин панҷ рӯзу шаш бошад

В-ин гулистон ҳамеша х(в)аш бошад» [34, с. 10].

Этот отрывок из раздела «Причина написания этой книги» (в переводе
Рустама Алиева и Анатолия Старостина): «...Вижу я, что и друг мой
собрался в путь, полу свою наполнив розами и гиацинтами, настурциями и
цветами базилика. И я промолвил:

– Тебе ведь известно, что недолговечны розы в садах и не всегда кусты
роз в цветах, мудрецы же говорят: «Что непостоянно, то любви
недостойно!»...

– Для развлечения читателей и отрады всех желающих я могу написать
книгу «Розовый сад» - от жестокого дыхания осеннего ветра лепестки этого
сада не облетят, его радостную весну круговращение времен не обратит в
унылую осень:

Зачем ты сыплешь розы на поднос?

Унес бы лепесток из «Сада роз»!

Дней пять иль шесть – и розы цвет поблек

А «Саду роз» назначен вечный срок» [32, с. 38].

Обратим внимание на несколько моментов. Марселина Деборд-Вальмор упускает диалог оригинала, в котором говорится о причине написания «Гулистана». Она, как поэт, собирала розы, но развеяны ветром цветы (сохранен «осенний ветер» из оригинала).

«Унылую осень» французский романтик представила волнами моря, воду которой розы окрасили в огнисто-алый цвет.

И если персидско-таджикский классик, исходя из кратковременности жизни и недолговечности свежести и красоты розы, решил написать книгу «Сада роз», то поэтесса-француженка сохранила сладость запаха в памяти и предлагает возлюбленному: «Дышать их памятью приди ко мне на грудь».

Изучение Востока в Европе имеет многовековую историю. Ш. Мухторов отмечает, что уже в XIV веке французская ориенталистика предпринимала первые шаги в изучении персидского языка. Заслуга зачинщика изучения персидско-таджикской литературы принадлежит французской школе востоковедения. Для примера сошлемся на энциклопедический словарь Бартеlemi д'Эрбело в «Восточной библиотеке» («Библиотек Ориенталь...», 1697). «Ориенталистам Франции принадлежит также приоритет в изучении жизни и творчества одного из величайших представителей восточной литературы Саади Ширази (1203/8-1292 гг.)» [88, с. 3]. Уже в XVII веке французская публика была знакома с краткой биографией и творчеством персидско-таджикского классика благодаря Б. д'Эрбело, а с «Гулистаном» Саади (1634 г.) – благодаря Андре де Рие.

И Марселина Деборд-Вальмор, ознакомленная с произведениями Саади Ширази на французском языке, написала свое стихотворение «Розы Саади», по-своему обыграв ситуацию и внося свое видение. Разумеется, имея дело с французским переводом, она далеко отошла от персидской поэтической лексики и образности, ритма и рифмовки.

Поэтессу вдохновил мотив роз, дав основу создания оригинального стихотворения, считает Шокир Мухтор в исследовании «Франция чатает «Гулистан». «Здесь мы имеем дело не с заимствованием или подражанием, а со своеобразным приобщением к пленительному леймотиву восточного поэта» [91, с. 73].

Необходимо отметить, что вольный перевод соответствовал определенному моменту развития востоковедения. Первые переводы соответствовали представлениям о чужих мирах и нравах. Но постепенное развитие ориенталистики улучшают качество перевода. «В новые времена, благодаря тому, что народы перешагнули рамки национальной замкнутости, благодаря пробуждению национального сознания и укреплению национальной литературы, место подражаний и переделок стали все больше занимать более или менее верные переводы, которые свободно существовали рядом с истинно национальной литературой» [60, с. 40]. Такие переводы более полно соответствовали содержанию оригинала и способствовали обогащению родной литературы.

Подобного рода вольный перевод представляет стихотворение «Оправдание» Константина Фофанова.

По утру шах приехал к кади, –
 Судья был пьян и крепко спал;
 Держа расплесканный фиал,
 Его наложница – в наряде
 Праматери эдемских нив, –
 Главу на грудь судьи склонив,
 Дремала с томностью во взгляде.

И говорит вошедший шах
 Судье: уж солнце в небесах! –
 Вставай!... И кади, подымая
 Свое похмельное чело,

Воскликнул: солнце как взошло, —
Ужели с запада блистая?!

И шах ответил: как всегда —
С востока день наш загорался!..
– С востока? – Это не беда,
А я уж было испугался!..
Еще осталось время мне
В грехах покаяться вполне;
Пророк гласит; дверь покаянья
Открыта для рабов, пока
С востока вводит дня сиянья
Аллаха вечная рука... [149].

Это вольный перевод Рассказа 20 главы пятой «О любви и молодости» «Гулистана» Саади. В оригинале рассказывается об огне страсти хамаданского судьи к молодому человеку.

Судья, томимый страстью, преследовал и гонялся за ним. Юноша, оскорбленный, поносил и замахнулся камнем. Друзья вельможи предостерегали: «Благой путь в том, чтобы не позволить этому юноше добиться над тобою власти и запутать тебя в сети страсти, и в том, чтобы свернуть ковер твоего вождения; ведь должность судьи – сан высокий, и ты не должен пятнать его скверным поступками!» [32, с. 216].

Поблагодарил судья друзей за добрый совет, но не смог побороть своих чувств. «Он пожертвовал казною несметною на то, чтобы склонить юношу к связи запретной» [32, с. 216].

Правитель города узнал, что судья провел ночь за вином у постели молодого человека. Слуги смотрителя закона постарались предупредить, но не были услышаны они.

Царю сообщили о скверном преступлении, но царь не поверил и посчитал это клеветой: «Я ничему не поверю, пока не увижу все воочию...» [32, с. 218].

Вся эта часть рассказа была пропущена переводчиком. Обратим внимание, что произведение Саади представлено прозой и стихотворными вставками, а К. Фофанов сделал стихотворный перевод.

Приход шаха (царя – в оригинале) с приближенными к кади (у Саади – судья). И картина: чаши вина, судья в нетрезвом виде.

Переводчик вводит изменение: если в оригинале объект любви молодой юноша, то в русском переводе: «Его наложница – в наряде Праматери эдемских нив» (что более понятно европейцу и не оскорбляет представлений о восточном мире).

Царь будит судью: солнце взошло. Судья спросил – с какой стороны? И поясняет: «С востока? Еще осталось время мне В грехах покаяться вполне...» [149].

Но продолжение рассказа русским поэтом пропущено. Это угрозы царя о наказании: «Тебе не удастся спастись после того, как было раскрыто преступление» [32, с. 219].

Далее прошение судьи о помиловании: «Хотя оправданья и нет преступлениям моим, Но милость твоя может снять преступления груз!» [32, с. 219]. И в конце рассказа милость царя, и упрек хулителям судьи: «И вас отяготили всех пороки, не будьте же к чужим жестоки» [32, с. 220].

Переводчик, как видим, пропустил часть начала и концовку рассказа. Его внимание привлекли два момента: первый – это судья с возлюбленной и вином; второй момент: по исламским преданиям – пока солнце восходит с востока, всевышний позволяет покаяться грешникам и получить прощения.

В переводе Р. Алиева и А. Старостина: «– Слава богу, – воскликнул судья, – еще открыта дверь покаяния в силу следующих слов предания:

«Дверь покаяния не закрыта для рабов, пока солнце не восходит с запада». Я прошу бога простить меня и каюсь перед тобою!» [32, с. 218].

В оригинале (Боби панҷум «Дар ишқу ҷавонӣ») в рассказе 20 «Гулистана»: «Алҳамдулиллоҳ, ки дари тавба ҳамчунон боз аст ба ҳукми ин ҳадис ки: Ло юғлақу ало-л-ибоди ҳатто татлау-ш-шамсу мин мағрибиҳо астағфируқа-ллоҳума ва атубу илайка (Тарҷумааш: Дари тавба бар бандагон баста намешавад магар он гоҳ, хуршед аз мағриб тулӯъ кунад. Худоё, аз ту бахшоиш металабам ва ба сӯи ту бозмегардам)» [34, с. 150].

В стихотворении «Оправдание» (которое является переводом рассказа из «Гулистана» Саади) Константина Фофанова русский читатель знакомится с правилами исламского мира (из хадиса – высказывания пророка):

«Пророк гласит; дверь покаянья
Открыта для рабов, пока
С востока вводит дня сиянья
Аллаха вечная рука...» [149].

Переводчик увидел мотив покаяния и прощения грехов, что позволяет говорить об общности нравственных ценностей и моральных представлений, о некоем единстве религиозных взглядов (мусульманских и христианских). И поэтому переводчик не включил ряд эпизодов из оригинала рассказа и акцентировал внимание на изречении пророка о покаянии.

Можно констатировать, что переводчик обращается к вольному переводу в соответствии с целью и задачей работы. Восточный материал может быть выбран в соответствие с эстетическими взглядами. И поэтому ситуация может получить иную трактовку.

Переводчик знакомит читателя с новыми темами и идеями, образами и мотивами, при этом избирательно отходит от оригинала. Может проигнорировать часть материала, а может добавить что-то новое и свое.

Более того, отсутствие у принимающей стороны реалий, и пояснение или трактовка – это дополнительный материал.

В монографической работе Г. Гачечиладзе «Художественный перевод и литературные взаимосвязи» рассматривается проблема перевода. Исследователь обращает внимание на основную проблему: две стороны переводческой работы. «...Дословно точный, но эстетически неполноценный перевод и художественно полноценный, но далекий от оригинала, то есть вольный перевод» [60, с. 8].

Одной из причин этого, считает ученый, является особенности языка. Другой особенностью является индивидуальность переводчика: его взгляды и причины обращения к произведению. «Ведь речь идет, выражаясь языком лингвистики, о системе отклонения от текста подлинника, которая выражаясь языком литературоведения, восходит к определенным творческим принципам, к определенному подходу к задачам перевода и, стало быть, к определенному методу» [60, с. 10].

В работе приводится формула: «Переводимость адекватна возможности общения народов между собой» [60, с. 82]. Что объясняется задачами переводчика: он должен изучить язык другого народа, принять близко его мышление, познать и полюбить чужой язык и культуру. Это делается во имя любви к своему языку и литературе, во имя своего народа.

Формулировки перевода советских и зарубежных литературоведов, рассматриваемые Г. Гачечиладзе, позволяют говорить об отсутствии консенсуса по этому вопросу.

С одной стороны мы будем иметь дело с калькированием – «...это зачастую результат мышления переводчика на языке оригинала. Мысль, изложенная на языке оригинала, переносится механически, слово в слово, в перевод, на языке которого переводчик в этом случае не мыслит» [60, с. 173]. И в результате отсутствует национальное начало творчества переводчика, а текст передается исходя из норм чужого языка.

Переводчику следует учитывать языковые особенности разных народов. «Но соответствие в этом случае подразумевает функциональную аналогию, а не калькирование: каждый язык имеет свою специфическую интонацию, ритм и синтаксический строй, что и должно учитываться в переводе с целью воспроизведения единства формы и содержания подлинника» [60, с. 176].

По теме исследования – о специфике вольного перевода на примере произведений Саади, необходимо акцентировать внимание на сложность перевода поэтического текста.

Общеизвестная фраза В.А. Жуковского этому подтверждение: «переводчик в прозе – раб, переводчик в поэзии – соперник». Грузинский исследователь заметил, что при поэтическом переводе невозможны языковые и метрические соответствия. «Наконец, в ряду специфических особенностей поэтического перевода стоит и проблема передачи системы рифм, являющейся со своей стороны источником многих трудностей при осуществлении поэтического перевода» [60, с. 216].

Что говорит о закономерности существования вольного перевода. А насколько были удачны эти отклонения, соответствуют ли духу и форме оригинала – это поле изучения вопросов переводоведения, становления новых взглядов и улучшения качества работ.

2.3. Своеобразие переводов «Гулистана» И. Холмогорова и С. Назарианца

В Европе с «Гулистаном» Саади познакомились довольно рано. Еще в XVII веке были известны переводы Адама Олеария на немецком языке (1652 г.), Георгия Генция на латинском языке (1651 г.), английские переводы Дж. Харингтона (1791), Ф. Гладвина (1806), Дж. Дюмулена (1807), французский текст М. Семеле (1828 г.).

«Гулистан» привлекал внимание и русских ученых-ориенталистов. «Первый перевод Гулистана на русский язык был осуществлен еще в конце XVIII века в Москве» (5, с. 51). Его перевели с текста Адама Олеария.

В XIX веке интерес к восточной литературе возрос, вследствие чего появились новые переводы «Гулистана» Саади. «Наиболее полными из всех опубликованных в XIX в. являются переводы С. Назарьянца, К. Ламброса и И. Холмогорова» [33, с. 52]. Лучшим, с точки зрения большей точности и хорошего стиля, считается перевод Холмогорова.

Но в тоже время, говорится в Предисловии Р.М. Алиева к изданию «Са'дй, М. Гулистан. Памятники литературы народов востока», перевод И. Холмогорова имеет серьезные недостатки. Холмогоров пытался дать перевод в соответствии со вкусами русского читателя и пропустил отрывки, которые противоречили представлениям о нравственности. Переводчик работал со стамбульским изданием, в котором было много неточностей и искажений, что и отразилось в переводе [33, с. 52].

Поэтому в русской ориенталистике оставался вопрос добротного перевода: в 1922 году публикуется труд Е.Э. Бертельса (исключительно точный, но включает в себя не все рассказы).

1957 году представлен новый полный перевод, выполненный с критического текста (перевод с персидского Рустама Алиева, перевод стихов Анатолия Старостина).

Все переводы «Гулистана» Саади Ширази снабжены Предисловиями или Комментариями, для понимания многих моментов жизни и творчества писателя или понимания текста персидско-таджикского классика.

В комментариях к «Розовому кустарнику» доктор Восточной Словесности С. Назарианц отметил: «В Гулистане излагает Саади философию, житейскую мудрость и мораль востока, как плод многообразных опытов жизни, как выражение своих воззрений на мир человеческий» (4, с. XV).

Поэт поделился с читателями искусством жить, быть довольным, умением общаться с людьми различного звания (от дервишей до царей); указал на блаженство любви и на ошибки людей под влиянием страстей, рассказал о радостях и бедствиях семейной жизни; ознакомил с правилами воспитания детей.

В заключение книги даны наставления бедным и богатым, свободным и рабам, мужчинам и женщинам, юным и пожилым. «Словом, нет ни одной сферы жизни, которой не коснулся мыслящий дух нашего многостороннего, мудрого моралиста» [23, с. XV].

В комментариях к своему переводу Гулистана С. Назарианц указал и форму произведения: прозаический текст чередуется со стихотворными отрывками. «Наружные формы Гулистана представляют изложение, в котором, попеременно, следует просто-естественная проза, художественное сочетание слов посредством параллелизма и рифмы и поэтические отрывки различных размеров» [23, с. XV].

Но при этом сам переводчик не следует ритмизованной прозе (садж) персидского классика. Гулистан в подаче С. Назарианца представляет собой прозаический текст, также прозаическим текстом перевел содержание произведения Саади Ширази И. Холмогоров.

Обратимся к тексту «Розового кустарника шейха Муслехеддин Саади Ширазского славного под названием Гулистана» и «Гюлистан (Цветник роз). Творение шейха Саади Ширази», и определим особенности переводов⁷⁰ С. Назарианца и И. Холмогорова.

⁷⁰ Розовый кустарник шейха Муслехеддин Саади Ширазского славный под названием Гулистана. Перевод с персидского С. Назарианца, доктора Восточной Словесности. – М.: в типографии лазаревского института восточных языков, 1857. – 174 с. (стр. I-XX предисловие, стр. 1-174 текст; Гюлистан (Цветник роз). Творение шейха Саади Ширази. С персидского подлинника перевел И. Холмогоров. Издание К.Т. Солдатенкова. – М.: Типография Мартынова, 1882. – 353 с. (стр. 1-336 текст, 337-344 послесловие и 344-353 примечание).

Внимательное сопоставление переводов С. Назарианца и И. Холмогорова с текстом оригинала показали изменения при переводе. Так, у С. Назарианца мы видим перевод только в прозаической форме. В главах переводчик ввел нумерацию.

Переводчик мог рассказ разделить при переводе на две отдельные части. К примеру, прозаический рассказ 49 и 50 из главы седьмой о вопросах воспитания в оригинале представляет собой один текст – вначале прозаическое повествование, потом две стихотворные строчки.

В переводе И. Холмогорова текст представлен прозаическим повествованием, но он есть указание «СТИХИ» (на стихотворные части в оригинале). Глава четвертая в оригинале состоит из четырнадцати рассказов, у Холмогорова из тринадцати. Встречаются нарушения в последовательности рассказов: так в оригинале восьмой главы пятый рассказ в переводе Холмогорова стал вторым; второй рассказ является в оригинале – шестым.

Рассмотрим Главу вторую «О нравах дервишей» первый рассказ. Оригинальные строки Саади («Боби дуом. Дар ахлоқи дарвешон»):

«Яке аз бузургон порсоеро⁷¹ гуфт: Чӣ гӯӣ дар ҳаққи фалон обид, ки дигарон дар вай ба таъна суханҳо гуфтаанд?

Гуфт:

Дар зоҳираш айб намебинам ва дар ботинаш ғайб намедонам.

Ҳар киро чома порсо бинӣ,

Порсо дону некмард ангор.

В-ар надонӣ, ки дар ниҳонаш чист,

Муҳтасибро даруни хона чӣ кор?» [34, с. 57].

Для выявления особенностей обратимся к подстрочному переводу (выполнен доцентом РТСУ Аминовым А.С.):

⁷¹ Порсо - книжн. 1) воздержанный, скромный; чистый, целомудренный; 2) набожный; благочестивый [117, с. 310]. .

Один достопочтенный спросил набожного человека:

– Что ты скажешь о таком то благочестивом, которого вспоминают с упреками.

Ответил:

– Не вижу в его внешности недостатков, а что во внутренней сути не ведаю.

Всякого человека в скромной одежде

Признай благочестивым и благородным.

Коль ты не знаешь его внутреннего мира

Какое дело мухтасибу⁷² до того, что творится внутри дома?

Перевод С. Назарианца:

«Один из вельмож спрашивал священнослужителя, какое его мнение о таком-то духовном лице, о котором прочие отзываются с осуждением.

Священнослужитель сказал: в наружности его я ничего не вижу порочного, но задушевных таин не знаю.

Кого ты ни увидишь в одежде священника, считай его таким, и смотри на него, как на доброго человека. Если не знаешь, что скрывается в глубине его сердца, знай, что публичному цензору нет дела до чьих-либо таин в кругу домашнем» [23, с. 50].

«Бузургон» не означает вельможа; при переводе С. Назарианц не обратил внимание на значение слова «порсо» (что означает воздержанный, скромный; чистый, целомудренный; набожный; благочестивый) и назвал человека священнослужителем; хотя правильнее было определения «набожным» или «благочестивый человек».

«Обид» – переводится как благочестивый, набожный или отшельник, аскет, а в «Розовый кустарник шейха Муслехеддин Саади Ширазского

⁷² Мухтасиб – ист. мухтасиб (лицо, наблюдавшее на базаре за точностью веса и мер, за правильностью употребления монетных единиц и за исполнением предписанных по шариату религиозных обрядов и правил поведения) [117, с. 251].

славный под названием Гулистана» представлен как духовное лицо (то есть как священнослужитель).

Смысл ответа при переводе сохранен: внешне пороки не очевидны, а внутренней сути не ведаю. Далее по Саади дано четверостишие, что дается у Назарианца в прозаическом переводе. Опять же «порсо» может иметь значение скромный или благочестивый, а в переводе дается в «одежде священника». Всякого человека признавай целомудренным, так как не знаешь его мыслей. «Мӯхтасиб» (лицо, наблюдавшее за исполнением предписанных по шариату религиозных обрядов и правил поведения) предстал «публичным цензором», что тоже меняет смысл.

Смысл строк Саади сохранен: судим личность по соблюдению или нарушению норм и правил. Подобно тому, как «мӯхтасиб» не может контролировать мои мысли, так он не вхож и во внутренние покои домов.

Таким образом, следует отметить, что неправильная передача значения ряда существительных привела к искажению смысла при переводе С. Назарианца.

Перевод И. Холмогорова:

«Кто-то из вельмож сказал отшельнику: «Что ты скажешь относительно такого то божия раба, о котором иные отзываются очень язвительно?»

Отшельник отвечал: «Я не вижу в нем внешних пороков, а внутренние недостатки мне неизвестны».

Стихи.

На ком видишь монашеское платье, ведай, что он монах и признавай его добрым человеком; если ты не знаешь, какова его внутренняя природа, так мохтасибу нет и дела до того, что происходит внутри дома» [б, с. 88].

Опять же мы сталкиваемся с неправильной передачей смысла слов «бузургон», «порсо» и «обид». И. Холмогоров при переводе – обозначил

вельможа⁷³, отшельник⁷⁴ и раб божий⁷⁵, что к смыслу оригинала спорно. Но само значение прозаических строк соответствует Саади.

Стихотворная часть Саади обозначена, но дана в прозе. Холмогоров «чома порсо» перевел как монашеская одежда, а «порсо дону» – считай монахом. Перевод Холмогорова стихотворной части сохранил значение оригинала. Особенность перевода Холмогорова упор на представления русского читателя: образ монаха будет ближе русской литературе.

Для сопоставления предлагаем художественный перевод Рустама Алиева и Анатолия Старостина:

«Один вельможа спросил у набожного человека:

– Что ты скажешь о таком-то отшельнике? Иные говорят о нем, не поминая его добром.

Набожный человек ответил:

– Снаружи недостатков я нем не наблюдаю, а что внутри сокрыто, – о том не гадаю.

Коль видишь человека, дервиша по одежде,

Считай то настоящий дервиш перед тобою!

В его душе не надо столь тщательно копаться –

Ведь мухтасиб не входит во внутренний покой» [32, с. 98].

Художественному переводу Р. Алиева и А. Старостина характерны те же недочеты: «вельможа», «отшельник», «дервиш». Строки оригинала «В-ар надонӣ, ки дар ниҳонаш чист» в подстрочном переводе имеем: «Коль ты не знаешь его внутреннего мира», но переводчики передали: «В его душе не надо столь тщательно копаться». При переводе следовало обратить внимание на нюансы.

⁷³ Вельможа – 1. Аъён, ашроф, кибор, олимансаб; 2. Одами ӯавобаланд.

⁷⁴ Отшельник – 1. Зоъид, обид, гӯшанишин; 2. Одамгурез, мардум-гурез.

⁷⁵ Раб божий – Бандаи худо.

Следующий пример – переводы кратких изречений из восьмой главы «Гулистана». В оригинале у Саади (Боби хаштум. «Дар одоби суҳбат»).

«Ду кас ранчи беҳуда бурданд ва саъйи бефоида карданд: яке он, ки андӯхту нахӯрд ва дигаре он, ки омӯхту накард.

Илм чандон, ки бештар хонӣ,

Чун амал дар ту нест, надонӣ.

На муҳаққиқ бувад, на донишманд,

Чорпое, бар ӯ китобе чанд.

Он тихиммағзро чӣ илму хабар,

Ки бар ӯ ҳезум аст ё дафтар?» [3, с. 184].

Содержание текста по подстрочному переводу А.С. Аминова:

Два человека напрасно обрекли себя на страдания и без пользы старались: один, который копил и не ел, другой – который обучился, но не применил знания в жизни.

Какое бы количество наук ты не освоил,

Нет от того пользы, если не применяешь их в жизни.

Не будет исследователем и ученым

Четвероногое, нагруженное множеством книг.

Откуда знать безмозглой скотине,

Что нагружена она дровами или книгами.

Обратимся к переводу «Гюлистана (Цветника роз)» И. Холмогорова:

«Рассказ 2. Двое предпринимали тщетный труд и бесполезные усилия: во-первых тот, кто приобрел и не пользуется приобретением, во-вторых тот, кто выучился и не прилагает своих знаний к практике»

Стих.

Сколько-бы ты ни изучал науки, но когда не применяешь их к делу, ты – невежда. Четвероногое, на котором навьючено несколько книг, не будет мудрецом, ни ученым – да и может-ли знать пустомозглый зверь, что лежит на нем: дрова или книги?» [6, с. 294].

И. Холмогоров постарался сохранить значения и по мере возможности быть близким к оригиналу. В подстрочном переводе «понапрасно обрекли себя на страдания и без пользы старались», у Холмогорова «предпринимали тщетный труд и бесполезныя усилия». «Чун амал дар ту нест, надонї» (при подстрочном переводе «Нет от того пользы, если не применяешь их в жизни») – у Холмогорова «... но когда не применяешь их к делу, ты – невежда».

Стихотворная часть Саади при переводе обозначена, но дана в прозаической форме. «На муҳаққик бувад, на донишманд» в подстрочном переводе – «Не будет исследователем и ученым», у Холмогорова дается – «не будет мудрецом, ни ученым». Что демонстрирует, что Холмогоров старается сохранить близость к смыслу строк оригинала.

Для завершения сопоставления предложим художественный перевод в исполнении Р. Алиева и А. Старостина из Главы восьмой «О правилах общения»:

«Двое напрасно трудились и без пользы бились: тот, кто копил и не воспользовался накопленным, и тот, кто учился и ничего потом не сделал.

Как много в жизни ты не выучил наук,
 Коль не приложишь их, то будешь неуч, друг...
 Осел не будет ничему научен,
 Хотя бы связкой книг он был навьючен...
 Безмозглый скот – как может он узнать,
 Что он везет – полено иль тетрадь?» [32, с. 261-262].

На наш взгляд, переводчики допустили вольный подход. Вторая строка в подстрочном переводе «Нет от того пользы, если не применяешь их в жизни», Р. Алиев и А. Старостин перевели «Коль не приложишь их, то будешь неуч, друг...». Третья строка: «Не будет исследователем и ученым» не имеет значение «Осел не будет ничему научен» и упоминания осла в строках оригинала нет.

Для определения особенности перевода кратких изречений С. Назарианца «Розовый кустарник шейха Муслехеддин Саади Ширазского славный под названием Гулистана» сопоставим с оригинальными строками. В оригинале у Саади (Боби ҳаштум. «Дар одоби суҳбат»):

«Беҳунарон ҳунармандро натавонанд, ки бинанд, ҳамчунон ки соғони бозорӣ сағи сайдро машғала бароранд ва пеш омадан наёранд, яъне сифла чун ба ҳунар бо касе барнаёяд, ба хабсаш дар пӯстин афтад.

Кунад ҳароина ғайбат ҳасуди кӯтаҳдаст,

Ки дар муқобила гунгаш бувад забони мақол» [34, с. 196].

Подстрочный перевод А.С. Аминова:

Бездарные не могут видеть талантливых, подобно тому, как базарные собаки облаивают охотничьих собак и не позволяют им приблизиться; то есть те, кто не превосходит других в мастерстве, лезут с упреками даже в его шкуру.

Ухищряется в клевете бездарный завистник,

Перед которым немеет даже правды язык.

Краткие изречения в «Розовом кустарнике шейха Муслехеддин Саади Ширазского...» в переводе С. Назарианца:

«49. Забавное слово. Бездарные люди не могут смотреть на даровитых, равно как собаки на площади, видя охотничьего пса, поднимают лай и шум, но подойти не смеют. Естественно, что немощный завистник ищет темных уголков, ибо наяву онемевает у него язык.

50. Предостережение. Когда подлец внутренним достоинством не в силах победить кого, злобно нападает на личность» [23, с. 159].

Бросается в глаза разделение рассказа оригинала на две части. В переводе С. Назарианца рассказы пронумерованы и озаглавлены.

Первое предложение сохраняется в подстрочном переводе (бездарные и талантливые, базарные и охотничьи собаки) и у Назарианца (бездарные люди и даровитые, собаки на площади и охотничий пес).

Второе предложение в подстрочнике: «...есть те, кто не превосходит других в мастерстве, лезут с упреками даже в его шкуру». То есть, завистник для упрека достойных людей в поисках недостатков лезет даже в шкуру. В переводе Назарианц имеет совсем другое звучание: «естественно, что немощный завистник ищет темных уголков, ибо наяву онемееет у него язык». Завистник в лицо ничего не может сказать. Что очень далеко от значения оригинала.

Стихотворная часть подстрочного перевода близка по содержанию к прозаической части: перед клеветой бездарного завистника немеет язык правды.

Но «Розовый кустарник шейха Муслехеддин Саади Ширазского славный под названием Гулистана» представил в прозе иную подачу материала: «Когда подлец внутренним достоинством не в силах победить кого, злобно нападает на личность». Что опять же далеко от смысла оригинала.

В художественном переводе:

«Люди бездарные не могут видеть людей доблестных так, как базарные псы охотничьих собак; как эти псы поднимают лай, не осмеливаясь подойти к охотничьим собакам, так и подлецы, которые не могут тягаться ни с кем доблестью, в силу подлости своей начинают перемывать косточки доблестных мужей.

Бездарный завистник злословит всегда издалека,

Вблизи же немеет бесстыжий болтливый язык» [32, с. 275].

Обратим внимание, что второе предложение отличается от оригинала. У Саади: «яъне сифла чун ба хунар бо касе барнаёяд, ба хабсаш дар пӯстин афтад», что в подстрочном переводе – «то есть те, кто не превосходит других в мастерстве, лезут с упреками даже в его шкуру» (упрекают мастера и не были в его шкуре), в интерпретации Алиева и Старостина – «так и подлецы, которые не могут тягаться ни с кем доблестью, в силу подлости

своей начинают перемывать косточки доблестных мужей» [32, с. 275]. «Лезть в шкуру» не означает «перемывать косточки». Это попытка найти близкое значение на русском языке к таджикскому афоризму.

По смыслу отличается содержание стихотворных строк. В оригинале у Саади:

Кунад ҳароина ғайбат ҳасуди кӯтаҳдаст,
Ки дар муқобила гунгаш бувад забони мақол.

В подстрочном переводе А.С. Аминова:

Ухищряется в клевете бездарный завистник,
Перед которым немеет даже правды язык.

Следовало указать: перед клеветой завистника немеет язык правды, а указано: сплетник злословит за спиной, в лицо же сказать не может. Что говорит об отличии оригинала и перевода.

Результаты сопоставления оригинальных строк (через подстрочный перевод) с переводами И. Холмогорова, С. Назарианца, Р. Алиева и А. Старостина свидетельствует о множественности переводов. Разночтения связаны с толкованиями слов (выбор одного из значений), с подбором аналогии к таджикскому афоризму русского выражения.

Следует отметить, что переводческая деятельность в своем развитии прошла долгий путь. От прозаической передачи содержания лирических строк к художественному переводу. Но нет предела совершенству, и, следовательно, необходима дальнейшая работа по улучшению качества переводов. В современном переводоведении рассматриваются вопросы филологического перевода, нацеленного на передачу тонкостей и глубину значения и смысла текста оригинала. Когда переводчик вживается в образ автора, сочувствует и сопереживает ему и передаёт это словами и образами на своём родном языке.

2.4. Проблемы вариативности перевода на примере газели Саади Ширази «Эй сорбон, охиста рон, к-ороми чонам меравад...»

Саади Ширази известен среди широкого круга почитателей мировой классики переводами на многие языки мира «Гулистана», «Бустана» и газелей и благодаря трудам востоковедов⁷⁶. «Едва ли не самой знаменитой газелью Ширазского соловья, как называют Саади, считается «Караван»⁷⁷ [147]. Эту газель можно рассказывать наизусть, могут петь в традиционной форме, известна и «эстрадном» исполнении.

Напомним первый бейт газели: «Эй сорбон, охиста рон, к-ороми чонам меравад, В-он дил, ки бо худ доштам, бо дилситонам меравад» и перевод К. Липскерова: «О караванщик, сдержи верблюдов! Покой мой сладкий, мой сон уходит. Вот это сердце за той, что скрутит любое сердце, в полон уходит».

Темур Варк предлагает своей перевод: «Эй, караванщик, не спеши! То мой покой уходит. Та, в ком не чаял я души, моей душой уходит» [136].

Н.Ю. Чалисова в своих исследованиях говорит о разных версиях⁷⁸ газели (может быть от восьми до тринадцати бейтов). Обратившись к тегеранскому изданию⁷⁹ 1955 г. (590 с.), российский исследователь дает подстрочный перевод.

Российский востоковед пишет, что газель написана арабским метром раджаз, который имитирует, по преданию, плавную поступь верблюда, «каждая рифмующаяся строка снабжена после рифмы редифом миравад,

⁷⁶ Несмотря на большое количество трудов по проблемам перевода произведений Саади на русский язык, вопросы вариативности перевода остались вне поля таджикских литературоведов [41, 47, 52, 53, 54, 61, 62, 63, 65, 77, 79, 88, 92, 94, 100, 101, 107, 111, 112, 119, 121, 122, 123, 125].

⁷⁷ «Эй, сорбон»

⁷⁸ Так из списка использованной литературы в «Сто одной газели» произведение Саади состоит из 12 бейтов, а в «Избранных газелях» представлено 13 бейтами. Различается и расположение бейтов в газели: исходя из варианта в 13 бейтов: 1-2-3-6-7-10-4-8-9-11-12-13 (пропущен бейт 5).

⁷⁹ Саади М. Куллийат. - Тегеран, 1955.

передающим разные оттенки значения глагола «уходит»⁸⁰ и подчеркивающим «пограничный» характер всех описываемых событий и переживаний лирического героя» [148].

С точки зрения ученого-ориенталиста содержание подстрочного перевода довольно простое и понятное: лирический герой, расстающийся с любимой, увозимой караваном, страдает, а та, удаляясь, уносит с собой его душу. Мотив, говорит исследователь, традиционный в любовной лирике и знакомый читателю. Однако много требует уточнения и пояснения. Они позволят прочувствовать газель и понять почему «вот уже семь веков поет об этом иранский мир».

Газель Саади «Караван», с точки зрения Н.Ю. Чалисовой, пример любовной газели, и внутри текстовые связи основываются на богатой традиции персидско-таджикской классики.

К XIII в. сложились образные каноны, которые предписывали возлюбленной быть румяной (как огонь, тюльпан или рубин), белокожей, как серебро и камфара, круглолицей, как полная луна. «Ее стан уподоблялся кипарису, локоны – цепям, а ресницы – пронзающим стрелам. Она изящная, но злонравная, цветущая, но с каменным сердцем, немилосердная и покровительствующая скорби» [148]. Она прекрасна, но и жестока.

Герой газелей характеризуется определенными и противоположными признаками – он, «...отдавший сердце, согбенный, рыдающий, потерявший рассудок, с сердцем раненым, обливающимся кровью, плененным локонами, заблудившимся, с телом, покинутым душой» [148]. Эти перечисления показывают, что образы газели Саади «Караван» связаны с репертуаром мотивов любовных газелей.

Муслихиддин Саади, являющийся «ученым» поэтом, получил арабское (исламское) образование, знаток Священной книги Корана. «Не только его прославленные дидактические сочинения, но и вся лирика содержит как

⁸⁰ Уходит, доходят, выходит, сходят.

прямые цитаты из Корана и хадисов о жизни Мухаммада, так и бесчисленные, зачастую глубоко скрытые коранические аллюзии, понятные лишь посвященным». Этот коранический «фундамент», проявляется в элементах мусульманской культуры, и отразился также и в газели Саади Ширази «Караван». Саади был прославленным суфийским шейхом. «Его перу принадлежат и теоретические сочинения, и лирические суфийские стихи» [148].

Прежде чем дать комментарии к газели, Чалисова указала, что опорой «составляет, с одной стороны, существенная для средневекового мусульманского сознания оппозиция батин («сокрытый») – захир («явленный»), заставляющая видеть в каждой вещи лишь пелену, скрывающую истинный образ, в нашем случае речь идет о каноническом словесном знаке-тексте с зашифрованным через истилахат и их соположение смыслом, обращенным в конечном итоге к Книге и Высшей Реальности» [148]. С другой стороны, ее исследование учитывает укоренившиеся «в иранском литературном самосознании представления об «интертекстуальном» характере всякого настоящего поэтического произведения, являющегося итогом развития традиции» [148].

Филологический комментарий Н.Ю. Чалисовой:

Бейт 1. «О погонщик каравана, замедли шаг, ведь это покой моей души уходит, // и сердце, что было моим, с пленившей его уходит» [148].

Российский исследователь указал на сохранение традиций. Зачин отзывается предыдущими столетиями. Эти слова наделены культурно-поэтической памятью. Караван – тема значимая для персоязычной поэзии. Саади (XIII в.) напоминает о строках Муиззи (ум. в 1123 или 1127 г.), столетием раньше сложил свой «Караван» Манучихри (ум. в 1040 г.). И все эти три «Каравана» – о печальной истории любви.

В XI в. современником Манучихри, поэтом-панегиристом Фаррухи, был написан еще один «Караван». «Так что караван – это не только метафора

разлуки, но и метафора истинной поэзии, шелк в стихотворении (хуллэ) означает тонкую полосатую материю; при этом полосы ассоциируются с бейтами, начертанными на листе бумаги» [148].

Конкретизировала Н.Ю. Чалисова и значение «погонщика каравана». «Сарибан, человек, ведущий караван по пустыне, имеет закрепленное в суфийских словарях толкование... Сарибаном именуют проводника и водителя на пути к Истине» [148]. Через «погонщика» подключается газель к суфийской мистической поэзии. В этом случае «джан-душа» и «дил-сердце» (ключевые слова первого и второго полустиший) воспринимаются как «разумная душа, носитель умопостигаемых знаний, и сердце, атрибут Полноты Совершенства, носитель Красоты и Могущества». И как считает Чалисова, остается выбирать любой из «ключей» для анализа газели, но ее богатство состоит в больших вариациях интерпретаций. «О какой бы любви ни шла речь – мужчины к женщине, мистика к Истине, поэта к своему созданию, эта газель поет о Любви, уравнивающей сердце и душу, дарящей или отнимающей жизнь» [148].

Далее рассуждает российский исследователь, бейт 1 газели говорит об уходе покоя из души и о сердце, попавшем в плен. «Но «арам-и джанам миравад» содержит намек на «тему безумия», покой из души уходит в персоязычной поэзии нередко вместе с хуш – рассудком» [148].

Эпитет «диларам – успокаивающая сердце» в сочетании к возлюбленной относится к числу канонических в персидско-таджикской лирике: «Уходя, возлюбленная закономерно уносит с собой то, что дарила своим присутствием» [148].

Бейт 2. «Я остался, покинутый ею, несчастный и страждущий из-за нее, // словно бы и далеко от нее острия (ее взглядов) до костей моих доходят» [148].

Глагол «манда-ам – остался, второе значение – остался в живых. Лирический герой жив, но болен, ранен, осталась зияющая, кровоточащая рана.

Необходима и расшифровка, по мнению ученого, «острия взглядов», доходящих до самых костей. Возлюбленная, согласно канону любовной газели, вооружена и опасна. Она требует за возможность видеть ее за сердце, а за поцелуй – жизнь. «Острия ее ресниц – это стрелы, способные убивать, а острие взгляда, которым она награждает влюбленного, традиционно сравнивается с разящим мечом Али» [148]. Значение: от острия взгляда, разящего на расстоянии, пронизывающего до костей, начинается процесс умирания, герой теряет волю к жизни.

Бейт 3. «Сказал себе: хитростью и колдовством я скрою внутреннюю рану. // Но не скрыть ее, ведь кровь через мой порог уходит» [148].

Ориенталист поясняет значение и смысловую нагрузку бейта. Герой, согласно традиции, плачет кровавыми слезами. Так поэтически обосновал автор появления в бейте крови.

Бейт 4. «Задержи паланкин, о погонщик, не торопи караван, // ведь из-за любви к тому уходящему кипарису от меня будто жизнь уходит» [148].

В этом бейте, говорит исследователь, продолжается тема гибели героя. Раван («жизнь») может являться причастием от глагола рафтан («уходить» – редиф всей газели). Сарв-и раван – «движущийся кипарис», означает возлюбленную, которая уезжает. И во втором значении причастия – «плавный, текущий, проточный». Возлюбленная, мерно покачиваясь, уезжает. Созвучно тахт-и раван, что означает – закрытые носилки, паланкин. Сарв-и раван– это кипарис, наделенный жизнью.

В результате образная система преподносится: «возлюбленная, наделенный жизнью кипарис, уезжает, удаляется от меня, мерно покачиваясь в паланкине, и с ее караваном уходит моя жизненная сила» [148].

Бейт 5. «Она удаляется все быстрее, я пью яд одиночества. // Не спрашивай больше о моих приметах (нишан), ибо примета сердца моего уходит» [148].

Караванщик безучастен просьбам, возлюбленная покидает, жизнь героя подтачивается не только раной в груди, но и отравой одиночества. Возлюбленная, согласно сложившейся традиции, наделена эпитетами – противоядия. «Она подобна целебному напитку, ее уста сладки, зубы – сахар, речь сладка, как сахар» [148].

В 5 бейте – возлюбленная удаляется и уносит сладости мира и целебный напиток. Лирическому герою остается познать горечь яда, без надежды на исцеление.

В бейте употреблено слово нисан (знак, метка, признак, примета, мишень), термин в философии суфизма означающий знак в мире, реальный, чувственно постигаемый знак Высшего бытия.

Бейт 6. «Отвернулась от меня надменная подруга, оставила мне не жизнь, а муку. // Я полыхаю, словно жаровня, и дым [скорби] из головы моей выходит» [148].

Герой отравлен и сгорает, и можем комментировать долго. Караван ушел, а лирический герой (= покинутая стоянка) остался, и его сжигает огонь (=огонь костра). «Герой сгорает от любви, он полон огня (кстати, огонь еще и символ лица красавицы), и над головой его, естественно, клубится дым скорби (духан)» [148]. Поэт употребил слова для «обозначающего особенные виды дыма, чтобы изобразить горение такой субстанции, как человеческая душа».

Кораническая параллель для `эйш (в подстрочнике «не жизнь, а муку»). «Суфийское значение `эйш – покой сердца, созерцающего Красоту Истины без утруждения мыслей и разнообразных помышлений, – лишь укрепляет антонимию, `эйш-и нахваш – нарушенный покой сердца, лишённого созерцания Истины (ведь покой ушел из сердца героя еще в бейте 1)» [148].

Бейт 7. «Пусть она несправедлива, пусть нарушила клятву, // воспоминания (йад) о ней я храню в груди, и они с языка моего сходят» [148].

Бейт, рассуждает Чалисова, привносит оптимизм и прерывает развитие темы гибели героя. «Слово `ахд – клятва, обещание, которое вероломная возлюбленная всегда нарушает, – имеет в культуре ислама еще и изначальный, коранический смысл» [148]. «Воспоминание» (йад авордан) на языке мистиков означал понимание, проистекающее из общности мгновенного мистического постижения и предшествующего знакомства с Предвечным, а «язык» (забан) – это поступки человека.

Бейт 8. «Вернись, утешь мой взор, о нежная, пленившая сердце, // ведь смятенье мое и плач с земли под небеса уходят» [148].

Смысл бейта прост – надежда на возвращение любимой, что связано с оптимистическим звучанием.

Чалисова дает суфийское прочтение бейтов. «Надменная» из 6 бейта, отнесена не к взыскующему Истины, а к возлюбленной. «Амадан («приходить», в бейте – баз ай – «приди, вернись») – так называют возвращение путника после соединения (с Божеством) на ступень человеческого мира, а также нисхождение знака (сурат) из божественных сфер» [148]. Поскольку знак (сурат) является в суфийских контекстах полным синонимом нишан, то это возвращает нас к 5 бейту, в котором у героя уходит «знаковость», здесь он зовет нишан – мирской знак божественного – вернуться. «Выражение бар чашм-ам нэишн (в литературном переводе «утешь мой взор») буквально означает «сядь на мои глаза». Глаз (чашм) – это степень ясности видения и прозорливости идущего по Пути, зависящая от творимых им добрых или злых дел, а нэишин («сядь») – это пожелание путнику покоя душевного, свободы от смутительных и рассеянных мыслей на пути к Богу» [148].

Комментируя газель в метафизическом ключе, Чалисова в бейтах 1-8 замечает «обратное распределение» суфийских символов: влюбленный и

возлюбленная меняются характеристиками. В этой перестановке можно увидеть стремление поэта показать, что противоречия между миром божественного и человеческого существуют только в плане физического бытия, а на более высоких ступенях исчезают.

Бейт 9. «Всю ночь до утра я не сплю, ничьих советов не слушаю, // своим путем бреду без цели, ибо поводья из рук моих уходят» [148].

При суфийском прочтении замечаем: глагол «гунудан – спать, покоиться» – толкуется «не ведать о тайнах мира значений», а «шаб – ночь» – в значении символа духовной слепоты.

Конечная интерпретация бейта: «я не мирюсь со своей слепотой, я прозреваю» или «хотя цель моя скрыта во мраке, а сам я растерян, я все же иду по Пути» [148].

«Поводья (энан) из рук моих уходят» – связано с темой любовного безумия (Маджнун сошел с ума из-за любви к Лейли, «выпустил из рук поводья воли и скитается по пустыне»). В 1 бейте звучала это: говорится, что из души героя ушел покой (арам). Чалисова напоминает: «Поводья в персидской поэзии – традиционный символ владения собой, своей судьбой».

Бейт 10. «Сказал себе: зарыдать бы, да так, чтобы верблюд, подобно ослу, увяз в глине. // Но и того не смогу, ведь сердце мое с караваном уходит» [148].

Бейт возобновил тему гибели, говорится в работе исследователя. «Застрял, как осел, в глине» в смысле остановки дела или в значении неловкой ситуации. Саади соединил презренного осла и важного верблюда, корабля пустыни (указано в оригинале высокое – ибил, которые пасутся на райских лужайках. Слезы героя иссякли (в бейте 3: слезы лились и выдавали душевную рану), нет возможности задержать караван.

Бейт 11. «Терпение до встречи с подругой, отступничество владычицы сердца // – хоть и не по мне эта доля, но дела мои хуже того выходят» [148].

Возложить на сердце камень терпения не может герой Саади – «нет больше сердца, и вслед за возможностью плакать утрачивается и способность терпеть».

«Терпение» (сабр) в суфизме – «способность сердца (что существенно для данного понимания бейта) выносить страдания и тяготы, которые выпадают на долю взыскующего Истины, идущего по Пути». «Встреча» (висал) имеет значение «достижения ступени единения и степени единства и близости к Божеству», а «владычица сердца» (дилдар) перекликается с дилдари– «атрибутом великодушия Преславного Бога, который промыслил в сердце влюбленного жар сияния любви» [148].

Бейт 12. «Каких только слов не говорят о том, как душа покидает тело. // Я же видел воочию, как моя душа уходит» [148].

Этот бейт ключевой в газели, сказано в статье Н.Ю. Чалисовой, он объясняет, раскрывает глубину и силу чувства героя. Завершается тема газели: «герой погибает, его душа уходит с караваном, оставляя лишь безжизненное тело. Душа уходит вслед за сердцем, и тогда еще при жизни наступает смерть» [148].

Суфийские толкования терминов «душа» и «глаз», «слова» (сухан), дидэ («видящее», «око») от глагола дидан («видеть») дают возможность для метафизических толкований.

Бейт 13. «[Ты скажешь]: «Саади, тебе не подобает стенать из-за нас». О неверная! // Я не перенесу жестокости. Что стоны рядом с моей участью!» [148].

Возлюбленная упрекает героя (или герой ожидает упреков) в оскорбительном поведении. «Он позволил себе непростительную слабость – издал стон, т. е. произнес все предыдущие, жалобные бейты газели, его душа «пела и плакала», уходя в плен» [148]. Лирический герой оправдывается: стон последний, предсмертный, прозвучал, когда уходила душа из брэнного тела. «Образно-поэтические связи последнего бейта поднимают

возлюбленную на недостижимую высоту» [148]. Стон (фиган) проявление сокровенных тайн и обнаружение внутреннего состояния. Конечная мысль газели: «Я не перенесу, не в силах перенести жестокость» – это последнее переживание лирического героя. «Жестокость» (джафа) суфийское толкование: лишение сердца путника возможности созерцать Красоту ради испытания его.

Таким предстал в работе Чалисовой разбор газели, причем не в одной целостной интерпретации. Главная задача возможность продемонстрировать образно-семантическую перспективу газели. Прочтение стихотворения становится «поиск богатейшей палитры смыслов, весь опыт проникновения в текст (однако способность востоковедов «плавать на глубине» в большой степени определяется наряду с общей эрудицией и наличием частотных словарей по отдельным поэтам, конкордансов, тезаурусов, симфоний – всего того, чем иранистика практически пока не располагает)» [148].

Подстрочник Н.Ю. Чалисовой газели Саади Ширази «Эй, сорбон охиста рон, ороми чо нам меравад» решили сопоставить с переводами К. Липскерова и Темура Варки (примечание 8).

Приведем строки оригинала газели Саади:

1. «Эй сорбон, охиста рон, к-ороми чо нам меравад,
В-он дил, ки бо худ доштам, бо дилситонам меравад.
2. Ман мондаам махчур аз ӯ, бечораву ранчур аз ӯ,
Гуйи, ки неше дур аз ӯ, дар устухонам меравад.
3. Гуфтам ба найрангу фусун пинхон кунам рози дарун,
Пинхон намемонад, ки хун бар остонам меравад.
4. Махмил бидор, эй сорбон, тундӣ макун бо корвон,
К-аз ишқи он сарви равон, гӯйи равонам меравад.
5. Ӯ меравад доманкашон, ман захри танҳой чашон,
Дигар мапурс аз ман нишон, к-аз дил нишонам меравад.
6. Баргашт ёри саркашам, бигзошт айши нохушам,

Чун маҷмаре пуроташам, к-аз сар духонам меравад.

7. Бо он ҳама бедоди ӯ, в-ин аҳди бибунъеди ӯ,

Дар сина дорам ёди ӯ, ё бар забонам меравад.

8. Боз ою дар чашмам нишин, эй дилситони нозанин,

К-ошӯбу фаръед аз замин бар осмонам меравад.

9. Шаб то саҳар менағнавам, в-андарзи кас менашнавам,

В-ин раҳ на қосид меравам, к-аз каф инонам меравад.

10. Гуфтам: бигирьям, то ибил чун хар фурӯ монад ба гил,

В-ин низ натвонам, ки дил бо корвонам меравад.

11. Сабр аз висоли ёри ман, баргаштан аз дилдори ман,

Гарчи набошад кори ман, ҳам кор аз онам меравад.

12. Дар рафтани чон аз бадан гӯянд ҳар навъе сухан,

Ман худ ба чашми хештан дидам, ки чоном меравад.

13. Саъдӣ, фиғон аз дасти мо, лоиқ набуд, эй бевафо,

Тоқат намеорам чафо, кор аз фиғонам меравад» [37, с. 164].

Художественный перевод К. Липскерова содержит 6 бейтов:

1. «О караванщик, сдержи верблюдов! Покой мой сладкий, мой сон
уходит.

Вот это сердце за той, что скрутит любое сердце, в полон уходит»

[7, с. 366].

В 1 бейте Липскеров «сорбон» перевел караванщиком; если в подстрочнике Чалисовой «замедли шаг», то в художественном переводе – «сдержи верблюдов», что по сути означает останови верблюдов. Также отметим различие: «покой души» – «сладкий покой и сон». Изменение фраз, но сохраненное значение: плененное сердце уходит (сохранено «пленившей» и «полон»). Переводчик сохранил при переводе редиф «меравад» – уходит.

2. «Уходит злая, кого люблю я, мне оставляя одно пыланье.

И полыхаю я, словно пламень, и к тучам в дымах мой стон уходит»

[7, с. 366].

Пропущены у К. Липскерова бейты 2-5 оригинала. Второй бейт близок по содержанию к 6 бейту подстрочника. У Чалисовой: отвернулась надменная подруга и оставила муку, в переводе Липскерова: уходя злая, оставила пыланье. Слово злая никак не вяжется с чувствами лирического героя. В подстрочнике: дым (скорби) из головы выходит; в художественном переводе: в дымах мой стон уходит. Правильнее было сказать – чадя, мой стон уходит. Огонь чувств у Липскерова усилено повтором – «оставляя одно полыханье, и полыхаю я, словно пламень»

3. «Я о строптивой все помнить буду, покуда буду владеть речью,
Хоть слово – вестник ее неверный, едва придет он и вон уходит»

[7, с. 366].

Бейт 3 перевода соответствует 7 бейту подстрочника. По Чалисовой: пусть она несправедлива и нарушала клятву, но я воспоминания о ней храню в груди и они с языка моего сходят. У Липскерова первая строка передает полностью содержание бейта подстрочника: строптивую буду помнить, пока владею речью. И добавил во вторую строку: «слово – вестник ее неверный, едва придет он и вон уходит». Известия о ней, нарушившей клятву, придут и уйдут. Липскеров попытался включить в бейт смысл «вестник неверный» из подстрочника «нарушившей клятву».

Переводчик не учел, на наш взгляд, что Саади никогда бы не позволил себе такого дежурного оборота речи как «вон уходит»; это слишком грубо для поэта-суфия.

4. «Приди, – и снова тебе, прекрасной тебе, всевластной служить
я стану.

Ведь крик мой страстный в просторы неба, себе не зная препон,

уходит» [7, с. 366].

Бейт 8 подстрочника соответствует 4 бейту художественного перевода. Призыв: вернись, утешь нежная и пленившая сердце – в подстрочнике Чалисовой у Липскерова звучит по иному: приди и тебе прекрасной служить

я стану. Как хорошо видно разница в вариациях передачи содержания: «утешь» и «служить я стану». Вторая строка бейта в подстрочном переводе: смятение и плач с земли под небеса уходят. Липскеров перевел – крик мой страстный в просторы неба уходит. Опять же произвольный подбор: «смятение и плач» – «крик страстный».

5. «О том, как души бросают смертных, об этом люди толкуют
разно.

Я ж видел душу свою воочью: она, – о, горький урон! – уходит»
[7, с. 366].

Бейт 5 перевода Липскерова соответствует 12 бейту подстрочника (бейты 9-11 пропущены). В подстрочнике: души покидают тело, я видел воочью, как уходит моя душа; подобрано соответственное по смыслу Липскеровым: души бросают смертных, я видел душу воочью: о, горький урон – уходит (добавлено – о, горький урон).

6. «Не должен стоном стонать Саади, – но все ж неверной кричу я:
«Злая!»

Найду ль терпенье! Ведь из рассудка благоразумья канон уходит!»
[7, с. 366]

Бейт 6 художественного перевода К. Липскерова соответствует бейту 13 бейту подстрочного перевода Чалисовой. Последняя мысль лирического героя газели: «Саади, не подобает стонать из-за нас», неверная я не перенесу жестокости, что мои стоны рядом с моей участью. Чалисова отметила возможный упрек и обращение, чего нет в художественном переводе. Липскеров перевел: не должен стонать Саади, и неверной кричу – злая, найду ли терпения. Обратим внимание: сохранено «неверная»; но «неверная, не перенесу жестокости» и «злая, найду ли терпения». «Чафо» оригинала Чалисовой определено жестокость, а Липскерова подтолкнуло добавить – «из рассудка благоразумия канон уходит».

Можно увидеть расхождения при переводе и передачи смыслового содержания, хотя можно заметить следование общего плана газели Саади.

Подобные сопоставления интересны с точки зрения изучения проблем вариативности перевода и можно было бы рассмотреть работы Цецилии Бону. Но мы решили остановиться на художественном переводе Темура Варки, сделанного с оригинала (который явился основой перевода⁸¹ Дмитриевой С.) и рассмотреть возможные образно-смысловые оттенки:

1. «Эй, караванщик, не спеши! То мой покой уходит.

Та, в ком не чаял я души, моей душой уходит» [136].

Сопоставление с подстрочным переводом Чалисовой показывает сохранение редифа «меравад» – уходит. Т. Варки оставил и фразу «покой уходит», но «плененное сердце» заменил на чаяние души. Осмелимся сказать, что Варки в погоне за художественностью, упустил важный ключевой оборот «то сердце, что в себе носил, с похитившей его уходит». Чалисова сохранила это в своем подстрочном переводе.

2. «Как тень, что брошена, брожу; губами, словно лист, дрожу. –

Как будто молния в грозу в меня иглой уходит» [136].

Покинутый лирический герой Чалисовой несчастный и страждущий, острие ее взгляда издали до костей доходят, что Варки значительно изменил: герой у него бродит, как брошенная тень, переводчик губы дрожащие сравнил с листвой. Вторая часть бейта, внося совершенно другое значение, острие взгляда представляется иглой, как будто молния в грозу.

3. «Скрывал напрасно, – делал вид, что весел, светел, деловит.

Но сокровенное кровит, в зазор дверной уходит» [136].

Чалисова бейт 3 перевела следующим образом: хитростью и колдовством скрою рану души, но не скрыть ее, и кровь уходит через порог; у Т. Варки свое видение: делая вид, что весел и светел, напрасно скрывал –

⁸¹ Смотреть примечание.

сокровенное кровит, и в дневной зазор уходит. Первая часть бейтов имеет общее – попытка лирического героя «скрыть» свои чувства. Здесь также отсебятина и зазор не передает того значения, который имеет порог.

4. «Эй, караванщик, мягче шаг! Там дремлет хрупкая душа,
Тут потрясённый, не дыша, мой дух больной уходит» [136].

Напомним бейт 4 подстрочника: задержи паланкин, погонщик, не торопи караван, из-за любви к уходящему кипарису жизнь уходит. Обратим внимание: «паланкин» и «кипарис» в художественном переводе отсутствуют. – введено «хрупкая душа». «Задержи» изменено на «мягче шаг».

5. «Там ветер полами смущён, тут яд разлукой замещён.
Искать ли станешь: «Где же он?» – С тропы слепой уходит»
[136].

Сильное расхождение в бейтах 5. Она удалилась и я пью яд одиночества в подстрочном переводе; в художественном переводе – «ветер полами смущен», «яд разлукой замещен». На задавай вопроса о примете, примета сердца уходит второй части бейта изменено на поиск и вопрос: где он – слепой сходит с тропы. В переводе Т.Варки вопрос задает возлюбленная, в поисках любимого, но он сошел с тропы, как слепой. Так «потеря приметы» предстала «слепотой».

6. «Но как не бредить встречей с той, чей колдовской пьянит
настой? Как в той курильнице – густой дым головой уходит»
[136].

Укажем содержание бейта 6 по Чалисовой: отвернулась надменная подруга, оставила муку, я полыхаю, и дым скорби из головы выходит. Опять же иная интерпретация Варки: мой бред о встречи с возлюбленной, ее колдовской настой пьянит. Чалисова: «Надменная подруга» «оставила муку», и Варки: надежда на встречу, пьянящий колдовской настой. «Полыханье героя» отсутствует, жаровня заменена на курильницу.

Изменения по смыслу: по подстрочнику: «Дым скорби из головы выходит», и художественный перевод: «густой дым головой уходит».

7. «Пусть ты жестока на беду и нрав твой крут, я на виду
Несу в груди или в бреду, что твой разбой уходит» [136].

По-другому звучит и бейт 7: в первой части – несправедливая и нарушившая клятву стала у Т. Варки жестокая и с крутым нравом; во второй части бейта: воспоминания, хранящиеся в груди, сходят с языка предстали в художественном переводе – «я на виду несу в груди или в бреду, что твой разбой уходит». Варки сохранил «груди», но добавил «бред» и «разбой».

8. «Вернись, предстань же наяву, – свою желанную зову.
Призыв мятежный в синеву мой над землей уходит» [136].

В бейте 8 призыв вернуться. У Чалисовой: утешь, о нежная, пленившая сердце, смятение мое и плач под небеса уходит; у Варки: предстань наяву желанная, призыв мой в синеву уходит.

9. «Ночами маюсь, голова не чтит досужие слова,
Когда утрачена канва, – путь по кривой уходит» [136].

Первая часть бейта сохраняет значение: ночами не сплю, на слушаю советы; вторая часть изменено содержание – «бреду без цели, поводья из рук уходят», звучит «утрачена канва, путь по кривой уходит». Цель и поводья потеряны стали канва и кривой путь.

10. «Молил в слезах я: пусть верблюд устанет и вернёт сосуд. –
Но даже этот тщетный труд за ней родной уходит» [136].

В подстрочном переводе: зарыдал бы так, чтобы верблюд увяз, но не могу; в художественном переводе – молил пусть верблюд устанет, но этот тщетный труд уходит. Варки пропустил сравнение с ослом, но добавил сосуд.

11. «Я жил мечтой о встрече с ней, не спал ночей, не помнил дней.
И жизнь, что нестерпима мне, махнув рукой, уходит» [136].

В бейте 11 «терпение до встречи» с возлюбленной и «отступничество

владычицы сердца» предстали «мечтой о встрече», бессонными ночами и потерянными днями; «не по мне эта доля, но дела мои хуже» у Варки нетерпимая ко мне жизнь уходит.

12. «Я слышал много разных слов, как души покидают кров.

Теперь я вижу меж миров, как жизнь струёй уходит» [136].

В бейте 12 ряд слов (говорят, тело, воочию, душа) заменено другими (слышал, души, вижу меж миров, струя жизни), смысловое значение совпадает.

13. «Плачь и рыдай же, Саади! Нестоек ты, похвал не жди!

Тех, кто не терпит боль в груди, не терпит боль, уходит» [136].

Напомним первую часть бейта 13 в подстрочном переводе: обращение к Саади – не подобает стенать, упрек лирического героя – о, неверная. В художественном переводе: плачь и рыдай, Саади, нет стойкости и не будет похвал. Вторая часть по Чалисовой: не могу перенести жестокости, что стоны по сравнению с моей участью; в художественном переводе Т. Варки: тех, кто не терпит боль груди, боль не терпит и уходит. В художественном переводе изменение звучание предложения, часть содержания подстрочного пропущена, но введены другое содержание и игра слов.

Как становится очевидным, при художественном переводе персидско-таджикской поэзии на русский язык наблюдаются вариации одного и того же произведения. Причин этого явления много. Первая причина обусловлена подготовленностью переводчика и его субъективный выбор аналогий на русском языке. Вторая причина связана с уровнем соответствия подстрочного перевода оригиналу, на основе которого делался художественный перевод⁸² (опять же сказывается роль переводчика).

⁸² Примером художественного перевода через подстрочник является - перевод с персидского Рустама Алиева и художественный перевод Анатолия Старостина. Знания персидского языка позволяли переводить на русский К. Липскерову и В. Державину.

И мы приходим, исходя из взглядов В.А. Жуковского: переводчик в прозе раб, а переводчик в лирическом произведении соперник, то есть к пониманию творческого акта перевода произведений Саади Ширази на русский язык. «А художественный перевод – именно творческий акт, так как результат его – создание новой художественной ценности на другом языке, с которым перевод связан органически и – что самое главное – отмечен творческой индивидуальностью своего создателя» [60, с. 106]. Творческой индивидуальность рассмотрена в работе Е.В. Гарусовой «Интерпретативные позиции переводчика как причина вариативности перевода». В своей работе российский ученый вариативность перевода рассматривает как следствие переводческих позиций. «Вариативность перевода в этом отношении может быть обусловлена двумя основными причинами: 1) различиями в интерпретации и понимании смыслов оригинала переводчиком; 2) явленной и осознанной переводческой позицией, когда переводчик намеренно изменяет, добавляет или опускает какие-либо смыслы» [59, с. 9].

Отметим, что переводчики придерживались ряда позиций. Ориентирование на передающую культуру, что подразумевает обогащение принимающей стороны персидским содержанием и способами выражения. Ориентация на принимающую культуру – это перевод текста восточного мира как сейчас, осовременивание текста.

Переводчик переводит так, чтоб перевод звучал так как будто оригинал написан здесь и сейчас. Сравнения продемонстрировали смысловую девиацию (наращивание и добавление смысла или сокращение).

2.5. Особенности сохранения ритмизованной прозы и стихотворного размера персидско-таджикской литературы при переводах на русский язык (на примере «Бустана» и «Гулистана» Саади Ширази)

В исследованиях по вопросам перевода персидско-таджикской классики на русский язык не уделялось должного внимания вопросу особенностям

сохранения ритмизованной прозы и стихотворного размера персидско-таджикской литературы. Это обстоятельство подтолкнуло рассмотреть данную проблему на материале «Бустана» и «Гулистана» Саади Ширази.

О рифмованной прозе в «Гулистан»-е Саади говорится Р. Алиевым в предисловии к произведению: «Книга написана в форме «садж», то есть прозой со включением рифмованных кусков, – одной из трех классических форм прозы» [41, с. 21].

В Толковом словаре литературоведческих терминов⁸³ мы находим определение термину. Сачъ – (ар. – голоса сладкозвучных птиц, таких как соловей, горлица, канарейка и т.д.) – обозначает применение в конце отдельных предложений или словосочетаний таких слов, которые полностью или несколькими буквами и слогами являются одинаковыми по форме и звучанию. В этом смысле садж имеет сходство с рифмой, но отличие состоит все же в том, что рифма используется в поэзии, а садж – в прозе.

В классической науке художества указаны три разновидности садж:

Параллельный садж – применение в конце словосочетаний или предложений таких слов, которые близки по звучанию и форме (количество слогов и букв в них), например, назар – шакар, махчурй - махмурй, гул – мул.

Разносторонний садж - применение в конце словосочетаний или предложений таких слов, которые отличаются по форме (количеству букв), но схожи по звучанию. Например, ёр – ағёр, буд – вучуд.

Проза, написанная этими двумя видами искусства садж, называется *настри мусаччаъ* – *благозвучная проза*.

Параллельный (или нейтральный) садж - применение в конце словосочетаний или предложений слов с одинаковым звучанием, но

⁸³ Ходизода, Р., Шукуров, М., Абдучабборов, Т. Луғати истилохоти адабиётшиносӣ / Р. Ходизода, М. Шукуров, Т. Абдучабборов. – Душанбе: Ирфон, 1964. –183 с.

различной формой. К примеру, маротиб – маросим, таҳрир – таҳдид. Проза написанная с помощью параллельного садж, называется *насри мураҷҷаз*⁸⁴.

Насри мусаччаъ (благозвучная проза) – проза, в которой есть благозвучие, то есть его отдельные части и предложения связаны между собой с помощью определённой мелодики, ударения и рифмы.

Насри мусаччаъ очень активно использовалась в классической литературе, то есть в произведениях художественной прозы, а также в исторических произведениях. Можно сказать, что *насри мусаччаъ* является одним из основных условий и единственным методом литературной прозы нашей классической литературы.

Насри мусаччаъ имела множество способов и правил, в соответствии с которыми ей давались различные названия. Наиболее сложный вид *насри мусаччаъ* состоял в том, что помимо окончаний части предложения или самого предложения внутри него можно было рифмовать также и отдельные слова этих фрагментов.

Для выяснения степени сохранения рифмованной прозы рассмотрим⁸⁵ варианты переводов «Гулистана». Оригинальные строки из «Гулистана» (боби аввал «Дар сирати подшоҳон»):

⁸⁴ Насри мусаччаъ – насрест, ки сачъ дорад, яъне қисмҳо ё ҷумлаҳои ҷудоғонаи он байни ҳам бо оҳангу задаи муайян ва қофия пайваст шудаанд.

Насри мусаччаъ дар адабинети классикӣ, яъне дар асарҳои насри адаби, инчунин дар китобҳои таърихӣ ниҳоят бисёр кор фармуда мешуд. Гуфтан мумкин аст, ки насри мусаччаъ яке аз шартҳои асосӣ ва усули яғнае насри адабии классикии мо буд.

Насри мусаччаъ тарзу қоидаҳои бисёре дошт ва мувофиқи ҳамин тарзу қоида ба он номҳои гуногун низ дода шуда буд. Мураккабтарин намуди насри мусаччаъ он буд, ки ғайр аз охири қисмҳои ҷумла ё ҳуди ҷумла, боз калимаҳои дохили ҷумларо низ бо ҳам қофия мебастанд [124, с. 69].

⁸⁵ Консультация и перевод таджикского текста – доценты РТСУ Аминов А.С. и Раджабова Р.Р.

«Ду бародар, яке хидмати султон кардӣ ва дигаре бо зӯри бозу нон хӯрдӣ. Боре тавонгар гуфт дарвешро, ки: Чаро хидмат накунӣ, то аз машаққати кор кардан бираҳӣ?

Гуфт:

– Ту чаро кор накунӣ, то аз мазаллати хидмат раҳой ебӣ, ки хирадмандон гуфтаанд: «Нони худ хӯрдану нишастан беҳ, ки камари заррин ба хидмат бастан».

Ба даст оҳаки тафта кардан хамир

Беҳ, аз даст бар сина пеши амир.

* *

Умри гаронмоя дар ин сарф шуд,

То чӣ хурам сайфу чӣ пӯшам шито.

Эй шиками хира, ба ноне бисоз,

То накунӣ пушт ба хидмат дуто» [34, с. 53].

В прозаическом тексте рифмуются слова – кардӣ, хӯрдӣ; накунӣ, бираҳӣ; нишастан, бастан.

Этот отрывок из «Гулистана» в переводе К. Липскерова:

«Было два брата: один служил царю, а другой зарабатывал хлеб трудами рук своих. Как-то вельможа бедняку сказал: «Почему не поступишь ты на царскую службу, дабы освободиться от тяжких трудов?» – «Почему ты не трудишься, – ответил бедняк, – дабы избавиться от унижений раболепства? Ведь мудрецы сказали: «Лучше есть хлеб сидя, чем опоясаться золотым поясом и стоять, прислуживая другому».

Лучше горячую известь размешивать голой рукой,

Чем, преклоняясь пред эмиром, стоять бессловесным слугой.

* *

Жизнь дорогая в заботах проходит:

«Чем пропитаться? Что надевать?»

Глупое брюхо, довольствуйся хлебом, –

Спину позорно пред высшим сгибать!» [30, с. 356]

При переводе К. Липскеров сохранил смысловое значение оригинала, но не передал благозвучие рифмованной прозы. В своем варианте подстрочного перевода мы попытались сохранить особенности ритмизированного прозаического текста оригинала.

Было два брата: один царю служил, другой трудами рук своих жил. Как-то вельможа сказал бедняку: «Почему бы тебе на царскую службу не поступить, дабы себя от тяжких трудов освободить?» – «Почему бы тебе не трудиться, – ответил бедняк, – дабы от унижений раболепства избавиться? Ведь мудрецы сказали: «Лучше свой хлеб насущный есть, чем прислуживая другому золотой пояс надеть».

Лучше горячую известь месить рукой,
Нежели как раб пред эмиром стоять с согбенной спиной.

* *

Жизнь дорогая проходит заботах:

«Чем кормиться? Что надевать?»

Глупое брюхо, довольствуйся хлебом сухим, –

Чтоб спину позорно пред господином не сгибать!»

Объединение текста – служил, жил; поступить, освободить; трудиться, избавиться; есть, надеть – попытка сохранения разностороннего саджа.

Рассказ 36 из первой главы «О жизни царей» «Гулистана» Саади в переводе Р. Алиева и А. Старостина:

«Жили два брата. Один служил у султана, а другой добывал хлеб трудом своих рук. Однажды сказал богатый бедному:

– Почему бы тебе не поступить тоже к султану, чтобы избавиться от непосильного труда?

Тот ответил:

– А почему бы тебе не начать трудиться неустанно, чтобы избавиться от унижения службы султана? Ведь и мудрецы говорят: «Есть свой хлеб и спокойно сидеть лучше, чем золотой пояс службы надеть!»

Ты лучше горячую известь мешай обнаженной рукой,
Но, руки скрестив пред эмиром, ему услужая, не стой.

* *

Ты жизнь дорогую проводишь в заботе –
«Что летом мне есть, что надеть мне зимою?»
О глупое чрево! Хоть коркой питайся,
Но спину не гни перед властью земною...» [32, с. 92-93]

В переводе Р. Алиева и А. Старостина также отсутствует применение слов близких по звучанию. Но если присмотреться к тексту, то легко можно увидеть возможность приблизиться к рифмовке прозаического текста. Как пример, часть прозаического текста можно передать так: А почему бы тебе не начать неустанно трудиться, чтобы от унижения службы султана избавиться? Ведь и мудрецы говорят: «Свой хлеб есть и лучше спокойно сидеть, чем золотой пояс службы надеть!»

Интересно и следующее сравнение. В оригинале у Саади («Гулистон», боби дуум «Дар ахлоқи дарвешон»).

«Дар ҷомеъи Баълабак вақте калимае чанд ҳамегуфтам ба тариқи ваъз бо ҷамоате афсурдаи дилмурдаи, роҳ аз олами сурат ба олами маънӣ набурда. Дидам, ки нафасам дар намегирад ва оташам дар ҳезуми тар асар намекунад. Дареғ омадам тарбияти сутурону оинадорӣ дар маҳаллати кӯрон, валекин дари маънӣ боз буд ва силсилаи сухан дароз. Дар маънии ин оят, ки «Ва наҳну ақрабу илайҳи мин ҳаблилварид» (Мо ба ӯ аз рағи гардан ҳам наздиктарем). Сухан ба ҷое расонида, ки:

Дӯст наздиктар аз ман ба ман аст,
В-ин-т мушкил, ки ман аз вай дурам.
Чӣ кунам, бо кӣ тавон гуфт, ки дӯст

Дар канори ману ман махчурам.

Ман аз шароби ин сухан масту фузолаи қадах дар даст, ки равандае бар канори маҷлис гузар кард ва даври охир ба вай асар кард ва наърае чунон зад, ки дигарон ба мувофиқати ӯ дар хурӯш омаданд ва хомони маҷлис ба ҷӯш.
Гуфтам:

– Эй субҳоналлоҳ, дурони бохабар дар хузури наздикони бебасар дур.

Фаҳми сухан чун накунад мустамиъ,

Куввати табъ аз мутакаллим маҷӯй,

Фусҳати майдони иродат биёр,

То бизанад марди сухангӯй гӯй» [34, с. 64-65]

Эти строки «Гулистана» из главы второй «О нравах дервишей» в переводе Рустама Алиева и Анатолия Старостина:

«Однажды в соборной мечети города Баальбека я держал небольшую речь, что-то вроде проповеди, перед людьми изнуренными, с огрубевшими сердцами, неспособными переноситься душою из этого видимого мира в мир божественных тайн. Заметил я, что вдохновение мое ими не овладевает и огня в их сырых дровах не раздувает. Бесплезным показалось мне воспитывать ослов и держать зеркало в квартире слепцов. Однако ворота мыслей я уже распахнул, а цепь слов своих растянул до следующей суры корана: «Я ближе к нему, чем собственная сонная артерия!» И тогда я провозгласил:

Мой друг – он мне ближе, чем я себе,

Но странно, что я от него удален.

Как грустно мне – друга в объятьях держа,

От друга я сам все равно отлучен.

Даже я был опьянен вином этих слов, а чашу со сладкими их остатками еще держал в руках... в это время мимо нашего собрания проходил какой-то странник; мои последние слова подействовали на него, и он закричал так

громко, что вместе с ним подняли восторженный крик и другие. Все бестолковое собрание пришло в волнение.

– Слава богу, – воскликнул я, – далекие, но ведающие о боге, оказались здесь, а близкие, но лишенные внутреннего зрения – далека!

Коль слушатель речь не способен понять,

То можно ль держать вдохновенную речь?

Мы ждем доброй воли внимающих нам,

Желая сердца вдохновеньем зажечь» [32, с. 107-108]

Как видим в этом переводе Рустам Алиев и Анатолий Старостин постарались передать особенности ритмизованной прозы Саади. В оригинале «намегирад, намекунад; маънӣ боз, сухан дароз; гузар кард, асар кард; хурӯш, чӯш». В русском тексте: «не овладевает, не раздувает; ослов, слепцов; распахнул, растянул; далекие, близкие». Что показывает близость и сохранение рифмовки только в случае «намегирад, намекунад; маънӣ боз, сухан дароз» и «не овладевает, не раздувает; распахнул, растянул». Но в остальном переводчики предпочли свое видение прозаического текста: «гузар кард, асар кард; хурӯш, чӯш» и «ослов, слепцов; далекие, близкие».

Или другой пример «Гулистана»:

«Обидеро ҳикоят кунанд, ки шабе даҳ ман таом бихӯрдӣ ва то сахар хатме дар намоз бикардӣ. Соҳибдиле шуниду гуфт:

«Агар ними ноне бихӯрдӣ ва бихуфтӣ, бисёр аз ин фозилтар будӣ».

Андарун аз таом холӣ дор,

То дар ӯ нури маърифат бинӣ.

Тиҳӣ аз ҳикматӣ ба иллоти он,

Ки пурӣ аз таом то бинӣ» [35, с. 97].

Рустам Алиев и Анатолий Старостин предложили такой вариант:

«Рассказывают про одного отшельника, что каждую ночь он поглощал десять манов всякой еды во имя творца и до утра перечитывал коран с начала до конца.

Некий благочестивый муж, услышав об этом, сказал:

– Если бы ты ел только пол хлебца и спал, ты был бы более праведным, чем теперь!

Оставь в своем нутре один хоть уголок,
 Чтоб мог туда пройти луч истины живой.
 Нет места мудрости в тебе лишь потому,
 Что ты вплоть до ноздрей набит одной едой!» [32, с. 116-117].

Отметим в оригинале «бихӯрдӣ, бикардӣ; бихӯрдӣ ва бихуфтӣ, будӣ». У Рустама Алиева и Анатолия Старостина свой вариант: «во имя творца, до конца». Что показывает: при переводе было изменение содержания текста (в оригинале сказано – до утра молился) для передачи особенности рифмованной прозы. На наш взгляд концовка прозаического текста сама напрашивается на благозвучную прозу: *Если бы ты только пол хлебца ел и спал, ты бы более праведным стал!*

Эти сравнения показывают существование ряда проблем при переводе благозвучной (рифмованной) прозы персидско-таджикской классики на русский язык. Во-первых, при передаче смыслового содержания могут быть упущены особенности рифмованной прозы. Во-вторых, при переводе на русский язык не всегда можно подобрать и применить одинаковые по форме и звучанию слова, что приведет к упущению переводчиками музыкальности предложения и внутренней рифмы, что характерно для стиля многих рассказов Саади

Сопоставление переводов показало, что Р. Алиев и А. Старостин стараются соблюдать особенности рифмованной прозы и у них, с некоторой натяжкой можно сказать, более близкая проза в этом отношении к оригиналу, чем у Е. Бертельса.

Из оригинальных строк «Гулистан»-а Саади (боби ҳафтум «Дар таъсири тарбият»):

«Тавонгарзодаеро дидам бар сари гӯри падар нишаста ва бо дарвешбачае мунозира дарпайваста, ки сандуки турбати мо сангии асту китоба рангин ва фарши рухом андохта ва хишти пирӯза дар ӯ ба кор бурда. Ба гӯри падарат чӣ монад, (ки) хиште ду фароҳам оварда ва муште ду хок бар он пошида. Дарвешписар ин бишниду гуфт:

– То падарат зери он сангҳои гарон бар худ бичунбида бошад, падари ман ба бихишт расида бувад!

Хар, ки камтар ниҳанд бар вай бор,

Бешак, осудатар кунад рафтор.

*

Марди дарвеш, ки бори ситами фочқа кашид,

Ба дари марғ ҳамоно, ки сабукбор ояд.

В-он кӣ дар неъмату осоишу осонӣ зист,

Мурданаш з-ин ҳама, шак нест, ки душвор ояд.

Ба ҳама ҳол асире, ки зи банде бираҳад,

Беҳтар аз ҳоли амире, ки гирифтор ояд! [35, с. 223]

Из седьмой главы «О влиянии воспитания» «Гулистана» в переводе с персидского Рустама Алиева и переводе стихов Анатолия Старостина:

«Я был свидетелем того, как сын одного богача сидел на могиле своего отца и спорил с сыном бедняка:

– У моего отца каменная гробница с золотой надписью, с мраморной плитой, обведенной лазоревыми плитками. Разве она похожа на могилу твоего отца? Там положены два кирпича и на них насыпаны две горсточка праха!

Сын бедняка, выслушав эти слова, сказал:

– Пока твой отец зашевелится под этими тяжелыми камнями, мой отец уже будет в раю обеими ногами!

Коль ноша у осла не тяжела,
И шаг, бесспорно, легок у осла..

* *

Бедняк, терпевший униженья и бедности тяжелый гнет,
Легко, без всяких сожалений, к могиле мрачной подойдет.
А если кто вкушал лишь негу, покой, довольство, наслажденье –
Совсем не с легким сердцем примет он смерти роковой приход.
Когда оковы снимет узник, он будет радостен и весел,
Зато эмиру будет тошно, коль в плен к врагам он попадет» [32, с.
248]

В оригинале у Саади объединяются части текста в основном глаголами – «падар нишаста, мунозира дарпайваста, андохта, кор бурда, оварда, пошида; бичунбида, расида». В переводе с персидского Рустама Алиева и переводе стихов Анатолия Старостина больше используется существительное и прилагательное: «с золотой, плитой; тяжелыми камнями, обеими ногами».

Но следует отметить, что есть возможности поработать над прозаическим текстом для сохранения особенности благозвучной прозы (настри мусаччаъ).

Если рассматривать стихотворный текст, то следует остановиться на основном размере персидско-таджикской поэзии – аруз. Лексическое значение слова «аруз» берет начало в арабском языке и выражает значение «арз кардан» – заявлять, излагать. Эту поэтическую метрику называют аруз по той причине, что с её помощью излагается, то есть пишется стихотворение, что способствует отличию стройного (размеренного) слова от нестройного.

Аруз имеет особенные правила, посредством которых в нем излагаются различные метры, количество которых превышает сотню.

Сопоставим оригинальные строки Саади и переводы с точки зрения сохранения ритмико-интонационного строя аруза. Из «Бустана» главы седьмой «Дар олами тарбият»:

«Маро дар «Низомия» идрор буд,
 Шабу рӯз талқину тақрор буд.
 Мар устодро гуфтам: «Эй пурхирад,
 Фалон ёр бар ман ҳасад мебарад.
 Чу ман доди маънӣ диҳам дар ҳадис,
 Барояд ба ҳам андаруни хабис».
 Шунид ин сухан пешвои адаб,
 Ба тундӣ барошуфту гуфт: «Эй аҷаб,
 Ҳасудӣ писандат наёмад зи дӯст,
 Чӣ маълум кардат, ки ғайбат накӯст?
 Гар ӯ роҳи дӯзах гирифт аз хасӣ,
 Аз ин роҳи дигар ту дар вай расӣ» [29, с. 221].

Саади Ширази, придерживаясь традиций персидско-таджикского стихосложения, остановился на 3 ритмах и размере махзуф:

Фоилун /фоилун / фоилун / фаал
 V - - / V - - / V - - - / V -

Теперь посмотрим возможности сохранения персидско-таджикского стихотворного размера аруз при переводе произведений Саади на русский язык и создания перевода через силлабо-тоническое стихосложение. Из «Бустана» Саади глава седьмая «О воспитании» в переводе А. Старостина:

«В «Низамии», все ночи напролет,
 Зубрил я, помню, за казенный счет.
 Раз мудрецу поведал я в смятенье,
 Что мне мой друг завидует в ученье:
 «Чуть я в хадисах знания покажу –
 Подлец в лице меняется, гляжу!»

На то мудрец мне возразил сурово,
 И я навек его запомнил слово:
 «Людей толкает зависть на хулу,
 И все ж злословье нам не в похвалу!
 Путь в ад себе он выбрал – нет в том спора,
 Но ты его догонишь очень скоро!» [27, с. 336-337].

Переводчик выбрал 5 стопный ямб, осложненный пиррихием:

– – | – – | – – – |
 – | – | – – – | – |
 – – – | – | – – – | –
 – | | | – | – – – | –

Эти же строки Саади в переводе В. Державина:

«О Знанья свет!
 Завидовать мне начал мой сосед.
 Когда я смысл хадиса открываю,
 Он злобится в душе – я это знаю».
 «Как? Ты в его молчанье зависть ловишь,
 А за спиной его о нем злословишь?
 Пусть зависть – путь в гиенну для него,
 Другой тропой догонишь ты его!» [28, с. 316]

В. Державин изложил строки Саади 5 стопным ямбом осложненный пиррихием:

– – – – | – – – – | –
 – | – | – | – – – | –
 – | – | – | – | – |
 – | – – – | – | – |

Это позволяет нам прийти в выводу, что сохранение ритмики персидско-таджикского аруза в метрике махфуз наиболее ближе с использованием именно 5 стопного ямба, осложненного пиррихием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Персидско-таджикская литература и фольклор стали неотъемлемой частью русского литературного процесса. Первому знакомству с произведениями персидско-таджикской литературы русские читатели обязаны западноевропейским ориенталистам. Затем освоение восточной литературы, благодаря политическому и культурному интересу – зарождению научного востоковедения и переводческих школ, усиливается: изучаются восточные культуры и литература, осуществляется прямой перевод (переложение творений классиков Востока на русский непосредственно с восточных языков). Ярким примером русско-таджикских литературных связей является рецепция произведений Саади русским литературным процессом.

Европейские ориенталисты Адре де Рие, Адам Олеарий (Ойшлегер), Герг Гентиус еще в XVII веке обратили внимание на творчество Саади: Нельзя обойти вниманием научные исследования Бартелеми д'Эрбело, Амабля Луи Мария Мишель Журдена, И.В. Гете. Эти труды были известны русским читателям и любителям восточной словесности.

Так «Западно-Восточный диван» (1819) И.В. Гете – произведение, которое познакомило европейцев с культурой и литературой восточных народов и представителями персидско-таджикской классики. Немецкий ориенталист ознакомил читателя с жизнью Саади и его произведениями. И Диван, и Примечания к лучшему разумению имеют строки, подтверждающие интерес и знания немецкого поэта творчества Саади Ширази и его произведений.

В России одно из первых упоминаний произведений Саади датируется концом XVII века. В 1735 году Иоанном Ильинским переведен на русский язык, с латинской версии Георга Вентуса (1651), «Рожовник» («Розовник», т.е. «Гулистан»). Известен любителям ориенталистики отдельный перевод «Гулистана» – «Басни восточного господина Сент Ламберта».

В журналах XVIII века произведения Саади публикуются часто: «Трудолюбивый муравей» (№ 21, 1771), «Утренний свет» (1778), «Покоящийся трудолюбец» (1-ая часть, 1784), «Приятное и полезное препровождение времени» (1794-1795). В периодике XIX века восточная тема будет продолжена. Творчество Саади не обошли вниманием и русские писатели XVIII века: А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин, И.А. Крылов. Нравоучение и дидактизм произведений Саади отразились в русской «восточной» повести XVIII-XIX веков. В литературе XIX века Саади обогатил творческую мастерскую А.С. Пушкина, А.А. Бестужева-Марлинского, Д.П. Ознобишина, А.С. Грибоедова, Ф.В. Булгарина, А.А. Фета, Л.Н. Толстого; а в XX веке к творчеству классика персидско-таджикской поэзии обратились литературное общество поэтов-модернистов «Северный Хафиз», И.А. Бунин, С. Есенин.

Ярким примером вклада Саади Ширази в сокровищницу цивилизаций являются басни И.А. Крылова. Сюжеты басен Крылова часто восходят к античным и восточным авторам: Эзопу, Феду, к сюжетам Саади и Лафонтена. В баснях Жана де Лафонтена более 20 сюжетов из восточной литературы (Локман Хаким, Бидпай, Саади Ширази). Лафонтен, обращаясь к персидско-таджикской классике, черпал сюжеты и темы. Французский баснописец опосредственно привнёс в творчество последователей крупинки достижений персидско-таджикской классики. Говоря иначе, он стал своеобразным проводником для других писателей, в том числе И.А. Крылову, в сокровищницу персидско-таджикской литературы.

Заимствуя и осваивая сюжеты, темы и идеи чужих культур, русский баснописец делает этот процесс национальным, так как у каждой нации свой менталитет, своя манера понимания, т.е. своя индивидуальность.

Карамзин вслед за европейским ориенталистом-переводчиком перевел в прозаической свободной форме бейты персидско-таджикского классика. Они (переводчики) суммировали мысли Саади и изложили в краткой форме как

наставление будущему государю умение править государством. Для Карамзина первостепенное значение имело идеологическое значение строк Саади, возможность использовать восточный текст для пропаганды идей Просветительства.

Библиотека А.С. Грибоедова подтверждает интерес к литературе и истории Востока. Свои знания восточной литературы, и, безусловно, персидско-таджикской классики, пополнял у знатоков – поэтов и ученых. Восточные сказки прельщали внимание русского читателя, и в путевых записях Грибоедова упоминается «Тысяча и одна ночь»; знание Корана и персидской мифологии продемонстрировали письма, в путевых заметках встречаются строки, навеянные восточной классикой. Если обратить внимание на персидско-таджикскую классику, то в записях Грибоедова можно заметить имена Низами, указание на «Шахнаме» Фирдоуси, а в комедии «Горе от ума» интерпретацию строк Саади.

Интерес к чужим мирам и культурам сопровождает человечество на всем пути развития общества. Знакомство с достижениями иноземных народов способствовало развитию и обогащению в материальном и духовном плане. Говоря об изучении Западом восточных культур, выделим два направления науки: кабинетное востоковедение и практическое востоковедение.

Большую роль в изучении и освоении восточного материала сыграло научное востоковедение и переводоведение (практическая сторона ориентализма). Говоря о проблемах перевода необходимо отметить ряд вопросов.

Рассматривая проблему перевода, акцентируем внимание на пути изучения достижений восточной классики: непосредственное знакомство с оригиналом и изучение через посредника.

Обращение к восточной литературе имел ряд причин. Первоначальный интерес вызван новизной и экзотикой, который сменялся научным и реалистическим познанием материальных и культурных достижений чужих народов. Европейские писатели искали соответствие восточного произведения своим идеологическим взглядам (обращение европейских просветителей к назидательным мотивам Саади Ширази).

Первоначальным этапом литературных связей является подстрочный перевод. Перевод чаще не соответствовал в полном объеме оригиналу, переводчики вносили изменения в соответствии со вкусами читателя или согласно своим эстетическим или политическим взглядам. С развитием востоковедения изменяются требования к переводу, и от «переделок» (переложений) переводчики переходят к адекватному художественному переводу.

Ярким примером русско-таджикских литературных связей является переводы Саади Ширази. Интерес к творчеству персидско-таджикского классика в русской литературе замечен в XVII-XVIII веках, и чаще всего переводятся отрывки из произведений или отдельные строки. Это связано с соответствием взглядов, назидательным мотивам Саади.

Внимательно изучая переводы произведений Саади, мы выделили вторую особенность переводов. Отрывки произведений из «Бустана» и «Гулистана» представлены европейским читателям в разных жанрах. Переводы из восточной литературы, в частности из произведений Саади Ширази были представлены русскому читателю как басня, аполог, повесть, притча, повестью, сказаниями, сказками.

Можно констатировать, что ориентальная литература и переводы из восточных литератур способствовали сближению культур. Правила жизни мусульман, определенные нормы поведения обогатят знания европейцев о Восточных народах, будут понятны и близки читателю.

Переводы восточной классики способствовали знакомству с культурой других народов. Русскому читателю импонируют дидактизм и нравоучения восточного поэта, призывы персидско-таджикского классика довольствоваться малым, оказывать помощь ближнему, совершать добрые поступки, покровительствовать сиротам и обездоленным. Восточная классика становится ближе и доступнее, говоря об общечеловеческих ценностях, и способствует сближению народов.

Говоря о специфике вольного перевода на примере произведений Саади, необходимо акцентировать внимание на сложность перевода поэтического текста – при поэтическом переводе невозможны языковые и метрические соответствия. Что говорит о закономерности существования вольного перевода.

Переводческая деятельность в своем развитии прошла долгий путь от прозаической передачи содержания лирических строк к художественному переводу и необходима дальнейшая работа по улучшению качества переводов. В современном переводоведении рассматриваются вопросы филологического перевода, нацеленного на передачу тонкостей и глубину значения и смысла текста оригинала.

При художественном переводе персидско-таджикской поэзии на русский язык наблюдаются вариации одного и того же произведения. Первая причина обусловлена подготовленностью переводчика и его субъективный выбор аналогий на русском языке; другая причина связана с уровнем соответствия подстрочного перевода оригиналу, на основе которого делался художественный перевод (опять же сказывается роль переводчика). Переводчики придерживались ряда позиций. Ориентирование на передающую культуру, что подразумевает обогащение принимающей стороны персидским содержанием и способами выражения. И ориентация на принимающую культуру – это перевод текста восточного мира как сейчас, осовременивание текста. Существует ряд проблем при переводе

благозвучной (рифмованной) прозы персидско-таджикской классики на русский язык: при передаче смыслового содержания могут быть упущены особенности рифмованной прозы; при переводе не всегда можно подобрать и применить одинаковые по форме и звучанию слова, что приведет к упущению переводчиками музыкальности предложения и внутренней рифмы, что характерно для стиля многих рассказов Саади.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Баснописец переводчик, или Стихотворным слогом перевод избранных басней, сказок, повестей, советов и полезных анекдотов с иностранных диалектов на славяно-русский. Написал Але-й Н-Р-Ц-В⁸⁶. – М., в типографии Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академии, 1833. – 295 с. Примеч. на рус., англ., латин., нем. и фр. яз.
2. Бестужев-Марлинский, А.А. Соч.: в 2-х т. / Александр Александрович Бестужев-Марлинский. – М.: Худ. лит-ра, 1981. – Т. 2. – 592 с.
3. Гольц, Т.М. Сердце брата: очерк / Т.М. Гольц. – Изд. 2-ое, испр. и доп. – Душанбе: Адиб, 1991. – 207 с.
4. Гете, И.В. Западно-восточный диван / Иоганн Вольфганг Гете. – М.: Наука, 1988. – 894 с.
5. Грибоедов, А.С. Сочинения. / А.С. Грибоедов. Ред. Вл. Орлова. – Л.: Худ. лит-ра, 1940. – 671 с.
6. Гюлистан (Цветник роз). Творение шейха Саади Ширази. С персидского подлинника перевел И. Холмогоров. Издание К.Т. Солдатенкова. – М.: Типография Мартынова, 1882. – 353 с.
7. Звезды поэзии. Абуабдулло Рудаки. Абулькасим Фирдоуси. Омар Хайям. Джаладдин Руми. Муслихиддин Саади. Шамсидин Хафиз. Абдуррахман Джамии. / Пер. с фарси (с тадж.). Сост. и предисл. И. Брагинского. Прим. Э. Джалиашвили. Под ред. С. Ховари. – Душанбе, Ирфон. – 520 с.
8. Журден, А. О языке Персидском и словесности / Амабль Журден // Вестник Европы. – 81 часть. – № 9. – май 1815 г. – С. 28-38; – 82 часть. – №

⁸⁶Литературный псевдоним Але-й Н-Р-Ц-В – Нарцев Алексей. По источнику: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. – Т. 2. – М., 1957. – М. 1957. – С. 244. (<http://feb-web.ru/feb/masanov/map/11/map20627.Htm>).

12. – июнь 1815 г. – С. 284-296; – 82 часть. – № 13. – июль 1815 г. – С.33-50; – 82 часть. – № 14. – июль 1815 г. – С.109-120; – 82 часть. – № 15. – август 1815 г. – С.168-174.
9. Делибюрадер (Ознобишин, Д.П.) Восточная литература. О духе поэзии Восточных народов, и рассмотрение статьи Московского Телеграфа под заглавием: Новейшие исследования и сочинения касательно Восточной Литературы и древностей / Делибюрадер (Дмитрий Петрович Ознобишин) // Сын Отечества. – 1826. – № 4. – Часть 105. – С. 382-402; – №5. – Часть 106. – С. 63-80; –С. 161-178; – С. 272-292; – С. 351-374.
10. Калила и Димна / пер. с арабского И.Ю. Крачковского и И.П. Кузьмина; под ред. И.Ю. Крачковского. – изд. 2. – М.: Издательство восточной литературы, 1957. – 282 с.
11. Карамзин, Н.М. Пантеон иностранной словесности. – Ч. 1 / Н.М. Карамзин. // Переводы Карамзина: в 9 томах. – Т. 7, изд. 4. – Санктпетербург, в типографии Ал. Смирдина, 1835. – 219 с.
12. Книга тысячи и одной ночи: в 8 т. / пер. с араб. М.С. Салье. – 2-ое изд. – Душанбе: Ирфон, 1982. – Т. 1. – 320 с.; – Т. 2. – 368 с.; – Душанбе: Ирфон, 1983. – Т. 3. – 320 с.; – Т. 4. – 400 с.; – Т. 5. – 384 с.; – Душанбе: Ирфон, 1985. – Т. 6. – 384 с.; – Т. 7. – 384 с.; – Душанбе: Ирфон, 1985. – Т. 8. – 352 с.
13. Книга тысячи и одной ночи: в 8 т. – Пер. с араб. М.А. Салье. – 2-е изд. – Душанбе: Ирфон, 1983. – Т. 4. – 398 с.
14. Крылов, И.А. Басни: полное собрание / И.А. Крылов; – Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1944. – 238 с.
15. Крылов, И.А. Сочинения: в 2 томах / И.А. Крылов; – М.: Правда, 1969. – Т. I. – 527 с.
16. Лафонтен, Ж. Басни: Иллюстрированное энциклопедическое издание / Жан де Лафонтен. Под ред. В.П. Бутромеева, В.В. Бутромеева, Н.В. Бутромеевой. – М.: Белый город, 2005. – 672 с.; ил.

17. Любовный напиток. Лучшая персидская лирика. Хайям, Руми, Саади, Хафиз [пер. с фарси Г. Плесецкого, В. Державина]. – М.: Эксмо, 2015. – 480 с.
18. Панчатантра / пер. с санскрита и прим. А.Я. Сыркина; статья В.В. Иванова. – М.: Издательство АН СССР, 1958. – 372 с.
19. Покоящийся трудолюбец. Периодическое издание, служащее продолжением Вечерней Зари. Заключающее в себе богословския, философския, нравоучительныя, историческия, и всякого рода как важныя так и забавныя материи, к пользе и удовольствию любопытных читателей, состоящая из подлинных Сочинений на Российском языке и переводов с лучших иностранных писателей в стихах и прозе. – М., в университетской типографии у Н. Новикова, 1784 г. – Ч. I. – 250 с. – Ч. II. – 272 с.
20. Пушкин, А.С. Избранные сочинения: в II т. /А.С. Пушкин. – М.:Худ. лит-ра, 1978. – Т. I. – 748 с. – Т. II. – 686 с.
21. Радищев, А.Н. Житие Федора Васильевича Ушакова // Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. Проза / А.Н. Радищев. – Л.: Худ.лит-ра, 1984. – 263 с.
22. Расулзаде, З. Панднамэ (Сборник назиданий и мудрости) / Зебунисо Расулзаде. – Худжанд: Хуросон, 2019. – 116 с.
23. Розовый кустарник шейха Муслехеддин Саади Ширазского славный под названием Гулистана. Перевод с персидского С. Назарианца, доктора Восточной Словесности. – М.: в типографии лазаревского института восточных языков, 1857. – 174 с.
24. Саади, Муслихиддин. Избранное / Муслихиддин Саади. Пер. Е.Э. Бертельса, К. Липскерова; вступ. очерк И. Ализаде. – Душанбе: Таджикгосиздат, 1954. – 284 с.
25. Саади. Избранное / Саади. Ред. Б. Пармузин. – Ташкент: Изд-во ЦК КП Узбекистана, 1978. – 150 с.

26. Саади Ширази. Бустан (поэма) / Муслих-ад-дин Абу Мухаммад Абдаллах ибн-Мушриф Ибн-Муслих ибн Муслих ибн-Мушриф Саади Ширази. Пер. В. Державина; сост., предисл. и коммент. Р. Алиева. Ред. Т. Гольц, С. Ховари. – Душанбе: Ирфон, 1968. — 451 с.
27. Саади. Бустан. Лирика / Саади Ширази; – Пер. с перс. В. Державина, А. Старостина. – М.: Худ. лит-ра, 1962. – 527 с.
28. Саади. Бустан / Саади //Омар Хайям. Руми. Саади. Хафиз. Любовный напиток. Лучшая персидская лирика. – М.: Эксмо, 2015. – С. 181-339.
29. Саъди Шерозӣ. Бӯстон /Саъди Шерозӣ. – Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2008. – 291 сах.
30. Саади. Гулистан (Отрывки) / Саади // Антология таджикской поэзии. С древних времен до наших дней. Под ред. И. Брагинского. Пер. К. Липскерова. – М.: Худ. лит-ра, 1951. – С. 356-359.
31. Саади, М. Гулистан. Розовый сад / Мушрифаддин Саади; – Под ред. А. Бертельса и С. Шервинского. – Подг. текста, вступ. статья и примеч. Р. Алиева. – М.: Худ. лит-ра, 1957. – 322 с.
32. Саади, Мушрифаддин. Гулистан. Розовый сад / Мушрифаддин Саади. Пер. с перс. Р. Алиева. Перев. стихов А. Старостина. – М.: Худ. лит-ра, 1957. – 323.
33. Са'дӣ, М. Гулистан. Памятники литературы народов востока / Саади Мушрифаддин; крит. текст, перевод, предисл. и примечания Р.М. Алиева. – М.: Издательство восточной литературы, 1959. – 233 с.
34. Саъдии Шерозӣ. Гулистон / Саъдии Шерозӣ. – Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2008. – 232 с.
35. Саъдии Шерозӣ. Гулистон /Саъдии Шерозӣ; ба нашр. таҳиякунандагон С. Сайфуллоӣ, Р. Қурбонов; муҳаррири масъул: Чаъфар Мухаммад. – Тошкент: Nisopoligraf, 2012. – 300 с.

36. Саъди Шерозӣ. Сад як ғазал [Сто одна газель]. / Саъдии Шерозӣ. Мурағтибон: Қаҳҳори Расулиён, Асо Мӯсоев; муҳаррир Рақибов М. – Душанбе: Ирфон, 2008. – 112 саҳ.
37. Саъди Шерозӣ. Мунтахаби ғазалиёт [Избранные газели]. / Саъди Шерозӣ. Ба чоп тайёркунандагон: Назира Қаҳҳорова ва Иброҳим Ализода. – Душанбе: Ирфон, 1977. – 447 саҳ.
38. Трудлюбивый муравей, еженедельное издание 1771 года, с последней половины. В Санкт-Петербурге. – №18. – 206 с.

Научная литература

39. Абдулазизова, З.С. С. Есенин и загадочный Восток («Персидские мотивы») / З.С. Абдулазизов // Вестник Таджикского Национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: Сино, 2016. – 4/4 (206). – С. 207-212.
40. Акушина, М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения / М.Г. Акушина; – М.: Худ. лит-ра, 1987. – 244 с.
41. Алиев, Р. «Гулистан» Саади / Р. Алиев // Саади, М. Гулистан. Розовый сад. – Под ред. А. Бертельса и С. Шервинского, подг. текста, вступ. статья и примеч. Р. Алиева. – М.: Худ.лит-ра, 1957. – С. 3-26.
42. Алимова, Д.Х. Восприятие и осмысление персидско-таджикской литературы русской критикой первой половины XIX века: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.03 / Д.Х. Алимова. – Самарканд: Сам. ГУ, 1995. – 24 с.
43. Аминов, А.С. Проблема художественного стихотворного эквивалентного перевода: учебное пособие / А.С. Аминов. – Душанбе: РТСУ, 2013. – 23 с.
44. Аминов, А.С. Музыка и поэзия (поиск новых методов эквивалентного перевода поэзии) / А.С. Аминов // Идеи духовности и нравственности в литературе: международная научно-практическая конференция; – Душанбе: РТСУ, 2015. – С.168-175.

45. Аминов, А.С. Филологический перевод – ключ к верному восприятию поэтического текста / А.С. Аминов // Вестник Таджикского Национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: Сино, 2020. – №7. – С. 349-353.
46. Аминов, А.С. Художественный перевод с русского на таджикский и с таджикского на русский язык / А.С. Аминов, Х.Р. Холов; – Душанбе: РТСУ, 2020. – 148 с.
47. Аминов, А.С. На пути к совершенству: сборник статей к 70-летию Азима Садыковича Аминова / А.С. Аминов. – Душанбе: РТСУ, 2021. – 225 с.
48. Артамонов, Д.С. Сорок веков мировой литературы: в 4 кн. / Д.С. Артамонов; - кн. 1. Литература Древнего мира. – М.: Просвещение, 1997. – 255 с.
49. Артамонов, Д.С. Сорок веков мировой литературы: в 4 кн. / Д.С. Артамонов; - кн. 2. Литература Средних веков. – М.: Просвещение, 1997. – 224 с.
50. Артамонов, Д.С. Сорок веков мировой литературы: в 4 кн. / Д.С. Артамонов; - кн. 3. Литература эпохи Возрождения. – М.: Просвещение, 1997. – 256 с.
51. Артамонов, Д.С. Сорок веков мировой литературы: в 4 кн. / Д.С. Артамонов; - кн. 4. Литература нового времени. – М.: Просвещение, 1997. – 336 с.
52. Атаханов, Д.Т. Восточные мотивы в творчестве А.С. Пушкина: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.03 / Атаханов Диловар Тимурович. – Душанбе, 2000. – 24 с.
53. Бариева, М.Х. Роль и место Сергея Есенина в западно-восточном литературном синтезе («Персидские мотивы»): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.03 / Бариева Мавлюда Хилватиёровна. – Душанбе, 2007. – 22 с.

54. Ваххобова, М. Место и значение Саади в мировой литературе / М. Ваххобова // Вестник Таджикского Национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: Сино, 2016. – 4/1 (195). – С. 259-261.
55. Вопросы таджикской филологии: сборник статей / отв. ред. Ш. Рустамов, А. Абдуманнонов. – Душанбе: Дониш, 1985. – 269 с.
56. Восток в Русской литературе XVIII – начала XX века. Знакомство. Переводы. Восприятие. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 256 с.
57. Галимова, М. Восточная литература и эпоха величественного взаимопроникновения русской и таджикской литератур / М. Галимова // Вестник педагогического университета. – № 4 (81). – Душанбе, 2019. – С. 160-164.
58. Гадоева, Н.С. Восточные образы в произведениях французских просветителей / Н.С. Гадоева // Вестник Таджикского Национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: Сино, 2013. – 4/6 (122). – С. 208-211.
59. Гарусова, Е.В. Интерпретативные позиции переводчика как причина вариативности перевода: автореф. канд. филол. наук: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. – Тверь: Тверской государственный университет, 2007. – 21 с.
60. Гачечиладзе, Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи / Г. Гачечиладзе. – Изд. 2-ое. – М.: Советский писатель, 1980. – 254 с.
61. Гейзер, А.Р. Первые встречи. Русская литература XVIII века. Источники. Посредники. Новые факты / А.Р. Гейзер. – Берлин-Худжанд, 1999. – 48 с.
62. Гольц, Т.М. К проблеме влияния таджикско-персидской литературы на русскую литературу 20-30 гг. XIX века: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.03 / Гольц Тамара Моисеевна. – Душанбе, 1980. – 19 с.
63. Гуломова, С.Н. Влияние таджикско-персидской литературы на русскую литературу (Саади и Бунин) / С.Н. Гуломова // Вестник Таджикского

Национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: Сино, 2015. – 4/1 (159). – С. 235-238.

64. Давронов, А. Равобити адабии халкҳои тоҷику арман (Литературные связи таджикского и армянского народов) / А. Давронов. – Душанбе: Адиб, 2008. – 327 с.

65. Давронов, А. Зеленая книга времен (вопросы поэтики художественного перевода) / А. Давронов. – Душанбе: РТСУ, 2012. – 410 с.

66. Древний Пенджикент. Иллюстрированный проспект на русском, таджикском и английском языках. Автор-составитель А.И. Исаков. – Душанбе: Ирфон, 1982. – 93 с.

67. Имомов, М. Сужет ва тасвир дар насри Садриддин Айни (Сюжет и описание в прозе Садриддина Айни) / Муҳаммадҷусуф Имомов. – Душанбе: Адиб, 2007. – 370 с.

68. Имомов, М.С. Горизонты взаимодействия литератур / М.С. Имомов, А.У. Давронов // Вестник Таджикского Национального университета. Серия Филология. – Душанбе: Сино, 2008. – Т. I. – № 4. – С. 122-127.

69. Имомов, М.С. Диалог взаимодействия языков и культур в Республике Таджикистан / М.С. Имомов // Материалы Семинара-совещания «Диалог языков, культур и религий – преоритетная тенденция развития и углубления сотрудничества народов в XXI веке». – Москва, 2009. – С. 53-57.

70. Имомзода, М.С. Мотивы милости и правосудия в «восточных» повестях Ф.В. Булгарина / М.С. Имомзода, Б.Р. Рахманов // Вестник Тюменского Государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2016. – Том 2. – № 4. – С. 87-99.

71. Имомзода, М.С. Назидательная тематика восточных повестей Ф.В. Булгарина / М.С. Имомзода, Б.Р. Рахманов // Вестник Таджикского Национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: Сино, 2016. – 4/4 (206). – С. 162-170.

72. Имомзода, М.С. Предисловие / М.С. Имомзода // А.С. Аминов, Х.Р. Холов. Художественный перевод с русского на таджикский и с таджикского на русский язык. – Душанбе: РТСУ, 2020. – С. 4-9.
73. Каганович, С.Л. Русский романтизм и Восток / С.Л. Каганович. – Ташкент: Фан, 1994. – 113 с.
74. Конрад, Н.И. Запад и Восток. Статьи / Н.И. Конрад. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1972. – 496 с.
75. Лобикова, Н.М. Пушкин и Восток. Очерки / Н.М. Лобикова. – М.: Наука, 1974. – 95 с.
76. Маленький, И.М. Персидско-таджикская литература в украинских переводах: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.03 / Маленький Игорь Мирославович. – Душанбе, 1990. – 16 с.
77. Мамадиев, Ж.Ў. Тарчумаҳои «Гулистон»-и Саъдӣ ба забони ӯзбекӣ (переводы «Гулистана» Саади на узбекском языке) / Ж.Ў. Мамадиев // Вестник Таджикского Национального университета. Серия Филология. – Душанбе: Сино, 2012. – 4/4 (91). – С. 205-209.
78. Махдиев, С. Из истории прозы таджикско-персидской литературы: монография / Саъди Махдиев. – Пенджикент: Иршод, 2000. – 402 с.
79. Маҳкамов, А. Сайре дар «Бӯстон»-и Саъдӣ. Оид ба аввалин баргардони он дар Русия / Абдувалӣ Маҳкамов // Адабиет ва Санъат. – 31 майи соли 2018. – 22 (1941). – с. 1.
80. Махмудов, Д. Робитоҳои мутақобилаи адабии Шарқу Ғарби асрҳои XVII-XVIII (Литературные взаимосвязи Востока и Запада в XVII-XVIII веках) / Д. Махмудов // Вестник Таджикского Национального университета. Серия Филология. – Душанбе: Сино, 2016. – 4/4 (206). – С. 229-232.
81. Мотамедния, М. Персия в произведениях устного народного творчества и древнерусской литературы / Масуме Мотамедния // Вестник Таджикского Национального университета. Серия Филология. – Душанбе: Сино, 2014. – 4/1 (129). – С. 241-246.

82. Муллоджанова, З.А. Стиль оригинала и перевод / З.А. Муллоджанова. Отв. ред. М.Б. Нагзибекова. – Душанбе, 2014. – 192 с.
83. Муравьев, В. Николай Михайлович Карамзин / Вл. Муравьев // Карамзин Н.М. Бедная Лиза. – М.: Современная Россия, 1976. – С. 3-27.
84. Муродӣ, Н. Вуруди адаби форсу тоҷик ба сарзамини уйғур (Распространение персидско-таджикской литературы на уйгурской земле) / Н. Муродӣ // Вестник Таджикского Национального университета. Серия Филология. – Душанбе: Сино, 2012. – 4/1. – С. 172-177.
85. Муродӣ, Н. Таҳқиқи адабиети форсизабон дар Ғарби Чин (Исследование персоязычной литературы в Западном Китае) / Н. Муродӣ // Вестник Таджикского Национального университета. Серия Филология. – Душанбе: Сино, 2013. – 4/4 (116). – С. 181-185.
86. Мусулмонкулов, Р. Талаби замон ва робитаи адабӣ (Взаимосвязь и взаимообогащение многонациональной советской литературы) / Р. Мусулмонкулов. – Душанбе: Дониш, 1973. – 24 с.
87. Мусулмонкулов, Р. Дарахти дӯстӣ биншон... (Литературный процесс сегодня) / Р. Мусулмонкулов. – Душанбе: Адиб, 1987. – 240 с.
88. Мухторов, Ш. История изучения и переводы «Гулистана» Саади во Франции / Ш. Мухторов. Дисс... канд. филол. наук: 10.01.03, 10.01.05. – Душанбе: ДГПИ, 1980. – 193 с.
89. Мухторов, Ш. Персидско-таджикская классическая поэзия во Франции: автореф. дис... д-ра филол. наук: 10.01.05, 101.01.06 / Шокир Мухторов. – Душанбе, 1989. – 33 с.
90. Мухтор, Ш. Фирдоуси во Франции / Мухтор Шокир. – Душанбе, 1999. – 130 с.
91. Мухтор, Ш. Франция читает «Гулистан» (История изучения и переводы «Гулистана» Саади во Франции): монография / Шокир Мухтор. – Душанбе: Ирфон, 1987. – 149 с.

92. Насире Нафисе. Сюжет из «Гулистана» Саади в «Азбуке» Л.Н. Толстого / Насире Нафисе // Фундаментальная наука ВУЗам. – 2/2015. – С. 417- 425.
93. Нуралиев, А. Казахско-таджикские литературные связи: монография / А. Нуралиев; – Душанбе: Шучоиён, 2011. – 475 с.
94. Олимова, Х.Х. Фазои таълиф ва тарҷумаи «Гулистон»-и Саъдӣ (О создании и переводах произведения Саади «Гулистон» / Х.Х. Олимова // Паёми Донишкадаи забонҳо (Вестник Института языков). – Душанбе, 2012. – №2(6). – С. 20-22.
95. Папковский, Б. И.А. Крылов / Б. Папковский // Крылов И.А. Басни: полное собрание; – Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1944. – С. 3-18.
96. Пушкин в странах зарубежного Востока: сборник статей / ред. коллегия М.П. Алексеев, Д.И. Белкин и др. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1979. – 229 с.
97. Пушкин А.С. и Восток: Материалы международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина / отв. ред. Т.В. Гусейнова. – Душанбе: РТСУ, 1999. – 171 с.
98. Раджабова, К.Х. Таджикско-туркменские литературные связи (на примере произведений Махтумкули Фраги): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.03 / Раджабова Каноат Ходжиматовна. – Душанбе, 2017. – 26 с.
99. Рахманов, Б.Р. А.А.Бестужев-Марлинский и персидско-таджикская литература (проблема перевода и влияния): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.03 / Рахманов Бахтиер Рузикулович. – Душанбе, 2006. – 26 с.
100. Рахманов, Б.Р. Мотивы поэзии Саади Ширази в лирике Д.П. Ознобишина / Б.Р. Рахманов // Вестник Таджикского Национального университета. Серия Филология. – Душанбе: Сино, 2015. – 4/4 (140). – С. 170-176.
101. Рахманов, Б.Р. «Гулистан» Саади как первоисточник «восточной» повести Ф.В. Булгарина «Милость и правосудие» / Б.Р. Рахманов // Вестник университета. – Душанбе: РТСУ, 2016. – №2 (53). – С. 214-218.

102. Рахманов, Б.Р. Проблемы русско-восточных литературных связей в контексте творчества В.А. Жуковского и Д.П. Ознобишина: монография / Б.Р. Рахманов. – Душанбе: РТСУ, 2015. – 130 с.
103. Рахманов, Б.Р. Художественное своеобразие «восточной» повести в русской литературе первой трети XIX века (образы, тематика, первоисточники и проблемы перевода): монография / Б.Р. Рахманов. – Душанбе: РТСУ, 2016. – 208 с.
104. Рахманов, Б.Р. Персидско-таджикская литература в контексте русско-восточных литературных связей первой трети XIX века: автореф. дис... д-ра филол. наук: 10.01.03 / Рахманов Бахтиер Рузикулович. – Душанбе, 2018. – 50 с.
105. Рахманов, Б.Р. Персидско-таджикская литература в контексте русско-восточных литературных связей первой трети XIX века: дис... д-ра филол. наук: 10.01.03 / Рахманов Бахтиер Рузикулович. – Душанбе, 2017. – 348 с.
106. Рахмонова, Н.Р. Вхождение Саади в русскую литературу: литературные связи и проблема перевода: монография / Н.Р. Рахмонова. – Душанбе: ТНУ, 2021. – 103 с.
107. Русский язык и двуязычие в моей жизни: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения великого поэта А.С. Пушкина / – Душанбе: ТГНУ, 1999. – 65 с.
108. Рустамова, Г.Х. Русско-таджикские литературные связи в XX веке (в контексте творчества Льва Толстого): автореф. дис... д-ра филол. наук: 10.01.03 / Рустамова Гуландом Рустамовна. – Душанбе, 2016. – 44 с.
109. Сайфуллев, А. Дӯсти адабиетҳо – дӯстии халқҳо (Дружба народов – дружба литератур) / А. Сайфуллев. – Душанбе, 1975. – 222с.
110. Сайфуллоев, А. Проблемы литературных связей / А. Сайфуллев. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 179 с.

111. Самад, В. Основные вопросы таджикско-азербайджанских литературных связей в XIX веке: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.03. / Валиджон Самадов (Вали Самад). – Душанбе, 1975. – 17 с.
112. Самадова, З.С. Назидания Саади в «Русских книгах для чтения» Льва Толстого / Зебо Самадова. – Душанбе: Сино, 1999. – 120 с.
113. Сайид Абдаллах Хусайни. Идеино-художественные особенности «Бустана» Саади Ширази: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.03 / Сайид Абдаллах Хусайни. – Душанбе, 2015. – 23 с.
114. Смирнов, А.Ф. Николай Михайлович Карамзин. Штрихи к портрету. Как создавалась «История государства Российского». Память сердца / А.Ф. Смирнов; – М.: Российская газета, 2005. – 560 с.
115. Степанов, Н. И.А. Крылов / Н. Степанов // Крылов И.А. Сочинения: в 2 томах; – М.: Правда, 1969. – Т. I. – С. 3-42.
116. Табаров, С.Ш. Робитаҳои адабии Тоҷикистон бо мамлакатҳои Осиё ва Африка (Литературные контакты Таджикистана со странами Азии и Африки) / С.Ш. Табаров // Ҳаёт, адабиёт, реализм (Жизнь, литература, реализм): дар V китоб. – Душанбе: Ирфон, 1966. – Китоби IV. – Саҳ. 76-96.
117. Таджикско-русский словарь. Под ред. М.В. Рахими и Л.В. Успенской. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1954. – 789 с.
118. Тартаковская, Л. «Люблю немолчный голос твой...». Пушкин и Восток: Сквозь призму традиционного образа / Л. Тартаковская // Наш Пушкин. К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. – М.: Стилистика, 1999. – С. 76-87.
119. Томилова, Н.А. Мотив дервишества в русской литературе (на материале творчества Сухбата Афлатуни, Тимура Зульфикарова, Александра Иличевского): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.01 / Томилова Надежда Анатольевна. – М., 2014. – 23 с.

120. Тоджибоев, Ш. «Бӯстон»-и Саъдӣ ва маснависароии форсу тоҷик дар асрҳои XIV ва нимаи аввалии XV («Бустон» Саади и персидско-таджикское поэмасложение в XIV и первой половине XV веков) / Шарифдҷон Тоджибоев // Вестник Таджикского Национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: Сино, 2012. – 4/5 (94). – С. 182-158.
121. Ховзи, Х.А.А. Персидские темы и мотивы в русской литературе первой половины XIX века / Халед Ховзи Абдул Амир // Вестник БДУ. – 2010. – Сер. 4. – №1. – С. 31-35.
122. Ходжимуродова, Ш.Р. К истории перевода «Гулистан»-а Саади на китайский язык / Ш.Р. Ходжамуродова // Вестник Таджикского Национального университета. Серия Филология. – Душанбе: Сино, 2015. – 4/7 (180). – С. 167-170.
123. Холов, Х.Р. Пушкин и Саади / Х.Р. Холов // Сборник. – Душанбе: РТСУ, 2017. – С. 15-24.
124. Ходжибаева Б.А. Пушкин и Восток: монография / Ходжибаева Бароат, Матлюба Мирзоюнус. – Худжанд: ХГУ, 1999. –187.
125. Ҳодизода, Р., Шукуров, М., Абдуҷабборов, Т. Луғати истилоҳоти адабиётшиносӣ / Р. Ҳодизода, М. Шукуров, Т. Абдуҷабборов. – Душанбе: Ирфон, 1964. –183 с.
126. Ҳусайнӣ, С.А. Маохизи «Бӯстон»-и Саъдӣ (Источники «Бустана» Саади) / Сайид Абдуллоҳи Ҳусайнӣ // Вестник Таджикского Национального университета. Серия Филология. – Душанбе: Сино, 2015. – 4/2 (163). – С. 147-153.
127. Шодикулов, Х. «Издrevле сладостный союз...» (краткие очерки истории таджикско-русских литературных связей) / Хамрокул Шодикулов, Абдували Давронов. – Душанбе: Эҷод, 2006. – 132 с.
128. Шукуров, М. Обновление. Таджикская проза сегодня: монография / М. Шукуров; перев. с тадж. – М.: Советский писатель, 1986. – 272 с.

129. Центральная Азия глазами одного французского эрудита XVII-го века (отрывки). Перевод с французского А. Акимовой (IFEAC). «Восточная библиотека» Бартелеми д'Эрбело де Моленвиль, Париж, 1697 г. – Ташкент, 2003. – 111 с.
130. Цвейг, С. Марселина Деборд-Вальмор: Судьба поэтессы; Мария Антуанетта: Портрет ординарного характера / С. Цвейг // Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 7; Пер. с нем. – М.: Терра, 1996. – 704 с.
131. Фомичев, С. Грибоедов. Энциклопедия. / С. Фомичев. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 396 с.
132. Фильштинский, И.М. Бессмертное творение многих народов и поколений / И.М. Фильштинский // Царевич Камар аз-Заман и царевна Бодур. Избранные сказки, рассказы и повести из «Тысячи и одной ночи»: пер. с араб. М.А. Салье; сост., вступ. статья и прим. И.М. Фильштинского. – М.: Правда, 1988. – 640 стр.

Электронные ресурсы:

133. Абрамов, С.Р. Персидские мотивы в русской поэзии (о влиянии и рецепции Персии в русской культуре с Древних времен до Серебряного века) [Электронный ресурс] / С.Р. Абрамов // Международные Лихачевские научные чтения. Россия-Иран: диалог культур. Режим доступа: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2016/Iran/AbramovSR_16.pdf
134. Алексеев, П.В. Ислам в русской литературе: рождение гипертекста [Электронный ресурс] / П.В. Алексеев // В мире науки, культуры, образования.– 2007. – № 2 (5). Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/i/Islam.html>
135. Байэшанов, М. Солнце восходит с Востока [Электронный ресурс] / Мустафа Байэшанов // Звезда Востока. – 2015. – № 4. Режим доступа: <https://www.ziyouz.uz/ru/publitsistika/literaturovedenie/1415-mustafa-bajeshanov-solntse-voskhodit-s-vostoka>.
136. Варки, Т. Саади Ширази «Эй сорбон» [Электронный ресурс] / Темур Варки; Режим доступа: <https://stihi.ru/2020/02/07/711>

137. Гольц, Т.М. Поэт и полиглот [Электронный ресурс] / Т.М. Гольц // Д.П. Ознобишин. Стихотворения. Проза: в 2 кн. – Изд. подг. Т.М. Гольц, А.А. Гришунин, Н.Н. Холмухамедова. – М.: Наука, 2001. – Кн. 2. Режим доступа: [-http://ozon.ru/context/detail/id/15561...](http://ozon.ru/context/detail/id/15561...)
138. Гуломова, С.Н. Влияние традиций персидско-таджикской литературы и коранических реалий на русскую литературу (на примере творчества И.А. Бунина): дис... канд. филол. наук: 10.01.03 [Электронный ресурс] / Гуломова Садбарг Нозимовна. – Душанбе, 2017. – 159 с. Режим доступа: <http://www.tnu.tj>
139. Дмитриева, С. Саади Ширази «Эй сорбон» – «О караванщик!» [Электронный ресурс] / Светлана Дмитриева; Режим доступа: <http://www.rus.ocabookforum.com/%D0%B4%D0%BC%D0%B8>
140. Коноплев, Н. Соловей и муравей (Баснь из Саади) (С персидского) [Электронный ресурс] / Н.Г. Коноплев // Северная лира на 1827 год. – М.: Наука, 1984. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/saadi/text_0020.shtml
141. Михайлов, М.Л. Избранное [Электронный ресурс] / М.Л. Михайлов; подг. текста и примеч. Г.Г. Елизаветиной. – М.: Худ.лит-ра, 1979. Режим доступа: http://rusbook.com.ua/russian_classic/mihaylov_ml/perevodyi.9823
142. Рейтблат, А.И. «Ориентализм» и русский ориентализм (Обзор книг по ориентализму в русских востоковедении и литературе) [Электронный ресурс] / А.И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. – № 161 (1/2020). Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21990/
143. Русанова, М.А. А.С. Грибоедов и суфии [Электронный ресурс] / М.А. Русанова. – Новосибирск: Новосибирская государственная консерватория (академия) им. М.И. Глинки, 2003. – 144 стр. Режим доступа: http://svitk.Ru/004_book_book/10b/2236_rusanova-qRiboedov_i_svfii

144. Саид, Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока [Электронный ресурс] / Саид Эдвард Вади (EdwardWadieSaid). – СПб., 2006. Режим доступа: <http://www.coollib.net/b/165417/read>
145. Холмухамедова, Н.Н. Д.П. Ознобишин в контексте русской ориентальной поэзии 20-40 годов XIX в. [Электронный ресурс] / Н.Н. Холмухамедова // Д.П. Ознобишин. Стихотворения. Проза: в 2 кн. – Изд. подг. Т.М. Гольц, А.А. Гришунин, Н.Н. Холмухамедова. – М.: Наука, 2001. – Кн. 2. Режим доступа: [-http://ozon.ru/context/detail/id/15561](http://ozon.ru/context/detail/id/15561).
146. Чалисова, Н. Подражания восточным стихотворцам: встреча русской поэзии и арабо-персидской поэтики [Электронный ресурс] / Н. Чалисова, А. Смирнов // Сравнительная философия. – М., Вост. лит-ра РАН, 2000. – С. 245-344. Режим доступа: http://smirnov.iph.ras.ru/win/publicctn/texts/vstr_d5.
147. Чалисова, Н.Ю. Абу-л-Касим Фирдоуси в русских переводах: стратегия рецепции [Электронный ресурс] / Н.Ю. Чалисова // «Россия – Иран: диалог культур». – СПбГУП, 2016. Режим доступа: <http://publications.hse.ru/chapters/210988840>
148. Чалисова, Н.Ю. Караван [Электронный ресурс] / Н.Ю. Чалисова Режим доступа: <http://greylib.align.ru/1314/n-yu-chalisova-karavan.html>
149. Фофанов, К. Тени и тайны [Электронный ресурс] / Константин Фофанов // Стихотворения Константина Фофанова. – СПб.: Издание книгопродавца М. В. Попова. Паровая типография Муллер и Богельман, 1892. Режим доступа: <https://literator.info/iz-tsvetnika-roz-saadi-wppost-837/>
150. Эзоп. Басни [Электронный ресурс]/ Эзоп. – М.: Эксмо, 2009. Режим доступа: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?ark=145542&
151. BIBLIOTHEQUE ORIENTALE, OU DICTIONNAIRE UNIVERSEL contenant tout ce qui fait connaître les peuples de l'orient. Leurs histoires et traditions tant fabuleuses que véritables. Leurs religions et leurs sectes. Leurs gouvernements, politique, loix, moeurs, coutumes, et les revolutions de leurs empires. Les arts et les sciences, la theologie, médecine, mythologie, magie,

hysique, morale, mathematiques, histoire, naturelle, chronologie, geographie, observations, astronomiques, grammaire et rhétorique. Les vies de leurs saints, philosophes, docteurs, poètes, historiens, capitaines, et de tous ceux qui se font rendus illustres par leur vertu, leur savoir ou leur actions. Des jugements critiques et des extraits de leurs livres, écrits en arabe, persan ou turc fur toutes fortes de matières et de professions, par Mr. d'Herbelot, tome troisième, N-----Z. A LA HAYE, aux depens de J. Neaulme et N. van Daalen, Libraires. MDCCLXXVIII [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<http://avidreaders.ru/book/biblioth-que-orientale-ou-dictionnaire-universel2.html>

152. Lalla Rookh by sir Thomas Moore, written in 1817 [Электронный ресурс].

Режим доступа: <http://www/Levigilant.com/Bulfinch/LallaRookh.html>.

Приложение 1.

Н.Г. Коноплев⁸⁷ в журнале «Северная лира» в 1827 году опубликовал перевод из Саади «Соловей и муравей (Басня из Саади)».

Соловей имел в саду свое гнездо на ветви одного дерева; случилось, что под тем же деревом поселился и слабый муравей, который заботливо собирал запас в маленьком своем жилище на будущие голодные дни. Соловей днем и ночью порхал везде по саду и сладкими песнями всех очаровывал; между тем муравей день и ночь трудился. Соловей в цветниках старался только отличиться пленительным своим голосом. Он втайне изъявлял любовь свою к розе, а утренний ветерок расславлял ее повсюду. Видя ласки розы и нежность соловья, муравей сказал: «время покажет, какая польза от сих нежных разговоров!» Когда прошла весна и наступила осень, то на месте розы явились колючие терны, а жилище соловья занял ворон. Подул осенний ветер и начал срывать листья с деревьев; зелень пожелтела, и наступил холод; из облака, подобного диадиме, посыпались перлы, и из воздуха, как из сита, начала сеяться чистая камфора. Соловей прилетел в сад; но не видит уже прелестного цвета розы, не чувствует благовонного запаха гиацинта. Тысячезвучный язык его онемел. Нет розы, красоту коей мог бы он созерцать; нет зелени, которая бы пленяла его своею прелестью. Это несчастье отняло у него все силы; эта горесть лишила его сладких звуков. Тут вспомнил он, что муравей в последнее время жил под этим деревом и запасался пищею. - Пойду, подумал он, представлю свою нужду муравью и по праву соседства выпрошу у него что-нибудь! Таким образом голодный соловей с униженною просьбою явился к муравью и сказал ему: «любезный друг! щедрость есть признак богатого и капитал счастливого. Я провел драгоценное время в беспечности; ты был догадливее, заготовляя себе запас;

⁸⁷ Николай Гаврилович Коноплев (ок. 1800-1855) – ориенталист, переводчик, владевший фарси, арабским и турецким языками. Выпускник Московского университета, ученик профессора восточных языков А. В. Болдырева [103].

не уделишь ли мне теперь из одного сколько-нибудь по своему великодушию?» Муравей отвечал: «ты пел день и ночь, а я трудился. Ежеминутно занимаясь прелестями розы и плененный созерцанием весны, ужели ты не знал, что за весной следует осень, и что всякая дорога приводит в пустыню?»»

О, друг мой! рассмотри внимательно, что случилось с соловьем, и помни, что за жизнью следует смерть, и каждое наслаждение отравляется горестью [139].

Приложение 2.

«Искусство править государством или наставление престарелого Персидского монарха сыну его».

Ничего толико не страшися, как собственной своей власти. Она тогда только бывает счастием, когда управляется премудростью. Не упускай при своем правлении никогда из виду законов и введенного в государстве порядка. Не вознамеривайся ни к чему, тем меньше в вещах, к которым ты особенно ощущаешь склонность, не размыслив прежде строго о предприятии своем; и тотчас отвергай его, если ли должно тебе краснеть при объявлении онаго всенародно.

Знай, что мы ничего не можем любить, как только то, что способствует нашему благополучию. Есть ли народ под твоим владением будет жить в мире и вольности; есть ли не будет вредить ему никакой внешний враг; есть ли он будет надежен в своих трудах; есть ли правосудие будет наблюдаться у судей; есть ли никто не будет страдать, кроме преступников, осуждаемых законом: то конечно подданные твои возлюбят и правителя, толикое блаженство им доставляющего.

Не упускай ни единого часа, который ты обязан употребить в пользу государства.

От непорядка происходит неустройство. Нерадивость есть величайшая погрешность владетеля. Нерадивый правитель погубляет, предает свой

народ; ибо он предает его своим служителям для той единственной причины, чтоб вдаться лучше своей праздности.

Подданный гораздо несчастнее под владением нерадивого, нежели злаго государя.

Да будет благоденствие твоего народа главнейшим твоим желанием, величайшим твоим удовольствием. Радуйся когда ты видишь подданных своих в веселии. Почитай то приращением своих сокровищ, когда число их умножается; и полагай величайшую славу в том, когда ни один из них не имеет причины быть недовольным, или жаловаться.

Не воспрещай никогда доступу к себе своим подданным; они пойдут от тебя уже в половину довольны, когда ты только выслушаешь прозьбу.

Не подавай ни одному из служителей своих случая надеяться, что может тебя обмануть, или поступить несправедливо не быв узнан. Надзирай над ними; нападай на них в распloh, неопускай каждого способного случая, в котором можешь испытать их верность.

Люби науки. Они весьма нужны и полезны; они возвышают душу и вливают в неё любовь к порядку. Никто не склонен столько к бунту, как непросвещенные.

Не старайся распространить своего владения. Государство неимеющее причины страшиться беспокойных своих соседей, всегда довольно велико; и завоевания никогда не равняется тому несчастью, которое завоеватель причиняет своему народу. Не нападай, но защищай себя мужественно, когда оскорбляется честь твоей империи, или страждут твои подданные.

Не допускай никогда отправлению должностей в государстве быть наследственному.

Смотри строго за соблюдением образцов правосудия, ибо без них все самовольно.

Не подговаривай никогда судей; да и не избирай никогда особливых судей для особливых спорных дел, или преступлений.

Почитай весьма свято верность истину. Вероломство может иногда принести минутные выгоды, но оно оставляет по себе чрезмерный вред владельцем несдерживающим своего слова, гнушаются все соседи его; он подвергается всегдашней опасности, и не найдет никогда себе друга.

Не пременяй ни в чем расположения в своем государстве и для самых основательных причин, не посоветовавшись прежде с прочими чинами, из которых оно состоит. Законы получают надлежащую твердость не вдруг, и почтение, которое имеет к ним народ, основывается единственно на неперменности и вечности их.

Да не склонят тебя никогда к возвышению податей на твоих подданных, или к наложению новых. Где твои богатства, когда народ твой беден.

Радуйся, когда твои подданные имеют нечто сверх ежедневного пропитания, и находятся в состоянии жить весело. Они люди, и имеют такие же чувства, как и ты.

Пекись о том, чтоб дороги были в хорошем состоянии и безопасны. Покровительствуй купцам, и не ограничивай вольности торговли излишними законами. Они суть подпора твоего государства. Почитай их, престол твой заимствует свой блеск от их трудов.

Покровительствуй все художества. Ободряй их похвалами, платою, и честью. Изобретатель нового орудия есть благодетель государства. Кто учит тебя пожинать больше снопов с десятины, тот твой брат.

Цена всех ремесл определяется по мере их содействия в общем благе [19, I, с. 117-123].

Приложение 3.

«Артабан или Истинный государев советник»

Великий государь! Те, которые помышляют о великих предприятиях, должны прежде всего рассуждать, полезны ли они или вредны будут для государства? Будет ли исполнение оных удобно, или трудно; наконец согласны ли они, или противны правилам справедливости?

Слава государя, который любит свой народ, будучи взаимно нежно любим, и который вместо того, чтобы производить с соседними и отдаленными народами войну, препятствует им иметь оную, не блестящее той, которая приобретается опустошением земли, распространением повсюду кровопролития, беспокойства, страха, ужаса, отчаяния и смерти?

Действительно, справедлив ли тот и не грабитель ли, который без всякого на то права завладеет несколькими десятинами земли; и истинный ли будет тот герой, который из одного тщеславия пленит целые провинции? [19, II, с. 121-124].

Приложение 4.

Последняя слова Козроэса-Парвиса, сказанные им сыну своему.

«Любезный сын! Ты будешь Государем: знай, что счастье твое должно состоять единственно в счастье твоих подданных. Первая добродетель для Монарха есть справедливость; только ею можешь приобрести общую доверенность. Если хочешь быть любимым, то заслужи любовь. Не будь излишне страшен: ибо от страха не далеко ненависть. Ужасное состояние Владетеля, окруженного целым народом неприятелей.

Первое основание трона есть добродетель; без нее нет ничего твердого.

Войско покорит тебе рабов; но рабы не подданные. Усеяв землю трупами, кого заключишь в цепи? Вдов и сирот. Вопль сих несчастных, и кровь, которую ты пролил, навлекут на тебя мщение Небес. Чего ждать тебе от Вышняго, когда будешь виновником одних бедствий?

О сын мой! Умей заслужить благословение народа; оно лучше короны. Тот есть истинный Царь, кто любим сердцами. Будь страшен для одних злодеев.

Мы образ Божества на земле, когда добродетель есть Божество наше. Царь несправедливый есть бич людей: какая ужасная судьба!

Не отличай пользы твоей от пользы народной. Верь, что сребролюбие обманывается в своем расчете: ты не будешь в изобилии, когда подданные твои в недостатке. Только для их безопасности, для их благополучия имеешь право требовать части их богатства. Обидев одного, заставишь трепешать всех, а начав бояться Государя, они перестанут любить его.

Не ищи любви злаго; для него только будь грозен. Избавляя общество от худых людей, способствуешь общему благу; излишнее к ним снисхождение может быть вредно. Надобно отрубить голову волку, чтобы он не умерщвил агнцев. Еще более стерегись лицемеров; вор опаснее разбойника. Наказание злых есть конечно горестная должность Государей; но если она необходима, то утешайся исполнением другой, приятнейшей для твоего сердца: будь покровителем наук, торговли, а особливо земледелия. Трудные работы поселян имеют нужду в одобрении; изобилие и мир на них основаны. Никакая награда не может сравниться с пользой, которую земледelec приносит государству [11, с.92-94].

Приложение 5

1. «А я, в отраду, научу тебя преданию из книги, прежде всех век изданной: Эрут и Мерут были два ангела, ниспосланные богом для отвращения человеков от соблазна любви. Тогда же долу спустилась планета Венера в лице жены прелестной. Послы господни ее увидели, смутились в сердцах своих, к ней прилепились всею силою чувств... как вдруг взвилась она высоко от желателей и восприяла свое место в телах небесных. Два ангела – вслед за нею, но охватили мрак и пустоту» [5, с. 490].

2. «Еще во время своего первого приезда в Персию, Грибоедов обратил на себя внимание маздаистов; он был человеком исключительно одаренным в духовной области, и должен был, во что бы ни стало пойти этим путем. У себя на родине он уже принадлежал к духовному братству, но у нас люди редко доходят до Конечной цели в своих исканиях. Грибоедов был одним из тех людей, для которых связанность внешними обстоятельствами не может

явиться препятствием, он легко бы нашел силу порвать со всем, если бы не особое обстоятельство. Грибоедов был связан внутренне: он хотел писать, хотел выразить то, что ему никак не удавалось. Блестяще образованный, умный и тонкий человек, он не был по-настоящему одарен в той области, в которой ему это более всего хотелось.

Но у нас есть особые способы: при помощи некоторых средств можно на время вызвать в человеке искусственную гениальность. Только одного нельзя сделать – удержать это состояние навсегда.

Грибоедов дал согласие на такой опыт – и видел во сне план своей будущей комедии, которая стала потом знаменитой в России. Но, написав ее, он окончательно исчерпал себя как писатель и больше не мог написать ничего такого же замечательного.

Несколько лет он еще колебался, но, наконец, понял свой путь. Даже любовь к жене его больше не удерживала. Он порвал цепи – и под другим именем долго еще жил в нашей среде, никем не тревожимый, никем не признанный. В Персии, как вы знаете, легко осуществляются такие вещи, как подмена трупа. О мятеже знали заранее, и все было подготовлено. Изрубленное и нарочно изуродованное тело опознали потом по искалеченной руке – но дальше эта история для нас не имеет уже интереса» (Терапиано Ю. Маздеизм. Современные исследования Зороастра. – Париж, 1968. – С. 48-49) [130, с. 222].

Приложение 6.

Был некто в городе богат.
 Когда нуждающийся брат
 Свое другим поведал горе;
 Ему советовали вскоре
 К тому богатому идтить
 И помощи его просить.
 Сему ужасно не хотелось

Принять себе такую смелость,
Чтоб данный выполнить совет:
Чего у сердца в мыслях нет?
Но впрочем кое-как скрепился
Убогий, к богачу явился. –
Что-же он встречает? Гнусный вид,
Взгляд пасмурный, суровый, грубый,
Молчание, отвислые губы. –
Проситель тотчас вон бежит,
Назад, не говоря ни слова,
Его прочь гонит вид суровый. –
Слуга спешит ему сказать:
Наш господин желает знать:
«Что прочь идешь?» - Нашелся нищий
Остановившись дать ответ:
«Хоть часто я сижу без пищи,
Хоть у меня приносу нет;
Но я пред вашим Господином,
С его богатством, знатным чином,
Гнушаюсь отворить мой рот,
Чтоб мог просить его щедрость.
Что Господин ваш мог, как знаю,
Мне дать от злата своего,
Ту милость в жертву оставляю
Я красоте лица его».....
Не открывай ты нужд своих
Пред человеком зверовидным:
Злой нрав его тебе обидным
Послужит наказаньем в миг.

Держись моего совета,
 Откройся в нужде вот кому:
 Чей взор – наличная монета,
 Отрада сердца твоему... (Saadi dans le Gulistan, Liv.3) [1, с. 255-257].

Приложение 7.

Боби Дувум. Дар эҳсон

1. Агар хушмандӣ, ба маънӣ гарой,
2. Ки маънӣ бимонд зи сурат ба чой.
3. Киро донишу чуду такво набуд,
4. Ба сурат - дараш ҳеч маъно набуд.
5. Касе хусбанд осуда дар зери гил,
6. Ки хусбад аз ӯ мардум осудадил.
7. Ғами хеш дар зинедарӣ хур, ки хеш
8. Ба мурда напардозад аҳирси хеш.
9. Нахоҳӣ, ки бошӣ парокандадил,
10. Парокандагонро зи хотир маҳил.
11. Парешон кун имрӯз ганҷина чувт,
12. Ки фардо калидаш на дар дасти туст.
13. Ту бо худ бибар тӯшаи хештан,
14. Ки шафқат наёяд зи фарзанду зан
15. Касе гӯйи давлат зи дунё барад,
16. Ки бо худ насибе ба уқбо барад.
17. Ба ғамхорағӣ чун сарангушта ман
18. Нахорад кас андарчаҳон пушти ман
19. Макун, бар кафи даст неҳҳар чӣҳаст
20. Ки фардо ба дандон барӣ пушти даст.
21. Ба пӯшидани ситри дарвеш кӯш,
22. Ки ситри удоят бувад пардапӯш.
23. Магардон ғариб аз дарат бенасиб,

24. Мабодо, ки гардйба дарҳо ғариб.
25. Бузурге расонад ба муҳтоҷ хайр,
26. Ки тарсад, ки муҳтоҷ гардад бағайр.
27. Ба ҳоли дили хастагон дарнигар,
28. Ки рӯзе ту дилхаста бошӣ магар
29. Даруни фурӯмондагон шод кун,
30. Зи рӯзи фурӯмондагӣ ёд кун.
31. На хоҳандай бар дари дигарон?
32. Ба шукрона хоҳанда аз дар марон [29, с. 84].

33. Падармурдаро соя бар сар фикан,
34. Ғубораш бияфшону хораш бикан.
35. Надонӣ, чӣ будаш фурӯ монда сахт,
36. Бувад тоза бе бех ҳаргиз дарахт?!
37. Чу бинӣ ятиме сар афканда пеш,
38. Мадех бӯса бар рӯи фарзанди хеш.
39. Ятим ар бигиряд, кӣ нозаш харад?
40. В-агар хашм гирад, кӣ борааш барад?
41. Ало, то нагиряд, ки арши азим
42. Биларзад ҳама, гар бигиряд ятим.
43. Ба раҳмат бикӯш обаш аз дида пок,
44. Ба шафқат бияфшонаш аз чехра хок.
45. Агар сояи худ бирафт аз сараш,
46. Ту дар сояи хештан парвараш.
47. Ман он гаҳ сари тоҷвар доштам,
48. Ки сар дар канори падар доштам.
49. Агар бар вучудам нишастӣ магас,
50. Парешон шудӣ хотири чанд кас.

51. Кунун душманон гар барандам асир,
52. Набошад кас аз дӯстонам насир [29, с. 85].
53. Маро бошад аз дарди тифлон хабар,
54. Ки дар тифлӣ аз сар бирафтам падар.
55. Яке хори пои ятиме биканд,
56. Ба хоб-андараш дид Садри Хучанд.
57. Ҳамае гуфту дар равзаҳо мечамид,
58. К-аз он хор бар ман чӣ гулҳо дамид.

59. Машав, то тавонӣ, зи раҳмат барӣ,
60. Ки раҳмат барандат, чу раҳмат барӣ.
61. Чу инъом кардӣ, машав худпараст,
62. Ки ман сарварам, дигарон зердаст.
63. Агар теги давронаш андохтаст,
64. На шамшери даврон ҳанӯз охтаст.
65. Чу бинӣ дуогӯи давлат ҳазор,
66. Худовандро шукри неъмат гузор.
67. Ки чашм аз ту доранд мардум басте,
68. На ту чашм дорӣ зи дасти касе.
69. Карам хондаам сирати сарварон
70. Ғалат гуфтам, ахлоқи пайғамбарон [29, с. 86].

Совет. Будь благодетель сирым.

1. Прости свою тень над главою
2. Того, кто потерял отца,
3. Прах от него сними рукою,
4. Вынь терн пронзающий птенца –
5. Вину его уничиженья
6. Ты знаешь: рок его таков.
7. Как может древо без коренья

8. Покрыться зеленью листов?
9. Коль сирый, чернотой покрытый,
10. Случится быть в твоём дому;
11. Тогда лобзаний не твори ты
12. Родному сыну твоему⁸⁸
13. Коль плачет сирый, кто терпенье
14. То на себя захочет взять,
15. Чтоб дать страдальцу утешенье,
16. Дитя к себе тем привязать?
17. Предастся-ли он гневу люту
18. За горесть сердца своего;
19. Кто даст ему в сию минуту
20. Совет, чтоб утолить его?
21. Коль есть ему в тебе потреба,
22. Смотри, чтобы не заплакал он:
23. Вопль нишаго восходит в небо,
24. И потрясает Божий трон...
25. Коль плачет сирота; излиты
26. Горючи слезы осуши,
27. И грязну воду от ланиты
28. Любви рукою снять спеши.
29. Когда глава без прикровенья
30. Осталася у сироты;
31. Будь кров ему и защищенье,
32. Дай воспитанье сиру, ты.
33. Когда глава моя лежала
34. На лоне моего отца;

⁸⁸«Я думаю, сие значит: не целуй сына своего в сию минуту, бояся чтобы сие не послужило к его несчастью». Примечание Силвестра Сасия [1, с. 248].

35. Душа моя воображала:
36. Я Царь в сиянии венца!
37. Тогда сядь муха мне на тело,
38. Прервать спокойствие мое;
39. Тотчас-бы много прилетело
40. Людей, дабы согнать ее...
41. А ныне, если-бы случилось
42. Врагам во плен меня влещи;
43. Ни в ком усердья-б не явилось,
44. Ко мне на помощь притещи.
45. Я ведаю, какая бедства
46. Терпеть надлежит сиротам,
47. За тем, что я во время детства
48. Остался сиротою сам.

Saadi dans son Boustan [1, с. 247-249].

Приложение 8.

Светлана Дмитриева. Саади Ширази «Эй сорбон» – «О, караванщик!»

1. О, караванщик, тише звон! То жизнь со мной прощается.
Вослед усладе сердце вон, – душа, стой! – Прощается.
2. Оставлен, сир я и разут, ничем уже не дорожу.
Пронзаем жалом, что в грозу во мне с тобой прощается.
3. Лукавил я и делал вид, что весел, ветрен, деловит.
Но сокровенное кровит в проём дверной, прощается.
4. Эй, караванщик, мягче шаг! Там в паланкине спит душа.
Тут от любви к ней, не дыша, едва живой прощается.
5. Там ветер полами смущён, тут яд разлукой замещён.
Я растворён и разлучён, мой луч свечой прощается.
6. А если вспыхнешь предо мной, сгорю в блаженстве, сам не свой
Сродни кадилнице, густой дым с головой прощается.

8. Но милой гнёт приняв, к суду я равнодушен на беду.
В груди тебя ценя, в бреду язык с ценой прощается.
9. Вернись, предстань же наяву, – свою прелестницу зову.
Воззванья в небеса плывут, мятеж с землей прощается.
10. Ночами маюсь, ночь слова доносит, кругом голова.
Плетусь без цели, жив едва, а путь с уздой прощается.
11. Молил в слезах я: пусть верблюд устанет свой нести сосуд. –
Но тщетен был мой тяжкий труд, что с пустотой прощается.
12. Живу мечтой о встрече с ней, не сплю ночей, не помню дней.
И будь, что будет, мне видней, – ей нрав крутой прощается.
13. Я слышал много разных слов, как души покидают кров.
И сам вот вижу меж миров, как жизнь со мной прощается.
14. Оставь свой ропот, Саади! Рыдай и сам себя суди!
Терпеть не в силах. Боль, уйди! И плача, боль прощается.
- Перевод Темур Варки (Таджикистан) [138]